

925.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ
ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПЕРІОДА

Е. В. ПЪТУХОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ

I. ПОСЛѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. — II. ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ВРЕМЯ

ЮРЬЕВЪ

ТИПОГРАФІЯ К. МАТТИСЕНА

1914.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ
ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПЕРІОДА

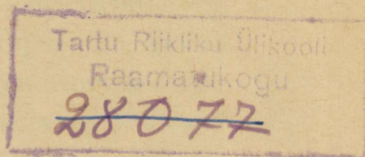
Е. В. ПЪТУХОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ

I. ПОСЛѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. — II. ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ВРЕМЯ

ЮРЬЕВЪ

ТИПОГРАФІЯ К. МАТТИСЕНА

1914.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

13586

Очерки изъ исторіи русской литературы первой половины XVIII вѣка.

(Послѣ Петра Великаго. — Елизаветинское время)¹).

1.

Новыя потребности литературы. — Схоластика и новоклассицизмъ.

Въ исторіи литературнаго развитія, м. б., болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области историческихъ явленій, называется вліяніе сильныхъ индивидуальностей, отмѣчающихъ собою грани перехода отъ одного періода къ другому. Такой индивидуальностью по отношенію къ новому періоду русской литературы является колоссальная личность Ломоносова — творца новой русской литературы и создателя русскаго литературнаго языка, какъ принято опредѣлять его историческую роль въ ходѣ нашей литературы. Но факты литературнаго развитія носятъ на себѣ общую черту всякаго историческаго процесса — постепенность: поэтому и Ломоносовъ, какъ дѣятель русской литературы, имѣлъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, опирался на извѣстнымъ образомъ подготовленную почву, окруженъ былъ сотрудниками и могъ видѣть передъ собою тѣ условія, изъ которыхъ выросла преемственная связь между его работой и послѣдующимъ ходомъ русской литературы. Въ виду этого, намъ

1) Настоящіе „Очерки“ являются прямымъ продолженіемъ книги: Русская Литература. Древній періодъ. 2 изд. Юрьевъ. 1912.

необходимо отмѣтить нѣкоторые факты, дѣлающіе болѣе очевиднымъ и естественнымъ наступленіе новаго періода.

Уже послѣдніе представители „переходнаго времени“ — Посошковъ, Татищевъ и въ особенности Кантемиръ — носятъ въ себѣ вѣяніе новой эпохи: они вводятъ въ русскую литературу преобладаніе свѣтскихъ интересовъ надъ духовными, расширяютъ область литературнаго воздѣйствія на общество, выдвигаютъ на видное мѣсто самую роль литературы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, занятіе литературой у нихъ не проникнуто еще той долей общественнаго сознанія, которая бы привела ихъ къ рѣшимости отдать все свои силы на служеніе литературѣ: послѣдняя является для нихъ дополненіемъ, хотя и очень значительнымъ, къ ихъ практической или служебной дѣятельности; самый складъ общественной жизни и понятій мало еще способствовалъ возможности подобнаго взгляда на литературу; наконецъ, произведенія этихъ писателей, въ бѣльшей своей части, не были своевременно напечатаны, довольствовались лишь старыми способами распространенія среди читателей и потому не имѣли того общественнаго вліянія, на которое могли бы рассчитывать по своему характеру и по внутреннему намѣренію ихъ авторовъ. Эти поступательные шаги русскаго литературнаго развитія должны были достаться на долю уже послѣдующаго, новаго, періода.

Каковы же были новыя потребности литературы въ самомъ началѣ новаго періода? На этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь такъ: онѣ были въ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ времени, съ господствующимъ настроеніемъ правительства и высшихъ общественныхъ классовъ — примкнуть къ Западной Европѣ, овладѣть результатами ея просвѣщенія и, по возможности широко, привить ихъ къ потребностямъ и цѣлямъ русской жизни. Вся дѣятельность Петра Великаго и его ближайшихъ сотрудниковъ ушла на принципиальную постановку и осуществленіе этой задачи. Что

касается, въ частности, литературы, то въ этомъ отношеніи въ собственно Петровскую эпоху создано было — главнымъ образомъ путемъ переводовъ — чрезвычайно много; при этомъ, рядомъ съ практическими цѣлями, въ области политики и общественнаго устройства, не упускались изъ виду и задачи общеобразовательныя и гуманитарныя; русскіе читатели первыхъ двухъ десятилѣтій XVIII в. имѣли возможность въ многочисленныхъ переводахъ ознакомиться съ рядомъ извѣстныхъ на Западѣ сочиненій по исторіи, миѳологіи, богословскимъ и философскимъ вопросамъ и т. д. Все это содѣйствовало и успѣхамъ въ области собственно литературныхъ понятій и интересовъ. Представители литературы не могли не видѣть силы ея, какъ самостоятельнаго фактора народной жизни. Рядомъ съ этимъ, возникали и крѣпли потребности эстетическія и моральныя, удовлетвореніе которыхъ всецѣло ложилось на литературу и требовало отъ нея усиленнаго движенія впередъ.

Пересадить на русскую почву гуманитарныя науки и литературу было, конечно, труднѣе, чѣмъ технику военнаго дѣла или мореплаванія. Для успѣха въ этомъ необходима была извѣстная умственная среда; нужны были люди, которые, въ качествѣ авторовъ или переводчиковъ, приняли бы на себя соотвѣтственную активную роль; наконецъ, требовался литературный языкъ для передачи непривычныхъ отвлеченныхъ понятій, образовъ и представленій. Вслѣдствіе этого, самый процессъ литературнаго обновленія дѣлался весьма труднымъ и сложнымъ. Представители литературнаго движенія въ первыя три десятилѣтія послѣ Петра Великаго обнаруживаютъ огромное напряженіе своихъ духовныхъ силъ, но не всѣ результаты этой работы идутъ собственно на успѣхи литературы; сообразно духу времени и широкимъ потребностямъ жизни, писательскія силы, которыхъ было и безъ того немного, дробятся на служеніе интересамъ науки и литературы одновременно, посвящаютъ

себя съ одинаковой ревностью и созданію собственно литературныхъ произведеній, въ области лирики, эпоса и драмы, и разработкѣ теоретическихъ вопросовъ изъ того же круга литературныхъ интересовъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Таковъ былъ характеръ дѣятельности Ломоносова, Тредьяковскаго и отчасти Сумарокова — этихъ трехъ виднѣйшихъ представителей литературы т. наз. Елизаветинской эпохи или, вѣрнѣе, почти четырехъ десятилѣтій XVIII в. со смерти Петра Великаго. Въ Ломоносовѣ мы видимъ болѣе ученаго, чѣмъ поэта, и даже сама ученая его дѣятельность въ главнѣйшей своей части относится къ области, весьма далекой отъ поэзіи; Тредьяковскій работаетъ съ особеннымъ напряженіемъ въ сферѣ теоретико-литературныхъ вопросовъ и усердно переводитъ историческія сочиненія, наряду съ посильнымъ и, въ результатѣ, весьма незавиднымъ служеніемъ поэзіи; только Сумароковъ посвящаетъ свои силы главнѣйшимъ образомъ поэзіи, въ частности драмѣ, хотя не чуждается и теоретическихъ вопросовъ въ области языка и литературы, но онъ уже второй половиной своей дѣятельности входитъ въ послѣдующую, Екатерининскую, эпоху, отмѣченную гораздо болѣе широкимъ развитіемъ литературы.

Литературные труды трехъ названныхъ писателей были направлены главнымъ образомъ на усвоеніе западно-европейскихъ литературныхъ формъ и на выработку русскаго литературнаго языка въ стихахъ и прозѣ; рядомъ съ этимъ, но менѣе сознательно и какъ бы на второмъ планѣ, шло уясненіе вопросовъ о сущности поэзіи, ея происхожденіи и роли въ индивидуальной и общественной жизни. Выработка понятій о поэзіи, ограничивавшейся тогда исключительно стихами, и о литературныхъ формахъ всецѣло опиралась на западно-европейскіе образцы какъ въ идеѣ, такъ и въ ея осуществленіи, но созданіе новаго литературнаго языка, хотя теоретически также исходило изъ основныхъ потребностей литературы въ западно-европейскомъ смыслѣ, однако въ

своемъ осуществленіи цѣликомъ было дѣломъ самостоятельныхъ усилій русскихъ писателей, степени ихъ образованія, творческаго дарованія и ревности къ успѣхамъ родной литературы. Трудность литературной работы трехъ упомянутыхъ писателей происходила не только изъ совершенной новизны дѣла, но и изъ отсутствія объединяющаго ихъ дѣятельность начала, въ смыслѣ какой-либо литературной школы или традиціи: правда, Тредьяковскій и Ломоносовъ оба учились въ Московской славяно-греко-латинской школѣ, но это ученье было у нихъ кратковременно, до извѣстной степени случайно, удалено отъ живыхъ потребностей тогдашняго европейскаго образованія, да и послѣдующая судьба обоихъ писателей въ годы ихъ заграничнаго скитанья была совершенно различна: одинъ примкнулъ къ литературѣ французской, а другой черпалъ свои литературныя понятія изъ нѣмецкаго источника; что же касается Сумарокова, то Шляхетный Корпусъ, въ которомъ онъ обучался, не далъ ему почти никакихъ прочныхъ литературныхъ познаній, и литературное его развитіе совершалось исключительно по французскимъ книжнымъ источникамъ и отчасти по письменнымъ, весьма случайнымъ, сношеніямъ съ корифеями французской литературы. Единственнымъ объединяющимъ началомъ этихъ нашихъ писателей, выступившихъ на литературное поприще почти одновременно (въ тридцатыхъ и въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ XVIII в.), была та мысль, что они служатъ большому національному дѣлу и содѣйствуетъ величію и славѣ возрожденнаго къ новой жизни отечества. Въ самомъ дѣлѣ, умирая, Петръ Великій оставилъ Россію съ большими надеждами на будущее: послѣ цѣлаго ряда блестящихъ военныхъ успѣховъ на сушѣ и на морѣ, упрочившихъ внѣшнее могущество Россіи, въ самомъ разгарѣ внутреннихъ преобразованій, не законченныхъ, но направленныхъ къ единой цѣли широкаго духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія, она давала поводъ

гордиться ею въ разныхъ отношеніяхъ, и энергія писателей этой эпохи, чувствовавшихъ исключительную важность переживаемаго ими момента, была направлена естественнымъ образомъ на то, чтобы перенести на русскую почву и плоды высшей западно-европейской культуры, поскольку они выразились въ литературныхъ формахъ; именно этимъ стремленіемъ и объясняется то обстоятельство, что, при нерѣдкихъ разногласіяхъ въ частностяхъ, продиктованныхъ повышеннымъ самолюбіемъ или неудержимой ревностью къ вопросамъ, разно понимаемымъ по новизнѣ самаго дѣла, писатели эти всегда находили возможность объединенія въ идеѣ своего общаго служенія родинѣ, въ чувствѣ національной гордости, хотя по временамъ и то и другое въ крайне неудачной формѣ и забавныхъ преувеличеніяхъ, свойственныхъ духу времени или вытекавшихъ изъ личнаго темперамента участниковъ.

Въ самомъ фактѣ соприкосновенія русской литературы описываемаго времени съ литературными образцами Запада были нѣкоторыя особенности, незамѣчавшіяся прежде, когда наша литература также подпадала вліянію литературъ чужеземныхъ. Греческая литература изъ Византіи и средне-вѣковая латинская литература съ Запада дѣйствовали на русскую литературу, за немногими исключеніями, не непосредственно, а черезъ южное и сѣверо-западное славянство — болгарь, сербовъ, далматинцевъ, чеховъ и поляковъ; собственно петровская эпоха, правда, дала немало переводовъ съ живыхъ западно-европейскихъ языковъ непосредственно, но это вліяніе шло только книжнымъ образомъ и лишь въ малой степени захватывало область собственно-литературныхъ вопросовъ и представленій; въ эпоху же послѣ Петра наши литературные дѣятели, специализируя свои литературно-эстетическіе и морально-философскіе интересы, вступаютъ въ живое и непосредственное сношеніе съ носителями западно-европейской научной и литературной мысли

и съ тѣмъ обществомъ, среди котораго и для котораго эта литература создавалась; это послѣднее обстоятельство видоизмѣняло и самое отношеніе нашихъ писателей къ литературѣ чужеземной, создавая въ ихъ собственныхъ глазахъ совершенно иное представленіе о предстоявшей имъ задачѣ по ихъ дѣятельности, въ качествѣ писателей, у себя на родинѣ и о самой сущности литературной работы и ея вліяніи на общество. Кромѣ того, и времена для западно-европейскаго литературнаго развитія были совершенно иныя. Впрочемъ, эта новизна для русской литературы уравнивалась, въ далекой перспективѣ историческихъ событій, однимъ весьма старымъ обстоятельствомъ: на этотъ разъ, какъ и раньше, чужеземное вліяніе явилось къ намъ съ большимъ опозданіемъ. Въ первой половинѣ XVIII в. во главѣ западно-европейскаго литературнаго движенія стояла французская литература, достигшая къ этому времени апогея своего развитія и являвшаяся образцомъ для другихъ западно-европейскихъ національностей: это такъ наз. ложноклассическая или, вѣрнѣе, новоклассическая литература Франціи, бывшая результатомъ первоначальной эпохи итальянскаго возрожденія въ XV и XVI вв., опиравшаяся въ своихъ начаткахъ на Испанію, потомъ развернувшаяся до небывалаго блеска у себя на родной почвѣ въ XVII в. при Людовикѣ XIV и ко второй четверти XVIII в. уже бывшая наканунѣ новыхъ западно-европейскихъ культурныхъ и литературныхъ воздѣйствій, шедшихъ главнымъ образомъ изъ Англіи и Германіи. Такимъ образомъ, не смотря на весь свой непререкаемый авторитетъ, въ особенности въ лицѣ уже сошедшихъ со сцены Расина, Корнеля, Мольера и Буало, французскій новоклассицизмъ первой пол. XVIII в., бывший для русскихъ писателей этой эпохи явленіемъ новымъ, на самомъ дѣлѣ уже отживалъ свое время и готовился передать свою историческую роль свѣжимъ теченіямъ изъ англо-саксонскаго источника, изъ области по-

ваго европейскаго возрожденія, въ основѣ котораго лежалъ интересъ къ родной средневѣковой старинѣ, къ идеѣ народности и національнаго развитія.

Однако было бы ошибочно думать, что первые сторонники литературнаго новоклассицизма на русской почвѣ были совершенно не подготовлены къ воспріятію этого новшества. Отдѣльные элементы новоклассицизма имѣлись уже въ кievскихъ и московскихъ штикахъ схоластическаго типа, и вопросъ объ отношеніи послѣднихъ къ понятіямъ и приемамъ русскаго новоклассицизма въ первой половинѣ XVIII в. имѣеть значительный историческій интересъ. Однимъ изъ первыхъ, поднявшихъ этотъ вопросъ въ научной литературѣ, былъ А. И. Соболевскій, и рѣшалъ его такъ, что въ сущности новоклассицизмъ (или, какъ онъ называетъ его, ложноклассицизмъ) начался у насъ еще на югѣ Россіи въ XVII в. и отсюда перенесенъ былъ южно-русскими дѣятелями и книжнымъ путемъ въ Москву¹⁾. Болѣе подробно обсужденію вопросъ этотъ подвергнутъ былъ проф. В. Н. Мочульскимъ, который поставилъ себѣ задачей сравнить теоретическія воззрѣнія южно-русскихъ штиковъ XVII в. по общимъ и частнымъ вопросамъ поэзіи съ сужденіями главнаго кодекса французскаго новоклассицизма, *L'art poétique* Буало. Представленныя авторомъ наблюденія очень любопытны. По вопросу о сущности поэзіи и ея задачахъ, школьныя штики (гл. обр. Лаврентій Горка и Гр. Конисскій) высказываются такъ, что поэзія есть искусство вымысла и подражанія, что она должна пользоваться извѣстнымъ размѣромъ рѣчи (метромъ) и что цѣль ея заключается въ томъ, чтобы объяснять жизнь и служить для ея пользы и услажденія читателей; Буало, въ сущности, принимаетъ эти положенія, но въ особенности подчеркиваетъ дидактическое назначеніе поэзіи, впереди вымысла ставитъ разсудокъ, осо-

1) Когда начался у насъ ложноклассицизмъ? Библиографъ, 1890, № 1.

бенно рекомендуетъ внѣшнюю отдѣлку стиха и совѣтуетъ избѣгать низкихъ словъ и понятій, примѣняясь къ вкусамъ высшаго общества и авторитету двора. По частнымъ вопросамъ объ отдѣльныхъ поэтическихъ родахъ есть также разногласія. Пѣитики видѣли назначеніе трагедіи въ томъ, чтобы изображать дѣянія знатныхъ мужей, ихъ злоключенія и несчастные обороты судьбы; комедія должна изображать частныя дѣянія обыкновенныхъ людей, съ шуткой и смѣхомъ, и предназначена къ тому, чтобы исправлять личные и общественные нравы; трагикомедія же является собою смѣшеніе элементовъ трагедіи и комедіи, т. е. серьезнаго и смѣшного, печальнаго и остроумнаго, изображая лицъ какъ низкаго, такъ и знатнаго происхожденія; сообразно съ этимъ, трагедія должна писаться стилемъ высокимъ и важнымъ, комедія же — простымъ, народнымъ и вульгарнымъ; что касается фабулы, то трагедія не должна изображать цѣлую жизнь какого-либо героя и даже такое его дѣяніе, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ, но должна изображать эпизодъ изъ его жизни на протяженіи отъ одного до трехъ дней. У Буало относительно трагедіи указано три обязательныхъ положенія: 1) три единства (одно мѣсто дѣйствія, продолжительность его въ теченіе одного дня, сосредоточеніе дѣйствія на одномъ какомъ-либо героѣ: все это взято изъ Аристотеля и вообще древне-классической пѣитики), 2) подчиненіе авторитету Парижа или двора, 3) сохраненіе приличія. Менѣе различія въ сужденіяхъ схоластическихъ пѣитиковъ и Буало по вопросу о панегирикахъ, которые пѣитики причисляютъ къ эпическимъ произведеніямъ, и одахъ, являющихся самыми употребительными образцами лирики. Важнымъ вопросомъ, касательно способовъ поэтическаго выраженія, былъ въ пѣитикахъ и у Буало вопросъ объ употребленіи именъ языческихъ боговъ: пѣитики рѣшительно осуждали это употребленіе и допускали имена Паллады, Діаны, Нептуна или Вулкана лишь метонимически (т. е. вмѣсто: муд-

рость, чистота, вода, огонь) или аллегорически (имена музъ для обозначенія родовъ и видовъ науки и искусства); онѣ считали неприличнымъ для христіанскаго поэта такое обращеніе къ элементамъ язычества и рекомендовали, вмѣсто этого, скорѣе употреблять имена Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ; Буало, напротивъ, рекомендуетъ свободное обращеніе съ именами языческихъ боговъ, находя ихъ употребленіе, особенно въ эпосѣ и лирикѣ, необходимымъ украшеніемъ поэтическаго вымысла и не допуская это употребленіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поэтомъ воздается хвала Творцу міра. Изъ этихъ сопоставленій проф. Мочульскій дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ теоретическихъ воззрѣніяхъ школьныхъ пиитикъ и Буало гораздо больше чертъ различія, нежели сходства¹⁾, и находитъ въ этомъ основаніе значительно ограничить приведенное выше утвержденіе акад. Соболевскаго о перенесеніи въ Москву ложноклассицизма съ юга Россіи. Конечно, это послѣднее утвержденіе слѣдуетъ понимать лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ смыслѣ известной исторической связи между схоластическими воззрѣніями въ области поэзіи, поскольку они выразились въ школьныхъ руководствахъ XVII в. въ Южной Руси, и пріемами французскаго новоклассицизма нашихъ писателей въ первой половинѣ XVIII ст. На самой европейской почвѣ связь эта — если имѣть въ виду тамошнія схоластическія руководства, вродѣ Понтана или Скалигера, оказавшія сильнѣйшее вліяніе на возникновеніе нашихъ школьныхъ пиитикъ — не подлежитъ сомнѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть, что, примѣнительно къ обстоятельствамъ русскаго литературнаго развитія, связь эта имѣла и нѣсколько иныя, весьма любопытныя черты. Къ концу XVII и началу XVIII в. французскій новоклассицизмъ сдѣлался известнымъ и южно-русскимъ дѣятелямъ: Теофанъ Прокоповичъ зналъ Корне-

1) Отношеніе южно-русской схоластики XVII в. къ ложноклассицизму XVIII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1904, № 8, с. 361—377.

лева „Сида“ и Расинову „Андромаху“ въ польскихъ переводахъ Андрея и Станислава Морштыновъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что и вообще литературные дѣятели Южной Руси знакомы были, по крайней мѣрѣ черезъ посредство польскихъ переводовъ, съ теоріей и практикой общепризнаннаго европейскаго литературнаго движенія, шедшаго изъ Франціи; м. б., съ ними знакомъ былъ и Симеомъ Полоцкій¹⁾, и преподаватели піитики въ той московской школѣ, гдѣ набирались литературныхъ понятій Тредьяковскій и Ломоносовъ до своего непосредственнаго соприковновенія съ европейскимъ источникомъ новыхъ литературныхъ взглядовъ. Но, въ общемъ, условія литературнаго развитія въ ту пору въ Россіи и на Западѣ были столь различны и факты взаимодѣйствія высшихъ духовныхъ интересовъ въ этой именно области были съ той и другой стороны еще до такой степени незначительны и случайны, что указанную связь между русскими школьными руководствами XVII в. и современнымъ имъ литературнымъ теченіемъ во Франціи можно принять лишь съ большою долей ограниченія и въ самыхъ общихъ чертахъ. Т. о., для нашихъ первыхъ новоклассиковъ — даже тѣхъ, которые учились въ Московской Законоспасской школѣ — французскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще европейскій, новоклассицизмъ начала XVIII в. былъ явленіемъ психологически дѣйствительно новымъ, сравнительно съ тѣми скромными зачатками въ области литературы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которые они могли видѣть у себя на родинѣ.

---

1) Мочульскій, назв. ст., с. 379. — Сводку интересныхъ, но вполнѣ отрывочныхъ свѣдѣній о взглядахъ на теорію поэзіи, преимущественно лирической, въ Россіи XVIII вѣка можно найти въ статьѣ А. Круглаго: О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII столѣтія. Годовой Отчетъ Училища Св. Анны. Спб. 1893, с. 1—74.

В. К. Тредьяковскій. — Двойственный характеръ его литературной репутаціи. — Его жизнь. — Литературная дѣятельность: по теоріи и исторіи стихосложенія и поэтическихъ родовъ, по литературной критикѣ. — Переводныя и оригинальныя произведенія Т. въ области поэзіи.

Самымъ раннимъ изъ этихъ дѣятелей былъ В. К. Тредьяковскій. Судьба его литературной репутаціи и оцѣнка заслугъ, оказанныхъ русской литературѣ, имѣютъ характеръ непримиримой двойственности. Еще при жизни своей, будучи членомъ Академіи Наукъ и однимъ изъ усерднѣйшихъ ея дѣятелей, Т. долженъ былъ выслушивать и даже читать въ печатномъ видѣ нелестныя замѣчанія о своихъ литературныхъ работахъ: въ примѣръ можно привести сужденіе о Т. адъюкта Академіи Крузіуса, который, не ограничиваясь официальными донесеніями президенту о дурной латыни Тредьяковскаго, принималъ, повидимому, участіе и въ составленіи бранной статьи о Т. въ Лейпцигскихъ „*Neue Zeitungen von gelehrten Sachen auf das Jahr 1747*“ № XCI, въ которой, м. пр., говорилось, что „никто менѣе его неспособенъ“ къ преподаванію латинскаго и русскаго краснорѣчія, что „самый слогъ его ужасно варварскій“ и что „почти нѣтъ ни одной строки безъ грубой ошибки“ въ разбираемой тутъ рѣчи Т. „*Oratio de divite, varia, solerte ac dissimili eloquentia*“¹⁾; нѣсколько позднѣе (1750) Сумароковъ выводитъ его въ своей комедіи „Трессотиніусъ“ въ лицѣ пустого и глупаго педанта, а Ломоносовъ (1755) сочиняетъ на него эпиграмму, въ которой зло высмѣиваетъ ореографическіе приемы и правила Тредьяковскаго²⁾. Каково было отношеніе къ нему въ обществѣ, можно судить изъ невѣроятнаго почти поступка съ нимъ извѣстнаго Артемія Вольнскаго, который, въ покояхъ герцога Бирона, нанесъ безъ всякой причины

1) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ въ Петербургѣ, II. 111—112. 119.

2) Тамъ же, II. 177—178.

побой и униженіе Тредьяковскому и на другой день заставилъ его явиться въ маскарадъ съ готовыми стихами для приданія празднику веселости: за безчестье это, по указу, изданному въ регентство Бирона (1 ноября 1740), повелѣно было выдать изъ имущества обидчика Тредьяковскому 360 рублей¹⁾. Т. о., еще при жизни Т. сдѣлался своего рода „притчей во языцѣхъ“, какъ примѣръ самаго жалкаго скудоумія и ограниченнаго педантства, какъ человѣкъ лишенный всякаго достоинства и права на уваженіе, и такое отношеніе къ нему нельзя объяснить только нравами и грубостью тогдашняго времени. Не лучше было долгое время и послѣ смерти несчастнаго „пѣты“: по разсказу митр. Евгенія (Словарь свѣтскихъ писателей, II. 221), при Екатеринѣ II въ Эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ „Телемахиды“ страницу, а за болѣе важную выучить изъ этой поэмы шесть строкъ. Въ 1826 году Гнѣдичъ, въ предисловіи къ переводу Иліады, говоритъ о причинахъ, которыя дали ему „смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ“, а въ 1849 году одинъ изъ біографовъ Т. такъ писалъ объ отношеніи къ послѣднему въ русскомъ обществѣ: „Прошло 80 лѣтъ послѣ его смерти и болѣе полвѣка съ той поры, когда имя его, для всѣхъ и каждаго, сдѣлалось символомъ жалкой бездарности, бесплоднаго труженничества, литературнаго шутинства и даже какою-то странною вывѣскою низкой нравственности. Сравните съ Тредьяковскимъ какого-нибудь современнаго литератора, и вы нанесете ему ужасную обиду; произнесите имя Василя Кириловича въ какомъ-нибудь собраніи, и вы тотчасъ же на всѣхъ лицахъ замѣтите двусмысленныя улыбки, сопровождаемыя потомъ остроумными шуточками на счетъ бездарнаго пѣты. Издѣ-

2) Тамъ же, II. 78 - 81.

ваются надъ Тредьяковскимъ критики, подсмѣиваются теоретики, глумятся даже школьники. Да и какъ не глумиться? Имъ указываютъ на стихи Тредьяковскаго какъ на образецъ совершеннѣйшаго безсмыслія, и каждый изъ нихъ готовъ, для примѣра, повторить нѣсколько нелѣпныхъ фразъ изъ Телемахида¹⁾. Взглядъ этотъ, непровѣряемый непосредственнымъ знакомствомъ съ произведеніями Т. и не уравновѣшиваемый соображеніями о томъ времени, когда онъ жилъ, по силѣ преданія и рутины, держится отчасти въ широкой публикѣ и до сихъ поръ: „въ понятіяхъ большинства живетъ понынѣ только преданіе о феноменальной будто бы бездарности Т., и ничего неизвѣстно объ его огромныхъ трудахъ и пользѣ, имъ принесенной“²⁾. И этому не помогъ цѣлый рядъ отзывовъ о Т., болѣе безпристрастно и справедливо выставляющихъ его заслуги. Еще въ 1768 году, т. е. при жизни Т., авторъ „Извѣстія о русскихъ писателяхъ“, анонимно напечатаннаго на нѣмецкомъ языкѣ въ лейпцигскомъ журналѣ „Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste“ (В. VII. 1, 2), отмѣчаетъ о Т.: „Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ проложилъ въ своемъ отечествѣ дорогу изящнымъ наукамъ, преимущественно же стихотворству, хотя собственныя произведенія его, безъ сомнѣнія, должны быть причислены къ разряду посредственныхъ... Общество не можетъ достаточно возблагодарить его и за изданныя имъ правила стихотворства, которыя были руководствомъ въ искусствѣ поэзіи для тѣхъ, кому неизвѣстны иностранныя языки, какъ и вообще пособіемъ въ сужденіяхъ о произведеніяхъ вкуса для любителей“³⁾. Н. И. Новиковъ въ своемъ „Трутнѣ“ въ 1769 году

1) И р. Введенскій. Матеріалы для исторіи русской литературы. Тредьяковскій. Сѣверное Обзоріе, 1849. II, с. 428—429.

2) Л. Майковъ. Молодость В. К. Тредьяковскаго до его поѣздки за границу. Ж. М. Н. Пр. 1897 № 7, с. 2.

3) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. П. Ефремова. СПб. 1867, с. 130—131.

чрезвычайно сочувственно отозвался о Т., а въ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ (1772) такъ, м. пр., характеризуетъ его заслуги и личность: „Сей мужъ былъ великаго разума, многого ученя, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія... Полезными своими трудами приобрѣлъ онъ себѣ безсмертную славу и первый въ Россіи сочинилъ правила новаго россійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше“¹⁾. Далѣе, въ концѣ XVIII и нач. XIX в. высоко цѣнили заслуги Тредьяковскаго А. Н. Радищевъ и митр. Евгеній, а въ 1834 году, въ „Мысляхъ на дорогѣ“ Пушкинъ, забывшій свой юношескій суровый отзывъ о Т. въ стих. 1817 года „къ Жуковскому“, далъ теперь такую его характеристику: „Т. былъ конечно почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное чувство изящнаго... Вообще изученіе Тредьяковскаго проносить болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей: Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго“ (Соч., изд. Лит. Фонда, V. 225—226). Горячимъ защитникомъ Тр-го явился въ сороковыхъ годахъ упомянутый Ир. И. Введенскій, а въ послѣдующіе годы отношеніе къ Т. было исключительно научное, съ болѣе спокойнымъ указаніемъ на цѣнность и историческое значеніе его литературныхъ трудовъ.

Жизнь Т. носить на себѣ типическія черты, прекрасно характеризующія ту эпоху. Василій Кириловичъ Тредьяковскій родился въ Астрахани 22 февраля 1703 года; его отецъ и дѣдъ были тамъ приходскими священниками. Пер-

1) Тамъ же, с. 106—107.

воначальное ученье его прошло дома, и первымъ учителемъ былъ отецъ, обучившій мальчика грамотѣ, письму и церковному пѣнію; лѣтъ шестнадцати юноша Т. поступилъ въ школу, содержавшуюся католическими монахами капуцинскаго ордена въ Астрахани, обучаясь тамъ латинской грамматикѣ и отчасти словеснымъ наукамъ. Въ пору пребыванія Т. въ этой школѣ, Астрахань посѣтилъ, въ 1722 году, передъ отправленіемъ въ Персидскій походъ Петръ I, и это было однимъ изъ яркихъ юношескихъ впечатлѣній Т.; отецъ готовилъ его, разумѣется, въ священники, была уже подыскана и невѣста, но наканунѣ предполагаемой свадьбы Т. покинулъ родной домъ и городъ, и тайно отправился въ Москву. Здѣсь онъ поступилъ въ Заиконоспасскую школу, какъ называлась тогда московская славяно-греко-латинская академія, въ одинъ изъ среднихъ классовъ, какъ уже достаточно знакомый съ латинскимъ языкомъ, на которомъ шло большею частію преподаваніе. Т. пробылъ въ московской школѣ съ 1723 по 1725 годъ, изучая тутъ преимущественно словесныя науки и упражняясь въ сочиненіяхъ стихами и прозой по схоластическимъ образцамъ: по его собственному свидѣтельству, онъ сочинилъ здѣсь двѣ драмы, „Язонъ“ и „Тить, Веспасіановъ сынъ“, представленныя на школьной сценѣ и потомъ утраченныя, писалъ стихотворенія на разные случаи текущей жизни (напр., „Элегію на смерть Петра Великаго“ въ 1725 году) и даже переводилъ съ латинскаго извѣстный романъ I. Баркляя „Аргениду“; этотъ переводъ также былъ утраченъ, но впослѣдствіи Т. перевелъ романъ еще разъ и напечаталъ свой переводъ въ 1751 году. По окончаніи курса въ московской академіи, Т. предстояла бы та или иная карьера московскаго книжника, но онъ не соблазнился этой перспективой, видя передъ собою борьбу партій, латинской и нѣмецкой, при Петрѣ и вскорѣ послѣ его смерти; съ нѣкоторыми изъ московскихъ книжныхъ людей, напр. Ѳедоромъ Поликарповымъ и Леонтіемъ Магницкимъ,

онъ былъ знакомъ лично и, повидимому, примыкалъ своими симпатіями къ консерваторамъ, ведшимъ безнадежную борьбу со сторонниками либеральнаго теченія, которому сочувствовалъ самъ царь и во главѣ котораго стоялъ Теофанъ Прокоповичъ. Влекомый своими по преимуществу книжными наклонностями, Т., сидя на студенческой скамьѣ, мечталъ вырваться изъ этой тяжелой и рискованной атмосферы и отправиться въ чужіе края:

Канать рвется,

Якорь бьется,

Знать — корабликъ понесется, —

грезилъ онъ въ „пѣсенкѣ“, сочиненной имъ въ одинъ изъ школьных досуговъ, думая окончить свои науки „въ европейскихъ краяхъ, а особливо въ Парижѣ“. И дѣйствительно, въ началѣ 1726 года Т., до окончанія курса, оставилъ московскую академію и „получилъ окказію“ отправиться въ Голландію, гдѣ, въ Гагѣ, при поддержкѣ русскаго полномочнаго министра графа И. Г. Головкина, сталъ усердно обучаться французскому языку; въ концѣ 1727 года ему удалось, наконецъ, попасть въ Парижъ, гдѣ онъ нашель себѣ другого покровителя въ лицѣ князя А. Б. Куракина. Овладевъ въ достаточной степени французскимъ языкомъ, Т. слушалъ здѣсь въ университетѣ математическія и философскія науки, а въ Сорбоннѣ богословскія, и затѣмъ, по его собственному свидѣтельству, успѣшно „содержалъ публичный диспутъ въ Мазаринской коллегіи“. Въ Парижѣ Т. слушалъ, между прочимъ, знаменитаго Роллена, всемірную исторію котораго впослѣдствіи дважды перевелъ на русскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Т. продолжалъ въ Гагѣ и въ Парижѣ также и свои стихотворныя занятія, начатыя въ московской академіи; слѣдомъ ихъ служатъ, напр., „Описаніе грозы, бывшей въ Гагѣ“ или „Стихи похвальныя Парижу“, оканчивающіеся такимъ привѣтствіемъ этому городу:

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
 Кто тя не любить? развѣ былъ духъ звѣрски!
 А я не могу никогда забыти,
 Пока имѣю здѣсь на земли быти¹⁾.

Живя въ Парижѣ временной благотворительностью русскаго вельможи, Т., конечно, не могъ быть совершенно спокоенъ, и обратился въ 1727 году въ Синодъ съ просьбою назначить ему опредѣленное содержаніе, чтобы онъ имѣлъ полную возможность посвятить себя наукамъ; однако ходатайство это не было уважено, особенно вслѣдствіе неблагоприятнаго отзыва о Т. со стороны московской академіи, откуда онъ ушелъ самовольно, не будучи никѣмъ посланъ, въ чужіе края, причемъ было прибавлено ничѣмъ впоследствии недоказанное предположеніе, что уходъ этотъ явился послѣдствіемъ будто бы того, что „Т., къ побѣгу спасскаго училища монастыря іеродіакону Трифилю, который приличился въ кражѣ, написалъ воровской паспортъ“. Въ этомъ отзывѣ явственно звучитъ какое-то личное нерасположеніе къ Т., указывающее на то, что рѣшимость достигъ намѣченной цѣли обученія за границей досталась ему далеко не даромъ. Т. пробылъ въ Парижѣ около четырехъ лѣтъ, пользуясь покровительствомъ упомянутаго князя Куракина, которому Т. тоже, повидимому, въ какихъ-нибудь отношеніяхъ былъ полезенъ: по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ Сорбонскихъ богослововъ о соединеніи католической и православной церковей, получившемъ въ 1726 году новое возбужденіе, рядомъ съ именемъ Куракина стоитъ и имя нашего парижскаго скитальца; о немъ князь писалъ богослову Бурсье, что у него есть въ Парижѣ довѣренное лицо — Тредьяковскій, обязанный согласоваться съ порученіями, которыя ему будетъ давать этотъ дѣятель французской католической церкви по дѣлу отправления священника Жюбе, съ цѣлью

1) Ъзда на островъ любви. 2 изд., с. 143.

пропаганды, въ Россію. Т. вернулся въ Россію, въ Петербургъ, въ сентябрѣ 1730 года.

Еще живя въ Парижѣ жизнью бѣднаго и зависимаго студента, Т. мечталъ о далекой родинѣ, воспѣвая ее такими стихами:

Чѣмъ ты, Россія, неизобильна?
Гдѣ ты, Россія, не была сильна?
Сокровище всѣхъ добръ ты едина:
Всегда богата, славъ причина.

Коль въ тебѣ звѣзды всѣ здравьемъ блещутъ!
И Россіяне коль громко плещутъ:
Вивать Россія! Вивать драгая!
Вивать надежда! Вивать благая!¹⁾

На возвратномъ пути, будучи въ Гамбургѣ, онъ написалъ „пѣснь“ къ торжественному празднованію тамъ 10 августа 1730 года коронаціи императрицы Анны Іоанновны, начавшую собою длинный рядъ его похвальныхъ одъ; но здѣсь кстати упомянуть, что произведеніе это повлекло за собою нѣсколько позднѣе, въ 1735 году, очень непріятныя для автора послѣдствія вслѣдствіе употребленнаго имъ, ради стиха, латинскаго названія „императриксъ“, вмѣсто „императрицы“, вызвавшаго подозрѣніе на Т. въ опасныхъ политическихъ умыслахъ; къ счастью, Т. удалось вполнѣ оправдаться²⁾.

По прибытіи въ Петербургъ, Т., не имѣя передъ собою никакого опредѣленнаго плана жизни, лишившійся родителей и родственниковъ, которые въ пору его заграничнаго скитаній „отъ язвы померли“, матеріально не обеспеченный, пристроился пока на казенной квартирѣ академическаго студента Адодурова, который имѣлъ въ виду учиться у него французскому языку. Однако есть извѣстіе, что уже въ первые дни своего пребыванія въ Петербургѣ, именно 9 сентября 1730 года,

1) Ызда на островъ любви, с. 127.

2) П. Пекарскій, назв. соч., II, с. 60—64.

Т. пригодился Академіи Наукъ въ качествѣ переводчика на русскій языкъ латинскихъ стиховъ, которыми академія привѣтствовала своего гостя, португальскаго инфанта дона Эммануила; латинскій и русскій тексты этого привѣтствія были оттиснуты въ академической типографіи въ присутствіи высокаго посѣтителя, и это было первымъ печатнымъ произведеніемъ Тредьяковскаго¹⁾. Въ томъ же 1730 году изданъ былъ Т. замѣчательный сборникъ „Бзда на островъ любви“, представляющій собою переводъ извѣстнаго тогда французскаго сочиненія П. Тальмана (Paul Tallemant: Le voyage de l'Isle d'amour à Lucidas), вышедшаго впервые въ 1663 году, хотя самъ переводчикъ называетъ 1713 годъ, имѣя передъ собою въ дѣйствительности одну изъ позднѣйшихъ перепечатокъ. Книга эта была переведена Т. еще въ бытность за границей и посвящена переводчикомъ кн. А. Б. Куракину; къ переводу приложены не только интересныя въ біографическомъ отношеніи посвященіе и предисловіе „къ читателю“, но и частію переводныя, частію оригинальныя, на французскомъ и русскомъ языкахъ, стихотворенія Т., являющіяся его первымъ, вполне достовѣрнымъ, и значительнымъ выступленіемъ на литературное поприще. По характеру подготовки Т., по его преимущественно литературнымъ склонностямъ, ему предстояло наиболѣе естественнымъ примкнуть къ Академіи Наукъ, и дѣйствительно въ 1733 году онъ принятъ былъ на службу въ это учрежденіе „съ титуломъ секретаря“ и съ годовымъ жалованьемъ „въ 360 рублей, включая въ нихъ свѣчи, дрова и квартиру“; за это онъ обязанъ былъ „1. чинить, по всей своей возможности, все то, въ чемъ состоитъ интересъ Ея Императорскаго Величества и честь Академіи; 2. вычищать языкъ руской, пишучи какъ стихами, такъ и не стихами; 3. давать лекціи, ежели отъ него потребовано будетъ; 4. окончить грамматику, которую

1) П. Пекарскій, назв. соч., II. 18—19. 233—234.

онъ началъ, и трудиться совокупно съ прочими надъ дикціонаріемъ рускимъ; 5. переводить съ французскаго на руской языкъ все, что ему дастся“¹⁾.

Съ этого времени и по 1759 годъ продолжалось ревностное служеніе Т. Академіи. Эти 26 лѣтъ прошли въ непрерывныхъ трудахъ его по порученію академическаго начальства и отчасти по собственному почину: онъ переводилъ нѣмецкія надписи для придворныхъ праздниковъ и оды (напр., Штелина), писалъ поздравительныя и похвальныя оды самъ и отъ лица академіи, переводилъ разныя сочиненія съ латинскаго и французскаго языковъ, разрабатывалъ теоретическіе вопросы языка и словесности, сдѣлалъ немало переводовъ большихъ сочиненій и писалъ оригинальныя произведенія въ стихахъ и прозѣ. Его жизнь была исключительно жизнью кабинетнаго труженика, терпѣнію и усидчивости котораго справедливо удивлялся Н. И. Новиковъ: ему казалось „невозможнымъ, чтобы одного человѣка достало къ этому столько силъ“. Впродолженіе столь длиннаго срока Т. почти не оставлялъ Петербурга, отлучаясь рѣдко и лишь на самое короткое время въ Бѣлгородъ, Новгородъ и Москву — и то большею частію по академическимъ дѣламъ. Не говоря о постоянныхъ непріятностяхъ моральнаго характера, ревностные труды Т. плохо вознаграждались и матеріально: въ 1745 году онъ съ трудомъ добился званія „профессора какъ латинскія, такъ и російскія элоквенціи“ съ жалованьемъ въ 660 р. въ годъ и тщетно потомъ просилъ о прибавкѣ; однако даже и это жалованье не всегда выплачивалось ему аккуратно по разнымъ причинамъ, и тогда наступали для Т. дни нищеты и отчаянія, запечатлѣнные имъ самимъ въ его слезныхъ прошеніяхъ въ Академію. Наконецъ, въ 1758 году, удручаемый болѣзнію, претерпѣвая, по его собственнымъ словамъ, „голодь и хо-

1) П. Пекарскій, назв. соч., II. 43.

лодь“, унижаемый сослуживцами и начальствомъ, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь въ немъ на то, что „отъ долговременныхъ и премногихъ трудовъ впалъ въ тяжкія болѣзни, а отъ разныхъ человѣческихъ приключеній въ бѣдность, въ печали и почитай въ непрерывное затмѣніе мыслей“, тогда какъ при службѣ въ Академіи „свѣтлость разума требуется не токмо ничѣмъ не омраченнаго, но и одобреннаго и всегда одобряемаго“. 30 марта 1759 г. Т. получилъ отставку отъ Академіи, и въ томъ же году выѣхалъ на житье въ Москву, вѣроятно не будучи въ состояніи долге переносить впечатлѣній старой своей среды и самаго города, въ которомъ онъ претерпѣлъ столько невзгодъ и разочарованій.

Остальныя десять лѣтъ жизни Т. прошли грустно для престарѣлаго писателя. Подробностей о нихъ мы не имѣемъ; литературная работа по-прежнему была для него единственнымъ утѣшеніемъ: въ эту пору онъ перевелъ Исторію Роллена¹⁾ и издалъ свой, знаменитый въ своемъ родѣ, переводъ Телемахиды (Двѣ части. Спб. 1766).

Т. скончался 6 августа 1769 года въ Петербургѣ и погребенъ былъ на Смоленскомъ кладбищѣ; однако во время наводненія 1824 года его могила была размыта водой и унесена вмѣстѣ съ памятникомъ, такъ что въ настоящее время и знака этой могилы не имѣется²⁾.

1) Съ 1761 года онъ началъ издавать этотъ переводъ, на свой счетъ, при Академіи Наукъ, но, увидавъ со второго тома, что это предпріятіе не принесетъ ему даже возврата затраченныхъ и взятыхъ займы денегъ, передалъ изданіе дальнѣйшихъ томовъ этого огромнаго труда Академіи Наукъ: П. Пекарскій, назв. соч., II, с. 213—218.

2) Впрочемъ въ Русской Старинѣ 1890 № 9, с. 528, опубликована „надгробная надпись“ на могилѣ Тр-го, погребеннаго „на кладбищѣ на Вас. Остр., въ Спб., близъ деревянной церкви, на южной сторонѣ, у крыльца“; надпись представляетъ стихотворную характеристику трудовъ и заслугъ покойнаго академика, сдѣланную яко бы имъ самимъ; годъ смерти Т. помѣченъ тутъ ошибочно 1768 вм. 1769. Надпись эта вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ ея подлинности; указанная тутъ „деревянная церковь“ не сохранилась. Въ изданіи вел. кн. Николая Михайловича

Сочиненія Т., важныя по своему историко-литературному интересу, распадаются на двѣ части: 1. теоретическія и 2. такія, которыми авторъ имѣлъ въ виду подтвердить свои теоретико-литературныя воззрѣнія или вообще дать опыты литературно-художественнаго творчества въ рамкахъ тогдашняго пониманія и потребностей литературы въ Россіи. Т. былъ лишенъ сколько-нибудь замѣтнаго поэтическаго дарованія, и потому собственно литературныя его произведенія даже для своего времени представлялись лишь посредственными, далеко уступая въ этомъ отношеніи аналогичнымъ трудамъ не только Ломоносова, но и Сумарокова; но теоретическія работы Т. обнаруживаютъ въ немъ писателя широко образованнаго и вдумчиваго, особенно для тогдашняго уровня русскаго литературнаго развитія; эти работы обращаютъ на себя вниманіе историка обширностью затронутыхъ вопросовъ и самой ихъ постановкой, дѣлающей честь не одному только трудолюбію нашего автора.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ выступленій Т. въ области литературно-теоретическихъ вопросовъ является его Рѣчь о чистотѣ русскаго языка, сказанная имъ при открытіи „Россійскаго Собранія“, учрежденнаго въ Академіи Наукъ при дѣятельномъ участіи самого Т., 14 марта 1735 года. Тутъ Т. указываетъ какъ необходимое для „русскаго народа“ — „возможное дополненіе языка, чистота, красота и желаемое потомъ его совершенство“, и для достиженія этого ставитъ въ первую очередь труды надъ русской грамматикой, словаремъ, риторикой и „стихотворной наукой“¹⁾.

Изъ намѣченной тутъ программы, самъ Т. всего болѣе потрудился надъ „стихотворной наукой“, выпустивши въ томъ же 1735 году свой „Новый и краткій способъ къ сло-

„Петербургскій Некрополь“, IV. 1913, с. 285, надпись приводится по указанному печатному сообщенію, но не выясненъ вопросъ ни о ея подлинности, ни даже о дѣйствительномъ существованіи въ настоящее время.

1) А. К у н и к ъ, Сборникъ матеріаловъ, I. 9—15.

женію російскихъ стиховъ“ (Спб. MDCCXXXV), переработанный имъ впоследствии въ его собраніи „Сочиненій и переводовъ какъ стихами такъ и прозой“¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ видѣ сочиненіе состоитъ изъ семи главъ, въ которыхъ прежде всего излагается теорія тоническаго стихосложенія; эту теорію Т. считаетъ единственно свойственной русскому языку, въ противоположность метрической системѣ языковъ греческаго и латинскаго, и прибавляетъ, что „тоническое количество въ нашихъ стихахъ есть самое первое и главное основаніе и какъ жизнь и душа оныхъ; введено оно въ наше стихотвореніе въ 1735 годѣ“ (т. е. самимъ Т., его одою на взятіе города Гданска, напечатаннаго въ 1735 году); въ дальнѣйшихъ главахъ рѣчь идетъ о разныхъ видахъ стиха, строфѣ, римѣ, о т. наз. „поэтическихъ вольностяхъ“; въ послѣдней главѣ даются краткія опредѣленія отдѣльныхъ поэтическихъ родовъ, начиная съ эпоса, лирики и драмы; всѣхъ такихъ родовъ насчитывается 23. Прямымъ дополненіемъ къ этой статьѣ Т. является его другая работа „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи російскомъ“, имѣющая историческій характеръ и напечатанная въ июньской книжкѣ академическихъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ 1755 года. Т. раздѣляетъ исторію русскаго стихосложенія на три эпохи: древнюю, среднюю и новую. Представителями древней эпохи русскаго стихосложенія онъ считаетъ нашихъ языческихъ жрецовъ. Сущность ихъ стихотворства Т. представляетъ въ слѣдующемъ видѣ: „Количество его слоговъ было тоническое или, что то же, въ одномъ удареніи силами слоговъ состоящее. Стопы не всякаго рода употребляемы были, но особливо господствовали въ немъ хорей или трохей, ямбъ и пиррихій, дактиль и анапестъ. Односложныя слова почитались общими, т. е. и долгими и короткими. Стихи были у нихъ и большіи и малыи. Наконецъ, пред-

1) Т. I. Спб. 1752, с. 93—155; первое изданіе перепечатано у А. Куника, I. 19—74.

идуцій стихъ не соглашался подобнымъ звономъ съ послѣдующимъ стихомъ: каждый одинъ о себѣ стихомъ состоялъ отъ стопъ. Словомъ, риѣмъ они не имѣли“ (с. 470). Т. о., древнее русское стихотворство Т. предполагаетъ почти совершенно такъ, какъ онъ самъ построилъ теорію современнаго ему русскаго стихотворства; эту свою мысль онъ основываетъ на томъ, что пѣсни языческихъ жрецовъ были похожи на тѣ простонародныя пѣсни, которыя могъ слышать самъ Т. и строеніе которыхъ положилъ онъ въ основу своей теоріи русскаго литературнаго стиха. Со введеніемъ христіанства, древнее наше стихотворство было вытѣснено изъ богослуженія прозой и осталось только въ формѣ простонародныхъ пѣсень; до самаго времени Т. это стихотворство было позабыто, „ибо — объясняетъ онъ — простонародное стихосложеніе, за подлость стихотворцовъ и матерій, отъ честныхъ и саномъ знаменитыхъ людей презираемо было всеконечно, такъ что и понынѣ, но уже незнающіи и суетно строптивыи люди зазираютъ неосновательно, ежели кто народную старинную пѣсню приведетъ токмо въ свидѣтельство на письмѣ, хотя и съ извиненіемъ въ необходимости о первоначальномъ нашемъ стихотвореніи“ (с. 473). Второй, или „средній“, періодъ русскаго стихотворства, подъ которымъ Т. разумѣетъ стихи силлабическіе, онъ начинаетъ съ 1663 года, когда издана была въ Москвѣ Библія, съ присоединеніемъ стихотвореній этого образца, и продолжаетъ его до 1735 года, откуда, какъ уже было сказано, ведетъ онъ начало русскаго стихотворства. Указавши, что въ этомъ третьемъ, или „новомъ“, періодѣ „главнѣйшее участіе“ имѣетъ онъ самъ, Т. рассказываетъ далѣе, какъ ему удалось напасть на идею о тоническомъ стихосложеніи: „По возвращеніи мною въ отечество 1730 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, началъ я себя производить, по молодости и по французскому духу, въ обществѣ нѣкоторыми стишками, сочиненными по составу средняго онаго стихосложенія. Читаемы они были

отъ нѣкоторыхъ не безъ довольныхъ мнѣ похвалъ, безъ сомнѣнія не по правдѣ, но съ нѣкоторымъ родомъ збойства и насмѣянія приносимыхъ. И какъ хвалы меня, буйно выпрѣ стремившагося въ живомъ сложеніи, льстили, то, дабы получить ихъ еще болѣе, порѣвался я съ большимъ напряженіемъ къ полученію успѣха въ стихахъ. Но, по сочиненіи чего-нибудь, на какую піесу ни посмотрю, вижу, что она не состоитъ стихами, выключая риему, но точно странными нѣ-какими прозаическими строчками. На послѣдокъ вырази-мѣль сему быть отъ того, что въ нихъ не было никакова, по равнымъ разстояніямъ измѣреннаго, слоговъ количества... Что больше? Тотчасъ напалъ я на возвышеніе и пониженіе голоса въ складахъ просодією, то есть на тоническое слоговъ количество. Потомъ непосредственно и на тоны: ибо кто нападеть на первое, тотъ не можетъ тогдажъ не напасть на другое“. Потомъ, рассказывая, какимъ образомъ и почему изъ другихъ стопъ онъ остановился предпочтительно на хореѣ, Т. говоритъ: „Быль у меня тогда въ рукахъ нѣкоторый печатный примѣръ Іллиріческихъ народовъ, составленный хореическими тетраметрами. Пользуются и нынѣ еще цѣлою жизнью, кои видѣли у меня, прежде моего пожара, сію далматскую книжку: содержала она Притчу Евангельскую о Блудномъ сынѣ“ (с. 496—498).

Оба сочиненія, взятая вмѣстѣ, представляютъ не только простое и ясное изложеніе тоническаго принципа въ русскомъ стихосложеніи, съ поясняющими примѣрами и ссылками, но и историческое объясненіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ Т. сдѣлалъ свое наблюденіе. Указаніе на „далматскую книжку“ очень интересно; оно истолковывается въ томъ смыслѣ, что Т. имѣлъ передъ собою сочиненіе извѣстнаго далматинскаго писателя XVII в. Ивана Гундулича *Suzesina razmetnoga*, вѣроятно — одно изъ венеціанскихъ изданій этой поэмы, стихъ которой дѣйствительно могъ поддержать Т. въ его уже зародившейся мысли о тоническомъ харак-

терѣ русскаго стихосложенія¹⁾; какъ образованный филологъ своего времени, Т. не могъ не интересоваться и другими славянскими языками, кромѣ русскаго: въ одномъ изъ официальныхъ донесеній онъ прямо говоритъ о своемъ знаніи польскаго языка, которое легко могъ заимствовать отъ астраханскихъ капуциновъ, а въ „Разговорѣ объ орѳографіи“ (1748) разсуждаетъ о родствѣ русскаго языка съ сербскимъ и болгарскимъ. Впрочемъ, оба сочиненія Т. вызвали въ свое время возраженія со стороны его литературныхъ соперниковъ: Ломоносовъ въ своемъ „Письмѣ о правилахъ русскаго стихотворства“ (1740) опровергалъ „Способъ“ Т. — правда, не въ принципѣ, а въ частностяхъ, — а противъ статьи „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“ ополчился Сумароковъ, представивъ свои возраженія въ томъ же году (1755) въ Академію, для напечатанія въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“; Т. составилъ отвѣты на возраженія того и другого автора, но академическое начальство „для пресѣченія дальнихъ, бесполезныхъ и напрасныхъ споровъ“ не дало ходу этимъ отвѣтамъ²⁾. Хотя Т., въ собственной литературной дѣятельности, и не далъ вполнѣ достойныхъ образцовъ указаннаго и теоретически разработаннаго имъ принципа стихосложенія, однако право его на первенство въ этомъ важномъ по тому времени литературномъ вопросѣ установилось прочно, такъ что когда въ 1808 году графъ Д. И. Хвостовъ обратился къ извѣстному знатоку литературной старины митр. Евгенію съ вопросомъ о начаткахъ тоническаго стихосложенія, тотъ не колеблясь отвѣтилъ, что „отецъ ея [т. е. тонической поэзіи] есть г. Тредьяковскій“³⁾. Этотъ взглядъ многіе годы держался и позднѣе, пока противъ него не выступилъ со своими изслѣдованіями проф. В. Н. Перетцъ. Онъ ставитъ вопросъ на

1) (М. Петровскій). Библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ трудахъ В. К. Тредьяковскаго. Казань 1890, с. 28—29.

2) П. Пекарскій, назв. соч., II. 83. 184.

3) Библиографическія Записки 1859 № 8, с. 248—249.

историческую почву и, рядомъ документальныхъ данныхъ, устанавливаетъ такой взглядъ на развитіе русскаго стихосложенія. Въ древности, судя по отрывкамъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ древне-русской литературы, имѣющимъ слѣды и характеръ стихотворнаго размѣра, существовала форма стиха, подобная теперешнимъ народнымъ былинамъ. Въ XVI и особенно XVII в. получаетъ въ Южной Руси распространеніе силлабическій стихъ, взятый съ Запада, при чемъ черезъ посредство т. наз. леонинскаго, тонизированнаго, но въ основѣ своей силлабическаго, стиха происходитъ сближеніе силлабическаго размѣра съ древнимъ былиннымъ складомъ — и въ результатъ этого сближенія видоизмѣненіе силлабическаго стиха въ направленіи тоническомъ: „народный стихъ не только сообщаетъ силлабическому нѣкоторую правильность удареній, но и въ свою очередь заимствуетъ у него равносложность, рифму и основные типы стиха, наиболѣе употребительные у авторовъ силлабическихъ стихотвореній“. Въ Великороссіи силлабическій стихъ также оказался во взаимодействіи съ народно-былиннымъ, но гораздо слабѣе, вслѣдствіе болѣе слабого развитія литературы и отсутствія поддержки силлабическаго стиха со стороны школы. Въ XVIII в. является, опять съ Запада, новое вліяніе — нѣмецкій метротоническій стихъ, по образцу котораго и сталъ строиться великорусскій литературный стихъ. Начало введенія метротоническаго размѣра принято соединять съ именемъ Тредьяковскаго, но авторъ отрицаетъ первенство Т. въ этомъ дѣлѣ и передаетъ его пастору Глюку и магистру Паусу, писавшимъ стихотворенія на русскомъ языкѣ, въ началѣ XVIII в., раньше Тредьяковскаго: „положивъ въ основаніе нѣмецкую форму и содержаніе, они дали первые образцы разнообразныхъ формъ строфы, хорейской и ямбической, изъ которыхъ иными воспользовался и самъ Т., не смотря на откровенно высказывавшееся имъ отвращеніе къ послѣднему виду стиха“. Т. о., заключаетъ авторъ,

„если старымъ силлабическимъ стихомъ наша литература обязана была католическому Западу, то новымъ, тоническимъ, она обязана Западу же протестантскому“¹⁾. Не смотря на весь тотъ интересъ, который имѣють представленныя проф. Перетцомъ фактическія данныя о дѣятельности Глюка и Пауса, намъ кажется невозможнымъ принять его окончательные выводы относительно роли Т. въ исторіи русскаго стихосложенія: слѣдуетъ имѣть все-таки въ виду, что стихотворные опыты Глюка и Пауса не были въ свое время напечатаны и достаточно извѣстны, что названные стихотворцы не дали теоретическаго обоснованія своимъ трудамъ, тогда какъ Т. выступилъ вполне сознательнымъ и одушевленнымъ теоретикомъ въ этой области въ печати, и что, наконецъ, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, Т. пришелъ къ мысли о преимуществахъ тоническаго стихосложенія независимо отъ стихотворныхъ упражненій Глюка и Пауса. Не смотря на выраженную въ „Способѣ“ гордость своей литературной заслугой касательно тоническаго стихосложенія, Т. во второй указанной статьѣ и самъ не претендовалъ однако же на свое полное новаторство въ этомъ дѣлѣ: „сличающему сію новую систему съ самымъ древнимъ нашимъ стихотвореніемъ ясно всякому есть, что во всемъ подобна оному первобытному нашему, кромѣ риѣмы; слѣдовательно, сія система справедливѣе называться долженствуетъ возобновленною, а не новою“ (с. 509). Что же касается общихъ мнѣній Т. о поэзіи и установленія многочисленныхъ поэтическихъ родовъ, то тутъ онъ, конечно, былъ гораздо менѣе самостоятеленъ: какъ убѣдительно выяснено проф. Перетцомъ, Т. слѣдовалъ въ этомъ случаѣ за старыми школьными пѣтиками конца XVII и нач. XVIII в., съ которыми познакомился еще въ московской академіи, а въ дробномъ перечисленіи поэтическихъ родовъ онъ превзошелъ даже своимъ форма-

1) Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Спб. 1902, с. 423—426.

лизмомъ эти схоластическія руководства ¹⁾. Но до какой степени трудно прививались эти воззрѣнія Т. о тоническомъ стихосложеніи къ его собственной практикѣ, видно изъ того, что и послѣ опубликованія своего „Способа“ въ 1735 году онъ продолжалъ еще нѣсколько лѣтъ пользоваться старымъ силлабическимъ размѣромъ, наряду съ крайне неудачными опытами въ новомъ размѣрѣ; эту трудность могло побѣдить только поэтическое дарованіе Ломоносова.

Согласно своему плану, Т. пожелалъ высказаться, послѣ поэзіи, и о краснорѣчій, выступивъ въ 1745 году, при назначеніи его профессоромъ „элоквенціи латинскія и русскія“, съ „Словомъ о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ“ ²⁾. Однако это произведеніе не заключаетъ въ себѣ никакого изслѣдованія въ области теоріи ораторства: у Т. не было для этого того подходящаго къ его точкѣ зрѣнія фактическаго матеріала изъ наблюденій на родной почвѣ, какой онъ получилъ отъ старинной русской и народной поэзіи, а въ чисто теоретическія сужденія не хотѣлъ онъ входить, м. б., потому, что уже въ 1744 году была представлена Ломоносовымъ въ Академію рукопись его „Реторики“, напечатанная затѣмъ въ 1747 году; однако и тутъ заслуживаетъ указанія здравая мысль Т. о томъ, что нужно изучать и обрабатывать „природные“, т. е. живые, языки, въ томъ числѣ и русскій, вмѣсто мертваго языка науки, латинскаго.

Къ вопросу о поэзіи вообще Т. возвращается еще въ двухъ другихъ статьяхъ: „Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще“ и „Письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи“. Первая статья разсматриваетъ этотъ вопросъ исторически и основана всецѣло на разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ Фенелона и Роллена. Тутъ, между прочимъ, авторъ ставитъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается сущность поэзіи и отвѣчаетъ на него такъ:

1) Тамъ же, с. 53—66.

2) Напечатано было, на латинскомъ и русскомъ языкахъ, въ декабрѣ того же 1745 года: П. Пекарскій, П. 110—111.

„Прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать. Твореніе есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то есть не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они могутъ быть или долженствуютъ; а подраженіе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: твореніе, вымышленіе и подраженіе есть душа и жизнь поэмы, но стихъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ, а стихъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою, и можно представлять истинныя дѣйствія стихами“¹⁾. Хотя Т. покрываетъ эти мысли, характерныя для литературныхъ воззрѣній его времени, ссылкою на Аристотеля, однако вѣроятнѣе, что онъ ихъ заимствовалъ изъ школьныхъ шитикъ. Во второй статьѣ Т. старается отвѣтить на вопросъ, очевидно въ то время часто возбуждавшійся „профанами“: къ чему стихи, когда для выраженія всего необходимаго совершенно достаточно прозы? Авторъ свидѣтельствуетъ, что „прежде стихи были нужное и полезное дѣло, а нынѣ утѣшная и веселая забава“, что теперь все „описываютъ, записываютъ, уставляютъ, утверждаютъ, прославляютъ и украшаютъ рѣчию, данною намъ съ самаго начала нашего выговора, именно жъ прозою, а стихамъ отдали токмо оды, трагедіи, комедіи, сатиры, элегіи, эклоги, басни, пѣсенки, краткія эпиграммы, и дѣлаетъ такой выводъ, что „потоліку между ученіями словесными надобны стихи, поколіку фрукты и конфеты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ“²⁾. Изъ этого взгляда вполнѣ вытекаетъ и тотъ совѣтъ, который даетъ Т. въ концѣ „письма“ своему пріятелю: „Отнюдь не совѣтую вамъ, какъ то знаю вашу склонность, чтобъ стихамъ быть только и дѣломъ единственно

1) Сочиненія и переводы. I, с. 156—157.

2) I, с. 180—181. 182.

вашимъ, или бѣ они приносили препону чему нибудь важнѣйшему. При отдохновеніи вашемъ отъ порученныхъ вамъ попеченій о твердѣйшемъ и плодоноснѣйшемъ, да будутъ они токмо чесною забавою: ни лучше, по моему мнѣнію, ни похвальнѣе, еще и ни безвреднѣе время ваше препроводить вы не можете“¹⁾. Конечно, это сужденіе Т., употребившаго значительную часть своей жизни на писаніе стиховъ и теоретическую разработку вопросовъ стихосложенія, не имѣетъ характера искренности, но оно интересно какъ выраженіе того общаго взгляда на стихотворство, который въ ту пору господствовалъ въ образованныхъ слояхъ русскаго общества.

Въ другихъ своихъ литературно-теоретическихъ сочиненіяхъ Т. касается главнѣйшихъ поэтическихъ родовъ — лирики, эпоса и драмы, основываясь уже не на школьныхъ шитическихъ руководствахъ, но на произведеніяхъ французскихъ теоретиковъ новоклассицизма. Такъ, въ приложеніи къ изданію „Оды на взятіе Гданска“ (1735) помѣщено Т. „Разсужденіе объ одѣ вообще“, основанное на Discours sur l'ode Буало. Оду авторъ опредѣляетъ такъ: „Ода есть совокупленіе многихъ строфъ, состоящихъ изъ равныхъ, а иногда и неравныхъ стиховъ, которыми описывается всегда и непремѣнно матерія благородная, важная, рѣдко нѣжная и пріятная, въ рѣчахъ весьма шитическихъ и великолѣпныхъ“. Указавъ въ дальнѣйшемъ изложеніи отличительныя особенности оды по содержанію и стилю, отмѣтивъ выдающихся одописцевъ древности Пиндара и Горація, съ присоединеніемъ къ нимъ, согласно мнѣнію Роллена, также и псалмопѣвца Давида, Т., въ концѣ, говоритъ и о своей одѣ, что она сочинена въ подражаніе одѣ Буало на взятіе города Намура и что, какъ русское произведеніе, „она нѣчто имѣетъ въ себѣ, какъ мнится, нѣсколько небезславное, а

1) I. с. 184.

именно самая первая есть на нашемъ языкѣ“¹⁾. Объ эпосѣ Т. высказывается въ „Предъизъясненіи объ ироической піимѣ“, приложенномъ къ I т. его Телемахиды (1766) и основанномъ на сочиненіи Рамсэ Discours sur le роёте érique. Наконецъ, вопроса о драматической поэзіи Т. касается въ статьѣ „Разсужденіе о комедіи вообще“, гдѣ авторитетами его служили Ролленъ, Сентъ-Эвремонтъ, Буало, Рапенъ и Брюмуа; она приложена къ переводу Т. комедіи Теренція „Евнухъ“ (1752)²⁾.

Рядомъ съ этими теоретическими и историко-литературными трудами, Т. является передъ нами и въ роли литературнаго критика. Именно, по поводу осмѣянія Сумароковымъ въ его комедіи „Трессотиніусъ“ Тредьяковскаго, послѣдній выступилъ противъ своего обидчика и литературнаго соперника въ томъ же году (1750) съ обширнымъ „Письмомъ“, писаннымъ будто бы „отъ пріятели къ пріятели“ и содержащимъ разборъ сочиненій Сумарокова въ области оды, трагедіи и эпистолы³⁾. Въ этомъ первомъ опытѣ нашей литературной критики Т. сосредоточиваетъ свое вниманіе на разборѣ двухъ одъ С., „парафрастической“ („Благословенъ Творецъ вселенны...“) и другой, нач. „Оставимъ брани и побѣды...“, и трагедій „Хоревъ“ и „Гамлетъ“. Критика вращается главнымъ образомъ въ области отыскиваемыхъ у критикуемаго автора противорѣчій самому себѣ, неправильностей въ стилѣ и промаховъ въ языкѣ; по мѣстамъ критикъ ссылается въ своихъ разсужденіяхъ на авторитетъ древнеклассическихъ и новоклассическихъ (французскихъ) писателей — Гомера, Софокла, Горація, Цицерона, Буало, Вольтера и др.; въ письмѣ есть немало и личныхъ нападокъ и намековъ, дѣлающихъ его интереснымъ памятникомъ

1) Сочиненія и переводы, II. 29—34.

2) П. Пекарскій, назв. соч., II. 168—169.

3) Въ свое время это произведеніе Т. не было напечатано, и опубликовано лишь А. Куникомъ: Сборникъ матеріаловъ ч. II, с. 435—500.

для изученія литературныхъ нравовъ эпохи. Конечные выводы Т. отличаются большой строгостью. О второй одѣ С. критикъ говоритъ, что она „порочна сочиненіемъ, пуста разумомъ, темна и обоюдна составомъ словъ, низка безразборными рѣчами, ложна повѣствованіемъ бывшихъ дѣлъ, непорядочна, наполнена безъ нужды повтореніемъ тѣхъ же самыхъ словъ, неисправна въ мѣрѣ стиховъ, безразсудна въ употребленіи баснословія, напоследокъ, а сіе всего прочаго хуже, отчасти и не правовѣрна“ (с. 471); о трагедіяхъ С. онъ того мнѣнія, что „нѣтъ въ нихъ ничего или уже превесѣма мало того, что бѣ порочно не было“ (с. 474), и ставитъ ему въ особенную вину нарушеніе „трехъ единствъ“ (с. 492—495). О Сумароковѣ Т. того мнѣнія, что онъ не „отецъ російскаго стихотворства“, какъ нѣкоторые его называютъ, а скорѣе „пасынокъ“. Въ концѣ своего трактата, не лишеннаго по мѣстамъ дѣльныхъ и даже остроумныхъ замѣчаній съ принятой критикомъ точки зрѣнія, но, съ другой стороны, крайне растянутаго и исполненнаго придирчивой и совершенно не литературной болтовни, авторъ указываетъ и на причины усмотрѣнныхъ имъ въ Сумароковѣ недостатковъ: онъ „не имѣлъ въ малолѣтствѣ своемъ довольнаго чтенія нашихъ церковныхъ книгъ“, не изучалъ „по правиламъ“ родной языкъ, „не обучался надлежащимъ университетскимъ образомъ грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи, философіи, исторіи, хронологіи и географіи, безъ которыхъ не токмо великому піиту, но и посредственному быть невозможно“, не знакомъ съ древне-классическими языками и, наконецъ, „полагается онъ больше надлежащаго на французскихъ писателей, которые и сами во многомъ и почитай во всемъ кописты съ греческаго и латинскаго языка“ (с. 496). Это послѣднее замѣчаніе очень интересно по отношенію къ самому Т., который, получивъ, въ противоположность Сумарокову, школьную подготовку на основѣ классическихъ языковъ и схоластическихъ понятій въ области литературы, смотрѣлъ на

французскихъ новоклассиковъ менѣе подобострастно и исторически правильнѣе, чѣмъ гораздо болѣе талантливый въ литературномъ смыслѣ Сумароковъ. Собственная литературная дѣятельность Т., въ смыслѣ оправданія на практикѣ своихъ теоретическихъ воззрѣній, была также довольно обширна, но результаты ея оказались несравненно менѣе цѣнными, чѣмъ въ области теоретической: Т. не доставало тутъ силы воображенія, поэтическаго чутья и такта, смѣлости и легкости въ обладаніи средствами еще неупорядоченнаго русскаго литературнаго языка. На этихъ произведеніяхъ я подробно останавливаться не буду, отмѣчу только самое главное. Т. далъ цѣнные для своего времени переводы Гораціевой „Эпистолы къ Пизонамъ“ и „Науки по стихотворенію и поэзіи“ Буало¹⁾, „Аргениду“ Іоанна Баркляя (1751), „Телемахиду“ Фенелона (1766, два тома). Самымъ раннимъ выступленіемъ его, какъ переводчика, было изданіе въ 1730 году перевода французской повѣсти Поля Тальмана „Взда на островъ любви“. Этотъ трудъ Т. имѣлъ среди русскихъ читателей значительный успѣхъ, доставившій ему на первыхъ порахъ большую радость, возбуждившій литературныя его надежды и, несомнѣнно, сильно поощрившій его къ продолженію дѣятельности на поприщѣ литературы. Книжка эта издана была впослѣдствіи еще два раза отдѣльными изданіями (Спб. 1778, М. 1834). Заслуга Т. какъ переводчика названныхъ литературныхъ трудовъ заключается въ томъ, что онъ впервые пустилъ въ обращеніе среди современныхъ ему русскихъ читателей любопытный и въ разныхъ отношеніяхъ замѣчательный литературный матеріалъ, содѣйствуя ихъ литературному образованію и любви къ занимательному чтенію; хорошо владѣя иностранными языками, Т. былъ для своего времени не только добросовѣстнымъ, но и вполне удовлетворительнымъ пере-

1) Сочиненія и переводы. I, с. 1—51, 52—91.

водчикомъ; слабой стороной этихъ переводовъ былъ языкъ переводнаго текста, но для объясненія этой стороны дѣла недостаточно одного только указанія на слабость литературнаго дарованія переводчика: слѣдуетъ принять во вниманіе еще и трудность его положенія при неразработанности русскаго языка того времени для выраженія тонкихъ, отвлеченныхъ и нерѣдко совершенно новыхъ понятій; наконецъ, не слѣдуетъ преувеличивать и пресловутой уродливости этого языка Т., и въ этомъ отношеніи благопріятное мнѣніе Ир. Введенскаго о стихахъ „Телемахиды“ Тредьяковскаго, свободное отъ рутинности, заслуживаетъ полнаго вниманія своей исторической уравнивожденностью¹⁾.

„Бзда на островъ любви“ имѣетъ значеніе въ литературной дѣятельности Т. и какъ произведеніе оригинальное: къ переводному тексту, въ концѣ книжки, приложены и нѣкоторыя стихотворенія самого Т. на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Изъ первыхъ заслуживаетъ быть отмѣченной „Элегія о смерти Петра Великаго“, написанная еще въ пору пребыванія Т. въ московской школѣ (1725) и являющаяся первымъ опытомъ нашего писателя въ серьезномъ литературномъ родѣ²⁾; инымъ характеромъ отличаются „пѣсенки“, любовныя „стихи“ и разнаго рода другія случайныя проявленія литературныхъ стремленій юнаго писателя, отчасти уже нами отмѣченныя при разсказѣ о его жизни (см. выше, с. 19. 27), сопоставленіе которыхъ съ помѣщенными тутъ же французскими стихотвореніями Т. ясно свидѣтельствуеетъ, какую важную роль въ литературныхъ усиліяхъ Т. игралъ языкъ: опыты Т. „французской работы“, вслѣдствіе разработанности самаго языка, кажутся гораздо лучше, чѣмъ русскія его стихотворенія на тѣ же темы. Что Т. вполне сознательно представлялъ себѣ трудность этой

1) Сѣверное Обозрѣніе 1849. II, с. 448—449.

2) Въ передѣланномъ видѣ она перепечатана самимъ авторомъ въ „Сочиненіяхъ и переводахъ“, II, с. 323—330.

борьбы съ неупорядоченными элементами тогдашняго русскаго литературнаго языка, въ особенности съ славянизмами и съ требованіями читателей, объ этомъ свидѣтельствуесть слѣдующее замѣчательное мѣсто въ обращеніи Т. „къ читателю“ его книжки: „На меня, прошу васъ покорно, не извольте гнѣваться, буде вы еще глубокословныя держитесь славенщины, что я оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ словенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень темень, а многіе его наши читая не разумѣютъ; а сія книга есть Сладкія Любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ словенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать“. Далѣе переводчикъ проситъ извиненія читателя, если онъ не справился съ своей задачей, которая состояла въ томъ, чтобы „умѣтнить въ свойство нашего природнаго языка“. Вообще этотъ литературный трудъ Т. представляетъ не только видную и занимательную страницу въ его біографіи¹⁾, но интересенъ и въ исторіи цѣлаго русскаго литературнаго развитія, какъ документальный свидѣтель любопытнаго момента въ эволюціи нашихъ литературныхъ понятій, формированіи литературнаго языка и стиля, усвоеніи новаго содержанія литературы.

Изъ другихъ сочиненій Т. не могутъ быть обойдены молчаніемъ: его упомянутая уже Ода на взятіе Гданска,

1) П. Пекарскій, назв. соч., II, с. 9—28.

написанная въ 1734 году и, послѣ перваго его изданія (1735), переработанная авторомъ для собранія его „Сочиненій и переводовъ“ 1752 года (II, с. 21—29); изъ области драматическихъ произведеній, кромѣ названныхъ уже двухъ школьныхъ драмъ изъ періода московскаго ученичества и переводовъ въ пол. 30-хъ годовъ съ французскаго и итальянскихъ „интермедій“, представлявшихся итальянской труппой при дворѣ Анны Іоанновны¹⁾, — его трагедія „Деидамія“, написанная въ 1750 году и напечатанная въ 1775, уже послѣ смерти автора. Что касается ораторскихъ произведеній Т., то самымъ раннимъ изъ нихъ является „Панегирикъ или слово похвальное“ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, поднесенный авторомъ 3 февраля 1732 и тогда же напечатанный, а изъ болѣе позднихъ заслуживаетъ указанія обширное „Слово о мудрости, благоразуміи и добродѣтели“ (1752), свидѣтельствующее о наклонности Т. къ теоретическимъ умствованіямъ и объ его учености²⁾. Таковы, въ общихъ чертахъ, плоды учено-литературной дѣятельности Тредьяковскаго, заслуживающіе вниманія историка³⁾.

М. В. Ломоносовъ. — Общія черты исторической фигуры Л. и его положеніе относительно потребностей современнаго ему русскаго общества. — Жизнь Л.: дѣтскіе и отроческіе годы; ученіе въ московской школѣ; пребываніе за границей; первые литературные опыты; служба при Академіи Наукъ въ Петербургѣ. — Литературные и научные труды Л. — Оды; трагедіи; эпосъ. — Письмо о пользѣ стекла. —

1) В. Всеволодскій-Гернгроссъ. Театръ въ Россіи при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ. Спб. 1914, с. 29—42.

2) Сочиненія и переводы, II, с. 236—308.

3) Самымъ полнымъ, но неудовлетворительно редактированнымъ собраніемъ сочиненій Т., не заключающимъ въ себѣ однако же многіе его переводы и другіе труды, является изд. Смирдина, въ трехъ томахъ: Спб. 1849. Удачно сдѣланныя выборки изъ сочиненій Т. находятся въ изданіяхъ: Избранныя сочиненія В. К. Тредьяковскаго, съ предисловіемъ и приложеніемъ критическихъ статей. Изд. П. Перевлѣскаго. Спб. 1849; Русская поэзія, изд. С. А. Венгерова. Т. I. Спб. 1897.

Гимнъ бородѣ и произведенное имъ впечатлѣніе въ литературѣ. — Разсужденіе о сохраненіи и размноженіи російскаго народа. — Риторика. — Російская Грамматика. — О пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ. — Общественная дѣятельность и личный характеръ Ломоносова.

М. В. Ломоносовъ былъ лишь на восемь лѣтъ моложе Тредьяковскаго, дѣйствовалъ при тѣхъ же самыхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ, связанъ былъ въ своей дѣятельности съ той же Академіей Наукъ, но въ смыслѣ историческаго значенія въ ходѣ русской литературы — между ними огромное разстояніе, опредѣляемое прежде всего той разницей, которая существуетъ между геніальностью и скромнымъ, хотя и весьма ученымъ, труженичествомъ. Крупныя ученныя и литературныя заслуги Л. выдвинули его на положеніе главы и родоначальника новой русской литературы: съ замѣчательной быстротой и точностью овладѣвъ результатами прошлаго литературнаго развитія Россіи, онъ не только правильно понялъ и отчетливо поставилъ передъ собою задачи новаго русскаго просвѣщенія и литературы, но и далъ, въ своей многообразной дѣятельности, удивительные по своему времени образцы выполненія ихъ на практикѣ. Подобно Петру Великому, но въ нѣкоторомъ отъ него хронологическомъ отдаленіи, колоссальная фигура Ломоносова стоитъ какъ бы въ дверяхъ новой эпохи духовной жизни русскаго народа, и, если учесть разницу положеній, опредѣляющую объемъ и характеръ ихъ дѣятельности, то черты сходства между этими лицами намѣчаются очень ясно: та же высокая геніальность ума, та же ненасытимая жажда работы, раздвигающая границы ея до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ въ своей области, та же энергія въ осуществленіи своихъ плановъ, тотъ же пылкій титаническій темпераментъ, то же безграничное чувство неисчерпаемой любви и вѣры въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Л. является органическимъ продолженіемъ Петра Великаго, его историческимъ результатомъ въ области просвѣщенія; своимъ

появленіемъ на аренѣ русской жизни Л. представляетъ какъ бы доказательство и полное оправданіе надеждъ Петра Великаго на духовныя силы Россіи, отвѣтъ на тотъ вызовъ, который сдѣлалъ гениальный преобразователь духовной мощи русскаго народа. Оставляя въ сторонѣ всѣ условности старыхъ воззрѣній на Ломоносова, ставившихъ его образъ въ какія-то исключительныя рамки, невозможно однако же не удивляться его замѣчательной судьбѣ: сынъ простого мужика-рыболова на отдаленной окраинѣ Россіи, онъ, влекомый почти инстинктивнымъ, внутреннимъ стремленіемъ къ свѣту, бѣжитъ къ тогдашнему скудному источнику просвѣщенія — Москвѣ, откуда попадаетъ въ Петербургъ и за границу и, преодолевая всевозможныя препятствія, возвращается на родину уже самъ въ качествѣ научнаго и литературнаго свѣточа своего отечества, гдѣ, съ поразительной энергіей и успѣхомъ борясь съ врагами „наукъ російскихъ“, неустанно работаетъ надъ культурнымъ прогрессомъ Россіи, какъ первый ученый и писатель русскій своего времени. Правда, внѣшними своими чертами жизнь Ломоносова напоминаетъ судьбу Тредьяковскаго, но это сходство всецѣло вытекаетъ изъ условій тогдашней русской дѣйствительности: доступъ къ просвѣщенію приходилось добывать героическими средствами и самопожертвованіемъ и результатъ добытыхъ познаній прилагать потомъ главнымъ образомъ въ обстановкѣ придворной или академической среды; однако тѣ исключительные результаты, которые были достигнуты Ломоносовымъ, благодаря богатымъ свойствамъ его натуры, выдвигаютъ въ глазахъ историка его жизненную карьеру на особенно видное мѣсто.

Въ общей оцѣнкѣ Л. не было той двойственности, которую мы видѣли относительно Тредьяковскаго: его талантамъ и учености отдавали должное даже враги, не любившіе его лично, а историческое значеніе заслугъ Л. было довольно ясно и для современниковъ; но фактическимъ содержаніемъ

его работъ наука овладѣла не сразу. Ломоносовъ работалъ въ своей жизни какъ натуралистъ, филологъ, поэтъ, ораторъ, академическій администраторъ и дѣятель общественный, но настоящимъ призваніемъ его была наука — и именно химія и физика. Если бы Л. жилъ въ другое время, при большемъ развитіи ученыхъ и литературныхъ силъ въ Россіи, то весьма возможно, что онъ отграничилъ бы для себя указанныя области естествознанія, но онъ увидалъ себя въ 30-хъ годахъ XVIII в., относительно культурныхъ потребностей своего отечества, въ особомъ положеніи: оказывалось необходимымъ работать въ разныхъ частяхъ науки и литературы, оставить послѣ себя возможно большее количество образцовъ или хотя бы начинаній, чтобы пробудить вкусъ къ этимъ занятіямъ въ тогдашней Россіи и оставить послѣ себя преемниковъ и продолжателей; при этихъ условіяхъ гениальная мысль Л. дѣлилась между важными изслѣдованіями „о происхожденіи свѣта“ или объ электричествѣ съ одной стороны и какой-нибудь „надписью“ къ придворной иллюминаціи съ другой, между грамматикой и идилліей, проектомъ университета и мозаикой, трагедіей и „Гимномъ бородѣ“. Среди этого разнообразія занятій и интересовъ Л., можно однако же отмѣтить, что до 1749 года онъ отдавалъ особое вниманіе естествознанію, первую половину 50-хъ годовъ всего болѣе занимался поэзіей и филологіей, а съ 1755 года имъ овладѣваетъ по преимуществу жакда общественной и административной дѣятельности. Чтобы объяснить и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать тѣ внутреннія побужденія, въ силу которыхъ натуралистъ-Ломоносовъ легко обращался къ одѣ, похвальному слову или трактату о стихосложеніи, надо имѣть въ виду чрезвычайно слабый интересъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ къ наукѣ и даже опасеніе соблазна отъ нея въ области религіозныхъ вѣрованій; съ другой стороны, жизнь двора и высшихъ классовъ требовала услугъ поэта и оратора, и Л. не могъ не

видѣть, что удовлетвореніе этимъ вкусомъ, въ извѣстные моменты, могло быть полезно и для науки, сближая ея представителей съ тѣми лицами, которыя могли оказать ей необходимую поддержку; при тогдашнихъ литературныхъ нравахъ, задорѣ, придирчивости и преувеличенномъ самомнѣніи немногихъ писателей того времени — этихъ недостатковъ не чуждъ былъ и самъ Л. —, нельзя было избѣгать занятій ни эпиграммой, ни какой-нибудь колкой журнальной пародіей или полемическимъ отвѣтомъ, чтобы поддержать свой литературный авторитетъ, устранить подозрѣнія и насмѣшки. При этихъ условіяхъ неудивительно, что до второй четверти XIX вѣка на Л. смотрѣли у насъ главнымъ образомъ и почти исключительно какъ на поэта (надпись къ его портрету при изд. Сочиненій 1757 года; отзывы Сумарокова, Державина, Карамзина); Пушкинъ первый указалъ своимъ современникамъ на забытыя ученныя заслуги Л., произнесши строгій приговоръ надъ его одами и похвальными словами, а вопросъ объ общественной дѣятельности Ломоносова настоящимъ образомъ выдвинуть былъ лишь юбилейной литературой 1865 года, спустя сто лѣтъ послѣ его смерти. Стремленіе же къ всесторонней оцѣнкѣ Ломоносова, чуждой пристрастія, если не въ видѣ цѣльнаго труда, то по крайней мѣрѣ по отдѣльнымъ вопросамъ, явилось лишь въ литературѣ, бывшей результатомъ юбилея Ломоносова по поводу 200-лѣтія со дня рожденія, въ 1911 году¹⁾.

1) Вотъ нѣкоторые факты этой литературы: Б. Н. Меншуткинъ. М. В. Ломоносовъ. Жизнеописаніе. Спб. 1911. — Ломоносовскій Сборникъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1911. — А. И. Соболевскій. Л. въ исторіи русскаго языка. Спб. 1911. — Е. Ѳ. Карскій. Значеніе М. В. Ломоносова въ развитіи русскаго литературнаго языка. Варшава 1912. — В. В. Сиповскій. Литературная дѣятельность Ломоносова. Спб. 1911. — С. Г. Вилинскій. Идеалы М. В. Ломоносова. Одесса 1912. — И. И. Замотинъ. Двѣ стихіи въ литературной и общественной дѣятельности М. В. Ломоносова. Варшава 1911. — И. А. Тихомировъ. О трудахъ М. В. Ломоносова по русской исторіи. Ж. М. Н. Пр. 1912 № 9.

О дѣтствѣ и юности Л. до поступления его въ московскую академію мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія. По наиболѣе достовѣрнымъ даннымъ ¹⁾, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился 8 ноября 1711 года въ дер. Денисовкѣ, Куростровской волости Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, въ довольно зажиточной крестьянской семьѣ. Лишившись родной матери 8 или 9 лѣтъ и сохранивъ о ней надолго самую трогательную память, переживъ затѣмъ два три года присутствіе въ домѣ отца первой мачехи, мальчикъ, по его собственнымъ позднѣйшимъ сообщеніямъ И. И. Шувалову, много терпѣлъ отъ третьей жены отца, — „злой и завистливой мачехи“, но отца онъ характеризуетъ какъ „по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго“. Отецъ, занимавшійся рыболовствомъ и выѣзжавшій для этого далеко въ море, доходя до Колы и даже въ Сѣверный океанъ до 70° широты, нерѣдко бралъ съ собой и сына. Такія поѣздки, соединенныя съ опасностями, но и съ своеобразными удовольствіями отъ соприсношенія съ дикой и суровой природой, не могли пройти безслѣдно для богато одареннаго и впечатлительнаго мальчика, развивая въ немъ не только физическія силы, но и обогащая наблюденіями умъ, изоцряя волю; эти условія, несомнѣнно, слѣдуетъ признать весьма плодотворными въ подготовкѣ будущаго географа и натуралиста, и, по мнѣнію одного біографа, „вся послѣдующая дѣятельность Ломоносова собственно есть ни что иное, какъ отчетливое возведеніе въ сознаніе и формальное развитіе тѣхъ преимущественно представлений и образовъ, которые еще на родинѣ

1) Они нашли свою оцѣнку въ статьѣ М. И. Сухомлинова: Къ біографіи Ломоносова. Спб. 1896, с. 3—5; А. Грандилевскій. Что знаютъ и что могутъ дать о М. В. Ломоносовѣ родные ему Холмогоры и Денисовка? Ломоносовскій Сборникъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1911, с. 1—28; І. М. Сибирцевъ. Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ (Его жизнь на родинѣ). Тамъ же, с. 29—68.

сложились въ его душѣ“¹⁾. Не было въ сущности недостатка и въ людяхъ въ этомъ, хотя и малолюдномъ, краю, оживленномъ тогда походами Петра Великаго и присутвіемъ купцовъ-иностранцевъ. Мальчикъ рано понялъ, что для развитія просившихся на волю дарованій нужна „наука“, т. е. прежде всего грамота и счетъ, и, при содѣйствіи мѣстныхъ деревенскихъ грамотѣевъ, преимущественно дьячка Семена Сабельникова, зашѣлъ за книги, принужденный для этого скрываться отъ преслѣдованій мачехи „въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и холодъ“; этими первыми источниками просвѣщенія для Ломоносова, называвшаго ихъ впослѣдствіи „вратами своей учености“, были съ одной стороны церковныя книги, по которымъ мальчикъ научился читать, а съ другой — и двѣ свѣтскія: Грамматика Мелетія Смотрицкаго и Ариѳметика Леонтія Магницкаго, наилучшіе для своего времени въ этой области продукты тогдашней схоластической учености на русской почвѣ. Къ этимъ двумъ книгамъ, имѣвшимъ для Л. характеръ не только учебныхъ руководствъ, но и широко-образовательныхъ энциклопедій — одна по филологіи, а другая по естествознанію и математикѣ —, присоединилась еще стихотворная Псалтырь Симеона Полоцкаго, самый обширный, въ печатномъ видѣ, продуктъ любви къ стихотворству у насъ въ XVII в., возбудившій, по словамъ Н. И. Новикова, страсть къ стихотворнымъ упражненіямъ и въ самомъ Ломоносовѣ. Л., несомнѣнно, видѣлъ въ дѣтствѣ и другія книги, пользуясь доступомъ къ библіотекѣ Дудиныхъ въ Холмогорахъ, куда мальчику нерѣдко приходилось ходить по отцовскимъ дѣламъ. Документальнымъ свидѣтельствомъ успѣховъ Л. въ грамотѣ до ухода въ Москву является одна собственноручная записъ 14-лѣтняго Л. Именно, когда въ

1) В. И. Ламанскій. М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Первые четыре главы. Спб. 1864, с. 26—27.

20-хъ годахъ XVIII в. крестьяне Куростровской волости рѣшили построить у себя новую каменную церковь, вмѣсто сгорѣвшей деревянной, то въ особой „тетради“, хранящейся въ настоящее время въ Архангельскомъ статистическомъ комитетѣ, подъ рядной записью (4 февр. 1726) крестьянъ, подрядившихся доставить дѣсь для постройки, читаемъ : „вмѣсто подрядчиковъ Алѣѣя Аверкиева сына Старопоновыхъ да Григорья Иванова сына Иконникова по ихъ велѣнію Михайло Ломоносовъ руку приложилъ“. По справедливому замѣчанію П. Пекарскаго, приведшаго эту запись въ точномъ снимкѣ съ подлинника при своей біографіи Л., она замѣчательна тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ ни одной ошибки противъ современнаго правописанія¹⁾.

Важнѣйшимъ шагомъ въ послѣдующей судьбѣ Л. былъ уходъ его, ради ученья, въ Москву, совершенный имъ вовсе не тайно ни отъ родителей, хотя отецъ не вѣрилъ въ пользу „науки“ и желалъ удержать сына дома, ни отъ своихъ односельчанъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Иванъ Баневъ, принялъ на себя поруку въ платежѣ подушныхъ денегъ за ушедшаго Л.; паспортъ взялъ онъ „неявнымъ образомъ“ въ Холмогорахъ, при содѣйствіи нѣкоего Ивана Милюкова. Л. отпущенъ былъ съ 7 декабря 1730 по сентябрь мѣсяць 1731 года, но на родину болѣе уже не возвращался. Въ январѣ 1731 года онъ прибылъ въ Москву и немедленно записался въ „Спасскія школы“, т. е. въ московскую славяно-греко-латинскую академію, принявшую послѣ преобразования при Петрѣ Великомъ (1701) латинское направленіе. Л. учился въ академіи около пяти лѣтъ, пройдя, при своихъ необыкновенныхъ способностяхъ и прилежаніи, первые три класса (изъ восьми) въ одинъ годъ; три года затѣмъ учился онъ въ среднихъ классахъ (синтагма, піитика и риторика), и въ іюль 1735 года перешелъ въ первый изъ двухъ высшихъ классовъ — фи-

1) Исторія Академіи Наукъ въ Петербургѣ, II, с. 275.

лософію. Здѣсь умѣстно привести собственный разсказъ Л. о своемъ пребываніи въ московской школѣ, въ позднѣйшемъ письмѣ его къ Шувалову (1753): „Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны — отецъ, никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ его довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны — несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латынѣ учиться!“¹⁾ Указаніе Л. на то, что, при всей „несказанной“ скудости, онъ „наукъ не оставилъ“, получаетъ тѣмъ большее значеніе, что напр. въ 1732 году, какъ видно изъ жалобы учителей академіи, ни имъ, ни ученикамъ не было выдано „жалованья“ за цѣлыя двѣ трети года, такъ что „многіе ученики, претерпѣвая гладъ и хладъ, отъ школъ поотставали“²⁾. Поступая въ академію и учась въ ней, Л. не имѣлъ, повидимому, опредѣленныхъ представленій о своемъ будущемъ: онъ учился по глубокому внутреннему стремленію къ знанію и по убѣжденію, въ ту пору уже достаточно ясному для многихъ, что только ученьемъ можно пробить себѣ дорогу

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные акад. Вилъямъ. Спб. 1865, с. 204.

2) М. Сухомлиновъ. Къ біографіи Ломоносова, с. 8.

въ жизни. Но что Л. жаждалъ выйти къ дѣятельности еще задолго до окончанія курса въ академіи и даже сдѣлалъ попытку въ данномъ направленіи, это видно изъ его готовности участвовать въ Оренбургской экспедиціи, организованной въ 1734 году извѣстнымъ дѣятелемъ XVIII в. И. К. Кирилловымъ: Л. долженъ былъ занять въ ней мѣсто священника-миссіонера, о чемъ и заявилъ онъ „самоизвольно“, когда предложеніе Кирилова сдѣлалось извѣстно въ стѣнахъ московской академіи; при этомъ Л., будучи представленъ 2 сентября 1734 года въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію для дачи свѣдѣній о себѣ, назвался сыномъ священника; однако, когда для подтвержденія этихъ свѣдѣній затребованы были справки изъ прежней Камеръ-коллегіи, то на новомъ допросѣ Л. заявилъ, что онъ не поповичъ, а „дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василия Дороеева сынъ“, что онъ отбылъ въ Москву „съ позволенія онаго отца“ своего, потерялъ въ дорогѣ „своимъ небреженіемъ“ выданный ему паспортъ и при записи въ академію назвался „города Холмогоръ дворянскимъ сыномъ“; признаваясь въ этихъ двухъ случаяхъ допущенной имъ лжи (въ первый разъ для поступленія въ академію, т. к. крестьянскія дѣти туда не принимались, а второй — для производства въ священство), Л. объявилъ, что на этотъ разъ сказалъ онъ „сущую правду, безъ всякія лжи и утайки“, и что, передумавъ идти въ экспедицію священникомъ, онъ „нынѣ желаетъ попрежнему учиться въ оной академіи“¹⁾. Послѣ этого долго учиться въ академіи Ломоносову не пришлось, такъ какъ, вслѣдствіе требованія со стороны Петербургской Академіи Наукъ, онъ былъ отосланъ въ декабрѣ 1735 года, въ числѣ двѣнадцати другихъ молодыхъ людей, для обученія въ академической гимназіи свѣтскимъ наукамъ. Упо-

1) Тамъ же, с. 10—12; С. А. Бѣлокуровъ. О намѣреніи Ломоносова принять священство и отправиться съ И. К. Кирилловымъ въ Оренбургскую экспедицію 1734 года. Ломоносовскій Сборникъ, с. 71—72.

минанія нѣкоторыхъ біографовъ, будто между обученіемъ въ московской академіи и отправкой въ Петербургъ Л. былъ въ Кіевѣ и слушалъ лекціи въ тамошней академіи, едва ли заслуживаютъ довѣрія, т. к. на это не сохранилось никакихъ документальныхъ указаній.

Пребываніе Л. въ московской академіи имѣло для него очень большое значеніе и дало ему главную основу его общаго образованія: онъ усвоилъ здѣсь латинскій языкъ, на которомъ преимущественно велось преподаваніе и который такъ пригодился потомъ Ломоносову въ его обученіи за-границей и въ дальнѣйшей ученой дѣятельности; здѣсь же онъ, прошедши главнымъ образомъ словесные классы, „піитику“ и „риторику“, получилъ необходимый запасъ свѣдѣній и вкусъ къ литературнымъ занятіямъ. Его учителями въ академіи были по грамматикѣ Давидъ Данелевичъ, по піитикѣ Ѳеодоръ Квѣтницкій и по риторикѣ Порфирій Крайскій, разборъ руководствъ которыхъ по названнымъ предметамъ¹⁾ показываетъ, что, не смотря на всю схоластичность этого преподаванія, оно могло имѣть и весьма благотворное вліяніе на умственное развитіе Л., изоцряя въ немъ способность къ логическимъ приемамъ мышленія; кромѣ того, эти курсы сообщали и нѣкоторыя положительныя познанія, знакомство съ образцами древней поэзіи и ораторскаго искусства: руководство П. Крайскаго, напр., прямо оканчивается указаніемъ на необходимость тщательнаго изученія этихъ образцовъ, долженствующихъ замѣнить собою безплодныя теоретическія умствованія. Рядомъ съ систематическимъ слушаніемъ курсовъ, у Л. шли въ академіи и практическія упражненія въ классахъ піитики и риторики. Изъ нихъ дошли до насъ „стихи на туясогъ“ (т. е. берестяной сосудъ для меду), сохраненные землякомъ Ломоносова Степаномъ

1) Г. Воскресенскій. Ломоносовъ и Московская славяно-греко-латинская академія. Годичный актъ въ Московской Духовной Академіи 1 окт. 1890. М. 1890, с. 26—61.

Кочневымъ и напечатанные потомъ въ „Путешествіи“ академика Лепехина (ч. IV. 1805):

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости заплѣли.
Егда стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги.
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали ¹⁾.

Это, насколько извѣстно, самое раннее стихотворное произведеніе будущаго знаменитаго одописца, по своему складу напоминающее собою тѣ „пѣсенки“, которыя незадолго до этого въ той же академіи, сидя на ученической скамьѣ, сочинялъ будущій сотоварищъ Л. по дѣятельности въ Академіи Наукъ, Тредьяковскій: тѣмъ разительнѣе представляется разница между болѣе зрѣлыми произведеніями того и другого писателя.

Второй школой Л. было время его заграничнаго ученья, продолжавшееся также около пяти лѣтъ. Представленный 2 янв. 1736 въ качествѣ будущаго ученика академической гимназіи, Л. былъ вскорѣ обращенъ однако же по другому назначенію. Въ томъ 1735 году, когда Академія Наукъ заботилась о пріисканіи учениковъ, начальникъ ея, баронъ Корфъ, вель переписку съ тогдашней знаменитостью въ горной наукѣ, д-ромъ І. Фр. Генкелемъ во Фрейбергѣ (въ Саксоніи) о присылкѣ на русскую службу въ Академію химика, свѣдущаго и въ горномъ дѣлѣ, и когда Генкель, не имѣя такого человѣка, готоваго отправиться въ Россію, предложилъ, взамѣнъ этого, послать отъ Академіи нѣсколько русскихъ молодыхъ людей для изученія горной науки, то уже 5 марта 1736 Корфомъ былъ представленъ докладъ импера-

1) П. Пекарскій, II, с. 285.

торскому кабинету объ отсылкѣ въ заграничное обученіе, къ Генкелю, трехъ русскихъ юношей — Густава-Ульриха Райзера, Дмитрія Виноградова и Ломоносова. Впрочемъ, переговоры съ Генкелемъ о матеріальныхъ условіяхъ касательно обученія и надзора за русскими студентами не привели къ положительному результату: Генкель запросилъ слишкомъ высокое вознагражденіе, а между тѣмъ возникла другая мысль, сильно поддержанная отцомъ одного изъ выбранныхъ юношей, горнымъ совѣтникомъ Райзеромъ, отправить молодыхъ людей сначала въ Марбургъ, гдѣ они могли бы, подъ руководствомъ профессора Хр. Вольфа, тогдашняго знаменитаго философа и математика, получить предварительную подготовку въ языкахъ и гуманитарныхъ наукахъ. Въ этомъ смыслѣ и состоялось рѣшеніе: 18 августа была подписана Корфомъ данная Академіей студентамъ „инструкція“, а 8 сентября 1736 года они отправились изъ Петербурга моремъ за границу. Л. пробылъ въ Марбургѣ, въ два пріема, свыше трехъ лѣтъ, затѣмъ около года учился въ Фрейбергѣ у Генкеля; остальное время своей заграничной командировки провелъ въ посѣщеніи Голландіи и разныхъ нѣмецкихъ городовъ, и 8 іюня 1741 года моремъ же, одинъ, безъ товарищей, вернулся въ Петербургъ.

Если годы пребыванія Л. въ московской академіи были для него временемъ накопленія нѣкоторыхъ познаній, полезныхъ навыковъ и извѣстной умственной дисциплины, то ученье за границей, въ Марбургскомъ университетѣ, явилось для будущаго великаго дѣятеля настоящей научной школой, которую, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ не могъ тогда получить въ Россіи. Можно сказать, что и среди европейскихъ разсадниковъ просвѣщенія едва ли можно было найти что-нибудь лучшее, и выборъ Марбурга для Ломоносова, сдѣланный Академіей Наукъ, былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Марбургскій университетъ, первый изъ основанныхъ въ эпоху реформаціи въ Гер-

маніи и чуждый стѣснительнаго авторитета католической церковности, переживалъ въ первой половинѣ XVIII в. расцвѣтъ своей славы. Этой славой онъ обязанъ былъ главнымъ образомъ дѣятельности профессора Вольфа, ближайшему руководству котораго какъ разъ былъ порученъ Ломоносовъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами изъ Россіи. Вольфъ (род. 1679) былъ самымъ выдающимся тогда въ Европѣ представителемъ того свободнаго философскаго движенія, которое, выйдя изъ Голландіи и обойдя Францію и Англію, перешло наконецъ въ Германію; основой этого движенія было разграниченіе авторитета религіозной вѣры и свободной мысли. Самъ Вольфъ, претерпѣвшій до своего перехода въ Марбургъ, рядъ гоненій со стороны піетистовъ и сторонниковъ стараго взгляда на науку, лишенный кафедры въ Галле по указу короля Фридриха I и затѣмъ приглашенный Гессенъ-кассельскимъ ландграфомъ въ Марбургскій университетъ, не былъ творцомъ какого-нибудь новаго философскаго міровоззрѣнія: онъ является сторонникомъ основныхъ положеній Лейбница во взглядахъ на міръ и на законы его существованія, придавъ этимъ взглядамъ стройную законченность и полноту совершенно опредѣленной философской системы; онъ не отрицалъ правъ религіозной догмы на существованіе, осуждалъ скептицизмъ и атеизмъ, но стремился къ тому, чтобы дать также и научной мысли подобающее ей значеніе и мѣсто въ пониманіи основныхъ законовъ человѣческаго и міроваго существованія, примирить религію и науку. Эти взгляды Вольфа нашли себѣ извѣстное признаніе въ особой комиссіи изъ берлинскихъ богослововъ, назначенной для суда надъ знаменитымъ мыслителемъ по повелѣнію того же короля Фридриха I, и, оправданный въ возбужденныхъ противъ него антирелигіозныхъ подозрѣніяхъ, философъ съ торжествомъ вернулся въ Галле; но это было въ 1740 году. Въ Марбургѣ Вольфъ провелъ лучшіе годы своей жизни (1723—1740); онъ преподавалъ здѣсь,

кромѣ разныхъ математическихъ предметовъ, еще метафизику, нравственную философію, логику, физику, естественное право, географію, политику, хронологію, архитектуру; лекціи его и многочисленные научные труды вызывали со стороны марбургскаго студенчества и повсемѣстно въ Германіи глубокое уваженіе и непререкаемый авторитетъ; личность философа была окружена исключительнымъ почетомъ. Наблюденіе за русскими студентами, простиравшееся не только на ихъ научныя занятія, но и образъ жизни, квартиры, столъ и одежду, доставляло не мало хлопотъ Вольфу, тѣмъ болѣе, что эти молодые люди далеко не всегда, по молодости и по новизнѣ своего положенія, умѣли пользоваться предоставленной имъ свободой, допускали разныя излишества, входили въ долги; тѣмъ не менѣе Вольфъ, путемъ постоянныхъ сношеній, сѣумѣлъ хорошо познакомиться съ ними лично и выдѣлить изъ нихъ Ломоносова, какъ „самую свѣтлую голову“ между ними (письмо къ барону Корфу отъ 17 авг. 1738), а въ выданномъ Ломоносову свидѣтельствѣ (20 іюля 1739) отмѣтилъ его какъ „молодого человѣка съ прекрасными способностями“, который „съ особенною любовью старался пріобрѣтать основательныя познанія“¹⁾. Со своей стороны, и Л. относился къ своему ближайшему наставнику съ неизмѣннымъ уваженіемъ. Не такъ счастливо сложились его отношенія къ Генкелю, когда русскіе студенты переѣхали для продолженія своихъ занятій, спеціально по горному дѣлу, во Фрейбергъ 25 іюля 1739 года: обладая горячимъ темпераментомъ, не вполне уравновѣшенный, самолюбивый и уже сознававшій свои силы, Л. столкнулся тутъ съ личностью гордаго своей извѣстностью и авторитетомъ, педантичнаго, строгаго и равнодушнаго къ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ „горнаго совѣтника“; на этой почвѣ возникъ рядъ столкновеній между ученикомъ и на-

1) А. Куникъ. Сборникъ матеріаловъ, II, с. 271—272. 301.

ставникомъ, давшій обоимъ изъ нихъ поводъ, въ своихъ донесеніяхъ Академіи Наукъ, самымъ неблагопріятнымъ образомъ охарактеризовать другъ друга¹⁾. Результатомъ этихъ несогласій было то, что Л., не дослушавъ полного курса у Генкеля, оставилъ въ маѣ 1740 года самовольно Фрейбергъ и искалъ пріюта то у своихъ прежнихъ марбургскихъ товарищей (здѣсь, въ Марбургѣ, онъ 6 іюня 1740 года женился на Елизаветѣ-Христинѣ Цильхъ), то у представителей русской власти за границей, пока не получилъ возможности, наконецъ, уѣхать въ Россію.

Нѣсколько ускоренное окончаніе заграничнаго ученія Л. было, съ его собственной точки зрѣнія, преждевременнымъ: правда, онъ съ гордостью говорилъ, въ своемъ донесеніи въ Академію, о томъ, что не хотѣлъ бы промѣнять свои „хотя и малыя, но основательныя познанія въ химіи и металлургіи“ на лекціи по этимъ предметамъ Генкеля и совершенно отказывался „почитать его своею путеводною звѣздою и единственнымъ своимъ спасеніемъ“, однако онъ считалъ для себя полезнымъ отправиться для усовершенствованія въ горной наукѣ въ Гарцъ или какое-либо другое мѣсто, чтобы изучать ее на практикѣ, а не изъ „шкаповъ и ящичковъ“ своего фрейбергскаго наставника. Но Академія имѣла уже относительно Л. другое рѣшеніе: подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ донесеній Генкеля, о Л. составилось мнѣніе, что онъ „весьма не въ состояніи находится“ продолжать свою науку и что, м. б., лучше его „употребить на другое дѣло“²⁾, и отдано было рѣшительное приказаніе ему вернуться обратно. Тѣмъ не менѣе, какъ показало ближайшее будущее, Л. въ полной мѣрѣ оправдалъ возложенныя на него Академіей надежды и даже превзошелъ послѣднія: онъ не только многому научился въ Марбургѣ (у Вольфа по ма-

1) Тамъ же, II, с. 322—325 (донесеніе Генкеля отъ 20 іюня 1740); 334—338 (письмо Ломоносова къ Шумахеру отъ 16 ноября 1740).

2) А. К у н и к ъ. Сборникъ матеріаловъ, II, с. 325. 326.

темати́къ и физикъ, у проф. Ю. Г. Дуйзинга по химіи; кромѣ того, слушалъ Тилемана, Гартмана, Шредера и др.) и Фрейбергъ (по горнымъ наукамъ у Генкеля), образовавъ изъ себя знающаго натуралиста и математика, но далъ и ясныя доказательства своихъ занятій словесными науками.

Побужденіе къ литературнымъ занятіямъ за границей исходило у Ломоносова, помимо внутренняго влеченія, доказаннаго рядомъ послѣдующихъ работъ его въ этой области, изъ двухъ источниковъ. Съ одной стороны, въ инструкціи отправлявшимся въ Марбургъ студентамъ, отъ 18 августа 1736, было имъ рекомендовано (п. 5) „стараться о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ они ими свободно говорить и писать могли“, причемъ каждый изъ нихъ обязывался (п. 6) „присылать всегда по прошествіи полугода въ Академію Наукъ извѣстія, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается“. Исполняя это обязательство, Л. отправилъ — правда, съ опозданіемъ (отъ 15 окт. 1738) — изъ Марбурга свою первую научную работу, на латинскомъ языкѣ, по физикѣ (*Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistentis dependente*) и переводъ съ французскаго на русскій оды Фенелона; самое донесеніе въ Академію о своихъ научныхъ занятіяхъ Л. написалъ на нѣмецкомъ языкѣ: т. о., этотъ отчетъ Л. совмѣщалъ въ себѣ удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ, изложеннымъ въ приведенныхъ пунктахъ инструкціи. Переводъ Фенелоновой оды, если не считать юношескихъ стихотворныхъ опытовъ Л. въ московской академіи, о которыхъ онъ самъ никогда впослѣдствіи не упоминалъ, является первымъ серьезнымъ выступленіемъ его въ области стихотворства. Что Л. взялся за переводъ, и именно съ французскаго, это вытекало отчасти изъ академической инструкціи; на самое имя Фенелона могъ навести Ломоносова Тредьяковскій, котораго незадолго вышедшій передъ тѣмъ „Новый и краткій способъ

къ сложенію російскихъ стиховъ“ (1735) онъ взялъ съ собою за границу и могъ найти тамъ стихотворный переводъ одного произведенія Фенелона („Стихи, научающіе добронравію человѣка“), сдѣланный Тредьяковскимъ для доказательства его взгляда на тоническую природу русскаго стихосложенія. Взятая Л. ода Фенелона, интересная не столько своимъ поэтическимъ содержаніемъ, котораго очень мало, сколько стилемъ и литературной формой, была написана авторомъ въ 1681 году, но напечатана въ первый разъ при парижскомъ изданіи знаменитыхъ *Aventures de Télémaque* въ 1717 году; она трактуеть о прелестяхъ уединенной сельской жизни. Эта французская книга находилась въ составѣ той небольшой библіотеки, которую составилъ для себя Л. въ Марбургѣ; тутъ указывается имъ изданіе ея 1723 года¹⁾, но такое изданіе неизвѣстно библіографамъ, и одни считаютъ оригиналомъ перевода Л. гамбургское изданіе „Телемака“ 1732 года, предполагая въ приведенномъ указаніи Л. простую опіску²⁾, другіе же видятъ его въ роттердамскомъ изданіи 1725 года, какъ наиболѣе близкомъ по тексту къ Ломоносовскому переводу³⁾. Переводъ Л. сдѣланъ четырехстопнымъ хореемъ (или „трохеемъ“), которому впослѣдствіи онъ предпочиталъ ямбъ, довольно близко къ подлиннику, но недостатокъ звучности и чрезмѣрная искусственность стиха изобличаютъ, при несомнѣнной талантливости переводчика, тѣ трудности, съ которыми ему приходилось бороться при первыхъ опытахъ стихотворства по тоническому принципу; во всякомъ случаѣ, эти стихи гораздо удачнѣе тѣхъ, которыя Л. могъ найти у Тредьяковскаго въ его „Вздѣ на островъ любви“, „Способъ“ или „Одѣ на взятіе Гданска“. Переводъ Фенелоновой оды Ломоносова въ свое время не

1) А. Кунікъ, I, с. 131.

2) Тамъ же, II, с. 418.

3) Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснит. примѣч. акад. М. И. Сухомлинова. I, прим. с. 7.

обратилъ на себя никакого вниманія даже въ Академіи, куда онъ былъ посланъ, и гдѣ могъ ознакомиться съ нимъ Тредьяковскій: онъ былъ напечатанъ 90 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова, въ 1855 году, и поднесенъ Академіей Наукъ, въ видѣ юбилейнаго дара, Московскому университету ¹⁾.

Съ другой стороны, литературные интересы Ломоносова питала окружавшая его нѣмецкая среда: въ тѣсной связи съ этимъ вліяніемъ находится именно второе стихотворное произведеніе Л., посланное имъ въ Академію изъ-заграницы — его Ода на взятіе Хотина. Это, уже не переводное, а самостоятельное произведеніе Л. было написано имъ въ 1739 году, въ бытность во Фрейбергѣ, и отослано въ Академію въ концѣ этого или въ началѣ 1740 года, съ присоединеніемъ къ нему „Письма о правилахъ россійскаго стихотворства“. Событіе, подавшее Л. поводъ написать эту оду, взятіе русскими войсками турецкой крѣпости Хотина, послѣдовало 19 августа 1739 года, и о немъ могъ узнать Л. изъ иностранныхъ газетъ, напр. изъ *Hallische Zeitung*, о чтеніи которой Ломоносовымъ имѣется документальная справка въ одномъ изъ счетовъ, уплоченномъ Генкелемъ за русскихъ студентовъ ²⁾. Ода была написана подъ живымъ впечатлѣніемъ этого событія и еще до полученія извѣстія о заключеніи Бѣлградскаго мира (7/18 сент. 1739). Въ написаніи этой оды Ломоносовымъ едва ли можно допускать какія-либо стороннія или корыстныя цѣли, какъ это отчасти считалъ возможнымъ акад. А. Куникъ ³⁾; скорѣе всего это

1) Въ болѣе доступномъ видѣ впервые этотъ переводъ былъ напечатанъ акад. А. Куникомъ въ „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ“, II, 1865, с. 407—417. Дополненіемъ къ этому изданію является болѣе ранняя статья того же автора: Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года, переведенной Ломоносовымъ. Ученыя Записки Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ. Т. III. 1855, с. 256—264.

2) А. Куникъ, I, с. 175.

3) Тамъ же, I, с. XXV—XXVI.

было непосредственнымъ проявленіемъ того патріотическаго воодушевленія, которое не могло не охватить Ломоносова, въ уединенномъ нѣмецкомъ городкѣ, по поводу событія, заинтересовавшаго тогда всю Европу. Долгое время держалось мнѣніе, впервые опубликованное въ академической біографіи Ломоносова (1784), что это произведеніе Ломоносова, отосланное имъ въ Академію, было немедленно напечатано ею и поднесено бар. Корфомъ императрицѣ Аннѣ, причѣмъ встрѣтило восторженный приѣмъ при дворѣ и въ знатныхъ кругахъ столицы; однако до настоящаго времени, несмотря на самыя тщательныя поиски, такого изданія Оды на взятіе Хотина не было найдено¹⁾; весьма вѣроятно, что причина замолчанія этого второго, и при томъ весьма замѣчательнаго, произведенія Ломоносова со стороны Академіи лежала въ противодѣйствіи, оказанномъ автору со стороны Тредьяковскаго: послѣдній почувствовалъ не только уколъ авторскаго самолюбія и ревности къ болѣе даровитому сопернику на поприщѣ стихотворства, но въ особенности почелъ себя задѣтымъ со стороны Ломоносова тѣми возраженіями, которыя дѣлалъ ему послѣдній въ своемъ „Письмѣ о правилахъ русскаго стихотворства“, имѣя въ виду мнѣнія, изложенныя Тредьяковскимъ въ его „Новомъ и краткомъ способѣ къ сложенію русскаго стиховъ“. Тредьяковскій сочинилъ на „Письмо“ Ломоносова пространный отвѣтъ и требовалъ, чтобы онъ былъ отосланъ во Фрейбергъ, но Академическая Канцелярія разсудила за лучшее не отправлять этого письма Тредьяковскаго, какъ наполненнаго „учеными спорами“, чтобы „на платежъ за почту денегъ напрасно не терять“. При такихъ обстоятельствахъ, весьма естественно было со стороны Тредьяковскаго не желать появленія въ печати ни оды Ломоносова, ни его „Письма“: первая была, повидимому, впервые напечатана самимъ авторомъ въ „Собраніи“ его со-

1) Соч., подъ ред. М. И. Сухомлинова, I, прим. с. 35—36.

чиненій 1751 года, а второе — уже послѣ его смерти, въ Собраніи его сочиненій, изданномъ Дамаскинымъ-Рудневымъ въ 1778 году. Писанная уже любимымъ Ломоносовымъ ямбическимъ размѣромъ, Ода на взятіе Хотина, послѣ переводной Фенелоновой оды, была въ литературномъ смыслѣ огромнымъ шагомъ впередъ, обнаруживая своимъ правильнымъ и сравнительно весьма звучнымъ стихомъ быстро развивавшееся литературное дарованіе автора; вмѣстѣ съ тѣмъ, она была началомъ послѣдовавшихъ за ней произведеній Л. въ области торжественной лирики, столь популярной въ XVIII вѣкѣ. Говоря объ одѣ на взятіе Хотина, невозможно обойти вопроса объ отношеніи Л. къ нѣмецкому писателю Гюнтеру и вообще къ нѣмецкой литературѣ его времени. Академиками Штелиномъ и Шлецеромъ, современниками Л., впервые пущено было въ оборотъ мнѣніе, что свою оду Л. написалъ въ подражаніе одѣ нѣмецкаго поэта Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей въ 1718 году и чуть ли не перевелъ ее цѣликомъ. Однако ближайшее сопоставленіе этихъ двухъ произведеній¹⁾ не подтверждаетъ этого заключенія въ столь категорическомъ видѣ. Л. несомнѣнно былъ знакомъ съ этимъ произведеніемъ столь популярнаго тогда среди нѣмецкой молодежи писателя и, м. б., принялъ отъ него въ данномъ случаѣ четырехстопный ямбическій размѣръ и десятистрочную строфу; въ обѣихъ одахъ, написанныхъ на сходный сюжетъ борьбы европейскаго государства съ Турціей, есть напоминающія одна другую мысли и образы, есть общій имъ обѣимъ подъемъ лирическаго воодушевленія, но въ остальномъ обнаруживается только разница: ода Л. почти вдвое короче оды Гюнтера, исполнена живыхъ и оригинальныхъ поэтическихъ подробностей, свидѣтельствующихъ не о сухомъ подражаніи, а объ

1) Ода Гюнтера „Auf den zwischen Ihre Röm. Kayserl. Majestät und der Pforte 1718 geschlossenen Frieden“ перепечатана изъ Собранія сочиненій I. Хр. Гюнтера (5 Aufl. 1751) М. И. Сухомлиновымъ въ прил. къ Соч. Ломоносова, I. 61—78.

искреннемъ увлеченіи избраннымъ предметомъ со стороны молодого и начинающаго русскаго писателя. Когда Ломоносовъ явился въ Марбургъ, Гюнтера уже не было въ живыхъ (род. 1695, ум. 1723), но его поэтическая дѣятельность была у всѣхъ въ памяти и составляла предметъ восторженнаго поклоненія со стороны молодого поколѣнія нѣмецкаго общества. Одаренный большимъ поэтическимъ талантомъ, восторженный и правдивый, Гюнтеръ выдѣлялся среди тогдашнихъ нѣмецкихъ писателей свободой и непринужденностью въ выборѣ сюжетовъ, простотой и живымъ разнообразіемъ стихотворной формы; самая судьба Гюнтера, сдѣлавшагося ранней жертвою разгульной жизни и неумѣренныхъ наслажденій, привлекала къ нему особенное вниманіе университетской молодежи. Л., далеко не чуждый въ свои марбургскіе студенческіе годы разнообразныхъ увлеченій молодости, вырвавшейся на свободу, не могъ быть чуждъ и тѣмъ поэтическимъ украшеніямъ, которыя придавала, въ глазахъ его нѣмецкихъ товарищей, этимъ юношескимъ эксцессамъ увлекательная поэзія Гюнтера. По свидѣтельству упомянутаго Я. Штелина, Ломоносову понравились въ Германіи „въ особенности стихотворенія Гюнтера, изъ которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлыя піесы“¹⁾, и въ числѣ книгъ его студенческой библіотеки находился, между прочимъ, сборникъ произведеній этого нѣмецкаго поэта (Günters Gedichte. Breszlau 1735).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ бытность свою въ Марбургѣ и вообще за границей Л. не остался чуждъ и другимъ проявленіямъ современной ему литературной жизни въ Германіи, среди которой выдающееся положеніе занимала фигура І. Хр. Готшеда (род. 1700, ум. 1766). Будучи поклонникомъ греческихъ и римскихъ литературныхъ образцовъ, Готшедъ явился руководителемъ цѣлаго литературнаго

1) А. К у н и к ъ. Сборникъ матеріаловъ, II, с. 388.

движенія во французскомъ вкусѣ, опиравшемся на классицизмъ древности. Это движеніе шло въ Германіи одновременно съ успѣхами философіи Вольфа, котораго Готшедъ былъ усерднымъ поклонникомъ; въ литературныхъ воззрѣніяхъ Готшедъ былъ сторонникомъ того протеста, который, еще до выступленія его на литературное поприще, въ предѣлахъ самой нѣмецкой литературы шелъ изъ Гамбурга и Швейцаріи противъ уродливостей т. наз. Силезской школы въ области поэзіи и въ пользу литературнаго аристократизма, проникавшаго изъ Франціи. Готшедъ всецѣло воспринялъ французскій новоклассицизмъ въ его общихъ основаніяхъ, но взглянулъ на него съ точки зрѣнія потребностей и интересовъ національной нѣмецкой литературы: онъ захотѣлъ создать образцы и теорію послѣдней на основѣ французскихъ литературныхъ понятій, и для достиженія этой цѣли бросился, съ одной стороны, въ борьбу съ простонародными элементами нѣмецкой поэзіи, а съ другой — въ кипучую творческую дѣятельность по созданію какъ самостоятельныхъ литературныхъ произведеній, особенно въ области драмы, такъ и литературной теоріи, издавъ въ 1728 году свою знаменитую *Ausführliche Redekunst*, въ которой Ломоносовъ могъ прочесть, между прочимъ, и похвалу Гюнтеру. Впослѣдствіи Л. въ своей „Риторикѣ“ немало позаимствовалъ изъ этого сочиненія Готшеда. Т. о., Ломоносовъ могъ наблюдать вокругъ себя ожесточенную борьбу литературныхъ понятій въ Германіи, предпринятую во имя созданія такой литературы, которая бы отвѣчала національнымъ потребностямъ нѣмецкаго общества; но, занятый по преимуществу точными науками и естествознаніемъ, онъ не могъ углубиться въ пониманіе истиннаго смысла этого литературнаго движенія. Побѣда въ борьбѣ склонилась на сторону Готшеда и его школы, и въ Германіи водворился, какъ неизбежное слѣдствіе общеевропейской литературной эволюціи, французскій новоклассицизмъ, но въ

соотвѣтствующей переработкѣ. Въ основѣ этой переработки, поскольку дѣло касалось установленія общихъ литературныхъ понятій и идеаловъ, лежали извѣстныя черты реализма, которыя, въ противовѣсъ старымъ преданіямъ нѣмецкой поэзіи — съ элементами вульгарности, неестественности и чудесности —, желалъ внести въ нее Готшедъ, воспитанникъ реалистической философіи Вольфа. Конечно, для Ломоносова не могло быть тутъ выбора: и глубокимъ уваженіемъ къ своему учителю Вольфу, авторитетнымъ именемъ котораго въ значительной степени пролагала себѣ дорогу литературная школа Готшеда, и ослѣпительнымъ блескомъ французскаго новоклассицизма, покоровшаго литературные вкусы въ Германіи, онъ вполне былъ подготовленъ къ воспріятію этого послѣдняго направленія, какъ достойнаго всецѣло господствовать и единственно способнаго удовлетворить потребностямъ литературы въ глазахъ „просвѣщеннаго“ общества XVIII вѣка. Въ этомъ моментѣ соприкосновенія Ломоносова съ указанными сторонами нѣмецкой литературной жизни кроется большое значеніе для его послѣдующей роли въ Россіи, въ качествѣ главнаго дѣятеля и руководителя русской литературы въ первой половинѣ XVIII вѣка. Для правильной оцѣнки этой роли нельзя забывать, что Л., будучи сторонникомъ т. наз. ложноклассицизма, заимствовалъ понятія о немъ не изъ прямого французскаго источника, а изъ нѣмецкой переработки. Лично Ломоносовъ, прошедшій строгую научную школу и обладавшій природнымъ реалистическимъ настроеніемъ и душевнымъ складомъ, не могъ не сочувствовать основнымъ особенностямъ этой переработки, внося въ свои литературные труды уравновѣшенность, серьезность и допустимую тогдашнимъ состояніемъ литературныхъ понятій простоту. Въ этомъ отношеніи онъ является съ ясными чертами противоположности двумъ своимъ современникамъ и совмѣстникамъ по литературной работѣ — Тредьяковскому, неудачнику по своимъ опытамъ въ поэтической области, и

Сумарокову, талантливому, но не глубокому поклоннику внѣшней формы: оба послѣдніе писателя получили свое литературное образованіе почти исключительно по французскимъ образцамъ.

Наконецъ, въ числѣ важныхъ духовныхъ пріобрѣтеній Ломоносова за границей должны быть отмѣчены и тѣ черты его общаго міровоззрѣнія, которыми онъ обязанъ главнымъ образомъ соприкосновеніемъ съ Вольфомъ и его философіей. Самъ Л. никогда не посвящалъ, въ послѣдніе годы, своихъ силъ спеціальнымъ занятіямъ философіей, но его научные труды, особенно въ области естествознанія, были проникнуты совершенно опредѣленнымъ взглядомъ общаго философскаго характера. Подобно Вольфу, Л. признавалъ божественную волю, правящую міромъ, но наличность этой послѣдней не мѣшала, въ его глазахъ, изучать природу силами разума и объяснять ея явленія закономъ „достаточнаго основанія“; для Л., какъ и для Вольфа, вовсе не существовало неприимимаго противорѣчія между наукой и Библіей въ разрѣшеніи вопроса о твореніи міра и о дальнѣйшемъ ходѣ мірового процесса; онъ различалъ эти два источника нашихъ познаній о мірѣ какъ ученый мыслитель и какъ вѣрующій человѣкъ своего времени. Онъ говорилъ: „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, а въ другой свою волю; первая — видимый сей міръ, вторая — Священное Писаніе“; онъ утверждалъ, что „испытаніе природы трудно, однако полезно, свято“. Вопросы объ отношеніи между наукой и вѣрой Л. касается главнымъ образомъ въ „прибавленіи“ къ статьѣ „Явленіе Венеры на солнцѣ“, а также въ „Письмѣ о пользѣ стекла“, въ „Словѣ о происхожденіи свѣта“, „Словѣ о рожденіи металловъ“ и др. Между прочимъ, въ „Письмѣ о пользѣ стекла“ Л. такъ говоритъ о „слабомъ умѣ“, боящемся науки, чтобы не нанести ущерба вѣрѣ:

Дабы истолковать, что молнія и гром —
 Такія мысли всё считаетъ онъ грѣхомъ:
 На бичъ, онъ говорить, я посмотрѣть не смѣю,
 Когда грозить Отецъ намъ яростью своею.
 Но какъ онъ насъ казнить, поднимъ въ пучинѣ валь,
 То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
 Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
 То грѣхъ ли то сказать, что Ниль тамъ не разлился? ¹⁾

Выводъ, который дѣлаетъ отсюда Л., заключался въ томъ, что наука не помѣшаетъ вѣрѣ, а, напротивъ, укрѣпитъ ее выясненіемъ величія Божія, проявленнаго въ природѣ; эта мысль имѣла для Россіи того времени особенно важное значеніе, когда „враговъ науки“ было неисчислимое множество. Въ сочиненіяхъ Л. отмѣчено и охарактеризовано четыре группы такихъ людей: первую группу составляло „простонародіе, которое о наукахъ никакова понятія не имѣетъ“; вторую — „робкіе“ умы, страшащіяся изслѣдовать причины грозныхъ явленій природы; третью — умы мечтательные и предубѣжденные, и, наконецъ, четвертую, по мнѣнію Л. — самую опасную, группу образуютъ „люди грамотные, чтецы писанія и ревнители къ православію“, которые „осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они противны закону“ ²⁾. Каждому роду этихъ противниковъ науки Л. даетъ отвѣты, защищая науку то въ благодушно-шутливомъ, то въ серьезномъ, назидательномъ или сатирическомъ тонѣ. Отстаивая права разума и свободной научной мысли въ тогдашней Россіи, Л. продолжалъ дѣло, уже отчасти начатое его литературными предшественниками, Теофаномъ Прокоповичемъ, Татищевымъ и Кантемиромъ, но къ ихъ доводамъ онъ прибавилъ одинъ очень важный и новый: не ограничиваясь словами, Л. самъ дѣя-

1) Соч. Ломоносова, II, с. 102. Ср. М. Сухомлиновъ. Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета. Русскій Вѣстникъ 1861, № 1, с. 147—148.

2) Г. Воскресенскій, назв. соч., с. 84—91.

тельно занимался наукой и, оставаясь вѣрующимъ христіаниномъ, наглядно оправдывалъ передъ своими современниками справедливость мысли о томъ, что наука для религіи не опасна. По вопросу о степени вліянія Вольфа на Л. существуютъ различныя мнѣнія: одни, напр. А. С. Будиловичъ, низводятъ его до послѣдняго минимума; другіе, какъ Н. Буличъ, чрезвычайно его расширяютъ. Справедливѣе мнѣніе, которое чуждо этихъ обѣихъ крайностей: „Вольфъ имѣлъ вліяніе на Л., но оно не было такъ глубоко, чтобы Ломоносова можно было назвать вольфіанцемъ: по самой природѣ своей онъ былъ очень неподатливъ и не могъ быть безотвѣтнымъ органомъ чужого образа мыслей. Сходство и различіе между Л. и Вольфомъ обнаруживается въ методѣ, въ ихъ воззрѣніи и въ характерѣ ихъ дѣятельности. Строгость математической методы Вольфа справедливо цѣнилась Ломоносовымъ, но онъ самъ обращался къ ней рѣдко: въ мысляхъ его было такъ много жизни и свѣжести, что нельзя было заключать ихъ въ рамку теоремъ; когда дѣло идетъ о могуществѣ науки или творческой силѣ природы, прозаическая послѣдовательность доводовъ уступаетъ мѣсто лирическимъ отступленіямъ. Въ общемъ воззрѣніи на космосъ они сходятся... Чувство природы такъ сильно развито было въ Ломоносовѣ, что, защищая права ея, онъ изъ мыслителя переходилъ въ поэта и „слагалъ гимны матери-природѣ“. Поэтическое настроеніе было вовсе чуждо Вольфу; самому чувству изящнаго послѣдователи Вольфа давали мѣсто между низшими способностями души“¹⁾. Къ этому можно лишь прибавить, что самое различіе историческихъ ролей обоихъ мыслителей, обстановки и общественной среды, въ которой они дѣйствовали, должно было рѣшительнымъ образомъ содѣйствовать и выработкѣ различныхъ способовъ ихъ воздѣйствія на современниковъ. Л. навсегда сохранилъ

1) М. Сухомлиновъ. Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета, с. 152—153.

высокое уваженіе къ личности и научнымъ заслугамъ своего учителя, доказавъ это изданіемъ русскаго перевода „Экспериментальной физики“ Вольфа, съ предисловіемъ и посвященіемъ (во 2 изд., 1760) гр. М. Л. Воронцову.

Съ возвращеніемъ Л. изъ-заграницы, кончилось время подготовки и началась самостоятельная дѣятельность его въ теченіе почти цѣлой четверти вѣка (1741—1765). Вся она протекла въ царствованіе императрицы Елизаветы и, въ извѣстныхъ своихъ частяхъ, является весьма характернымъ выраженіемъ этой поры русской политической и общественной жизни. Все это время Л. состоялъ на службѣ въ Академіи Наукъ, куда былъ принятъ сначала (28 янв. 1742) въ должности „адъюкта физическаго класса“; потомъ онъ былъ назначенъ (7 авг. 1745) профессоромъ химіи и удержалъ это званіе до конца своей жизни (ум. 4 апр. 1765). Дѣятельность Л. въ Академіи была чрезвычайно разнообразна: онъ не только читалъ лекціи и писалъ ученые разсужденія, печатавшіяся отъ имени этого учрежденія, по химіи, физикѣ и металлургіи, но онъ сочинялъ по разнымъ официальнымъ и неофициальнымъ поводамъ оды и „похвальныя слова“, писалъ ученые работы по русской исторіи и словесности, принималъ дѣятельное участіе въ текущей журналистикѣ, расходовалъ свой талантъ на басню, эпиграмму и сатиру, выступалъ по вопросамъ экономическимъ и социальнымъ. Въ стѣнахъ Академіи ему приходилось вести энергическую борьбу съ нѣмецкимъ преобладаніемъ, дѣйствуя въ ней въ качествѣ виднаго администратора: съ 1757 года онъ былъ членомъ Академической Канцеляріи, написанная имъ исторія которой представляетъ большой автобіографическій интересъ, а съ 1759 года завѣдывалъ академической гимназіей и университетомъ, управлялъ географическимъ департаментомъ; въ концѣ 50-хъ годовъ онъ много занимался искусствомъ мозаики, для чего была заведена находившаяся подъ его руководствомъ фабрика.

Если принять во вниманіе условія, при которыхъ приходилось работать Ломоносову (новизна многихъ его дѣлъ и начинаній, противодѣйствія въ Академіи, недостатокъ матеріальныхъ средствъ и необходимыхъ приспособленій, крайнее разнообразіе самой работы, безпрестранно отвлекавшее мысль Л. въ разныя стороны), то нельзя не удивляться огромнымъ результатамъ его дѣятельности, какъ писателя¹⁾.

Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ фактахъ этой дѣятельности, имѣющихъ преимущественный интересъ для исторіи литературы.

Изъ области поэзіи наиболѣе значительныя заслуги принадлежатъ Ломоносову какъ одописцу. Для первой половины XVIII в. ода была самымъ излюбленнымъ изъ всѣхъ трехъ поэтическихъ родовъ новоклассицизма; причина этого лежала не только въ сравнительной (съ эпосомъ и драмой) краткости и легкости ея созданія, не только въ авторитетъ западно-европейскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, писателей, но также и въ характеръ отношеній тогдашней литературы къ потребностямъ общества. Новоклассическая литература Елизаветинскаго времени и даже отчасти позднѣе существовала, въ своихъ наиболѣе значительныхъ проявле-

1) Самъ Л. дважды издалъ „собранія“ своихъ сочиненій — въ 1751 (книга первая) и 1757—59 (вторая книга и новое изданіе первой). Послѣ его смерти, въ 1778 году, вышло, въ трехъ частяхъ, „Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ Л., собранное и редактированное извѣстнымъ ученымъ библиографомъ XVIII в. архимандритомъ Дамаскинымъ-Рудневымъ (2 изд. 1803); затѣмъ идетъ рядъ академическихъ изданій сочиненій Ломоносова (1784—87, 1794, 1803—1804, 1804), изъ которыхъ первое было редактировано и отчасти испорчено поправками О. Козодавлева, а послѣдующія академическія изданія повторяли эту редакцію; кромѣ того, при немъ помѣщена была біографія Л., составленная по матеріаламъ акад. Штелина и переведенная съ нѣмецкаго М. Веревкинымъ; „Избранныя сочиненія“, под. ред. П. Перевлѣскаго (1846); два изданія А. Смирдина (1847, 1850). Наконецъ, въ девяностыхъ годахъ XIX в. начато было Академіей Наукъ, подъ редакціей М. И. Сухомятинова, первое критическое и съ обширнымъ объяснительнымъ аппаратомъ, изданіе сочиненій Ломоносова, котораго вышло пять томовъ: 1—V. 1891—1902.

ніяхъ, главнымъ образомъ для Двора и высшей аристократіи, являясь моднымъ и необходимымъ украшеніемъ ихъ жизни; отношенія между авторами и немногими читателями опредѣлялись главнымъ образомъ поклоненіемъ съ одной стороны и покровительствомъ съ другой; литература жила и поощрялась моральной и матеріальной поддержкой Двора и вельможъ-меценатовъ, извѣстныхъ историческихъ услугъ которыхъ литературѣ (вродѣ, напр., отношеній И. И. Шувалова къ Ломоносову) отрицать невозможно: форма оды служила наилучшимъ выраженіемъ такихъ отношеній. Къ тому же, ода была на русской почвѣ явленіемъ не вполне новымъ: въ видѣ стихотворныхъ „панегириковъ“ она унаслѣдована была еще отъ XVII в., когда въ ней упражнялись, силлабическими виршами, представители школьной поэзіи, съ Симеономъ Полоцкимъ во главѣ.

Когда Л. явился въ Петербургъ, будучи уже авторомъ двухъ посланныхъ имъ изъ-заграницы одъ, въ академической средѣ преобладали, въ качествѣ одописцевъ, Штелинь и Тредьяковскій; но первый совершенно былъ лишенъ поэтическаго воодушевленія и, къ тому же, писалъ свои вынужденныя по службѣ оды на нѣмецкомъ языкѣ, а оды второго даже и современникамъ казались слишкомъ слабыми въ литературномъ отношеніи; въ Академіи сколько-нибудь замѣтнымъ одописцемъ въ 40-хъ годахъ, когда началъ свою дѣятельность въ Петербургѣ Л., былъ еще Сумароковъ, но, видя надъ собою преимущество въ этомъ отношеніи Ломоносова, вскорѣ перешелъ къ драмѣ; случайные одописцы изъ провинціи, вроде харьковскаго профессора Витынскаго, написавшаго одновременно съ Л. оду на взятіе Хотина, совершенно не имѣли извѣстности. На первое время Л. выступаетъ то какъ самостоятельный одописецъ, то какъ переводчикъ на русскій языкъ нѣмецкихъ произведеній академика Штелина; къ 12 августа 1741 года, дню рожденія младенца-императора Юанна Антоновича, онъ пишетъ оду, въ которой

„веселящаяся Россія“, лобзая очи, ручки и ножки императора, вспоминая его старыхъ предковъ, убѣждаетъ его вступить „въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ“, а четыре мѣсяца спустя Л-ву пришлось, по поводу дня рожденія (18 декабря 1741) вступившей на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, переводить на русскій языкъ привѣтственное „поздравленіе“ отъ Академіи Наукъ, написанное Штелиномъ: тутъ онъ проситъ уже новую монархиню „избавить російскую кровь“ „отъ злаго скорбныхъ дней начала“, т. е. отъ того, что онъ недавно восхвалялъ по собственному почину. Съ этими любопытными чертами тогдашней литературной жизни приходится считаться, даже и примѣнительно къ Ломоносову, какъ съ историческимъ достояніемъ. Впрочемъ, въ позднѣйшихъ своихъ одахъ Л. могъ чувствовать себя гораздо лучше: въ теченіе двухъ послѣдующихъ десятилѣтій онъ искренно восхвалялъ императрицу Елизавету, написавъ рядъ обращенныхъ къ ней похвальныхъ и торжественныхъ одъ по случаю дней восшествія на престолъ, рожденія или тезоименитства. Самымъ характернымъ изъ этихъ произведеній Л. и получившимъ наибольшую извѣстность является ода „Радостныя и благодарственныя восклицанія музъ російскихъ“, написанная по поводу восшествія на престолъ императрицы, 25-го ноября 1747 года; она посвящена главнымъ образомъ восхваленію Елизаветы за ея покровительство наукамъ и искусствамъ, ближайшимъ поводомъ къ чему послужилъ подписанный ею 24 іюля 1747 года новый „Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ въ Петербургѣ“. Въ послѣднихъ строфахъ этой оды находится извѣстное обращеніе поэта къ будущимъ русскимъ ученымъ:

О вы, которыхъ ожидаетъ
 Отечество отъ нѣдръ своихъ,
 И видѣтъ таковыхъ желаетъ,
 Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
 О, ваши дни благословенны!

Дерзайте нынѣ ободренны
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ
 И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
 Россійская земля рождать —

и затѣмъ слѣдующая, не менѣе извѣстная, характеристика „наукъ“, м. б. отчасти заимствованная изъ Цицерона:

Науки юношей питають,
 Отраду старцамъ подають,
 Въ счастливой жизни украшаютъ,
 Въ несчастной случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
 Науки пользуютъ вездѣ,
 Среди народовъ и въ пустынь,
 Въ градскомъ шуму и наединѣ,
 Въ покоѣ сладки и въ трудѣ¹⁾.

Въ тѣсной по содержанію связи съ этой одой находится и знаменитое „похвальное слово“ Л. въ честь императрицы Елизаветы, написанное потому же поводу изданія „Регламента“, но произнесенное, по разнымъ обстоятельствамъ, лишь 26 ноября 1749 года въ „публичномъ собраніи“ Академіи Наукъ. Похвальные слова XVIII в. — въ сущности тѣ же оды, но изложенныя прозой; авторы ихъ обыкновенно давали полную волю своему воображенію. Л. тутъ также восхищается императрицей, отмѣчая героическій моментъ ея возшествія на престоль, привлекательныя черты ея личности (человѣколюбіе, религіозность), ея великія дѣла (уничтоженіе смертной казни, покровительство наукамъ), при чемъ, въ концѣ „слова“, подобно одѣ 1747 года, Л. влагаетъ въ уста Елизаветы свою любимую мысль о необходимости имѣть въ Академіи Наукъ русскихъ ученыхъ и о распространеніи наукъ въ Россіи: „Обучайтесь прилежно: я видѣть Россій-

1) Соч. I, с. 152.

скую Академію изъ сыновъ російскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи російскаго слова. Въ пространной моей державѣ неогнѣнныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію и ревностно старайтесь заслужить мою милость“¹⁾. Это произведеніе Л. имѣло въ свое время огромный успѣхъ: по свидѣтельству (1749) извѣстнаго Теплова, близкаго къ президенту Академіи графу К. Г. Разумовскому, оно „fut applaudi par la Cour“; акад. Л. Эйлеръ называлъ его (1750) „un chef d'oeuvre dans son genre“, а нѣсколько позднѣе митр. Евгеній видѣлъ въ немъ такой примѣръ „панегирическаго краснорѣчія, съ которымъ тогда нечего было россиянамъ сравнять или, по крайней мѣрѣ, нечего было предпочесть ему“. Для распространенія среди иностранной публики это слово было переведено самимъ авторомъ и напечатано Академіей на латинскомъ языкѣ²⁾.

Послѣ смерти Елизаветы Петровны, Ломоносову пришлось сочинить оду на возшествіе на престоль императора Петра III (1762), прибытіе котораго въ Петербургъ, въ качествѣ голштинскаго герцога, привѣтствовалъ Л. двадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1742) особой одой, а вскорѣ затѣмъ привѣтствовать одой же новую смѣну царствованія въ лицѣ Екатерины II (28 іюня 1762); но эти произведенія уже не отличаются особыми достоинствами: въ нихъ не чувствуется прежняго искренняго увлеченія, и даже нѣтъ особеннаго поэтическаго подъема въ стихахъ, написанныхъ по поводу

1) Соч. IV, с. 269.

2) Тамъ же, IV, прим. с. 300—320.

личнаго посѣщенія императрицей Екатериной, 7 июня 1764 года, Л. въ его домѣ, гдѣ она осматривала мозаическія работы Л. для памятника Петру Великому:

Блаженства новаго и дней златыхъ причина,

Великому Петру во слѣдъ Екатерина

Величествомъ своимъ снисходить до наукъ,

И славы праведной усугубляетъ звукъ.

Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,

Богиня, коль твоя велика добродѣтель!¹⁾

Несомнѣнно, что порывистому характеру литературнаго таланта Л. всего болѣе соотвѣтствовала форма торжественной оды, и въ ней онъ чувствовалъ себя, какъ стихотворецъ, всего свободнѣе. Но, согласно тогдашнимъ понятіямъ о поэтѣ, взгляду на свое собственное общественно-литературное призваніе и, наконецъ, чисто внѣшнимъ обстоятельствомъ, Л. выступалъ и въ другихъ видахъ поэзіи.

Ближе всего къ торжественнымъ одамъ стоятъ духовныя оды Л.; имъ посвящаль свои силы Л. въ 1743—50 годахъ. Это именно, съ одной стороны, „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“, а съ другой — переложенія псалмовъ и „Ода, выбранная изъ Іова“. Первыя два произведенія²⁾ являются одушевленнымъ поэтическимъ выраженіемъ любимой мысли Л. о томъ, что величіе Бога всего яснѣе открывается изъ наблюденія и изученія явленій видимаго міра; въ частности, „Вечернее размышленіе“, написанное авторомъ въ 1743 году, но впервые напечатанное въ его „Риторикѣ“ (1748), касается сѣвернаго сіянія и, по свидѣтельству самого Л., содержитъ его „давнѣйшее [т. е. сравнительно съ высказаннымъ Франклиномъ] мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ еѳира произведено быть можетъ“. Оба стихотворенія отличаются сравнительной краткостью, и особенно первое, изо-

1) Соч. II, с. 269.

2) Соч. I, с. 109—111. 111—112.

билующее образами, почерпнутыми изъ личныхъ наблюденій автора надъ столь величественнымъ явленіемъ сѣверной природы, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ ломоносовскаго пера, хотя одинъ изъ позднѣйшихъ цѣнителей, П. Калайдовичъ (1819), отдавалъ предпочтеніе „Утреннему размышленію“ по взятому въ немъ „высокому предмету, богатству воображенія, силѣ чувства, строгому соблюденію единства и восторга“. Переложенія псалмовъ, съ содержаніемъ уже не самостоятельнымъ, а заимствованнымъ, являются тоже въ сущности духовными одами съ характеромъ возвышеннаго лиризма на тему о величіи Божьяго міра и сравнительномъ ничтожествѣ человѣка. Поэтической обработкѣ подверглись со стороны Л. псалмы 1, 14, 26, 34, 70, 116, 143 и 145. Въ историко-литературномъ отношеніи особенный интересъ представляетъ переложеніе 143 псалма¹⁾, по той обстановкѣ, въ которой появилось въ печати это литературное произведеніе. Именно, Сумароковъ, подражавшій въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Тредьяковскому (стороннику хорея), но потомъ увлеченный литературными успѣхами Ломоносова, сталъ предпочитать хорею ямбъ; тогда Тредьяковскій, оставаясь при своей точкѣ зрѣнія на вопросъ, которому въ ту пору придавалась большая важность, предложилъ двумъ своимъ соперникамъ выступить, совмѣстно съ нимъ, на судъ русскихъ читателей: выбранъ былъ 143 псаломъ и переложень стихами (Тредьяковскимъ — хореємъ, а Ломоносовымъ и Сумароковымъ — ямбами), и всѣ три переложенія изданы были на общій счетъ этихъ авторовъ, при ближайшемъ участіи Тредьяковскаго, написавшаго любопытное предисловіе, подъ заглавіемъ „Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцовъ, изъ которыхъ каждый одну сложилъ особливо“ (Спб. 1744). Что

1) Соч. I, с. 106—108.

2) Это рѣдчайшее изданіе перепечатано А. Куникомъ: Сборникъ матеріаловъ, II, с. 419—434.

это предпріятіе дѣйствительно занимало вниманіе извѣстной части русскаго общества, видно изъ того, что печатаніе упомянутаго изданія производилось по „письменному извѣстію“ князя Ник. Юр. Трубецкаго, того самаго, которому Кантемиръ посвятилъ свою VII сатиру.

Ломоносовъ далъ образцы своего пера также въ области эпоса и драмы. Въ 1750 году имъ написана, и тогда же отдѣльно напечатана, трагедія „Тамира и Селимъ“¹⁾, содержаніе которой взято отчасти изъ исторіи Россіи: здѣсь именно изображается гибель татарскаго царя Мамаю, который, послѣ побѣды надъ нимъ вел. кн. Дмитрія Ивановича, убѣгаетъ въ Крымъ, въ городъ Кафу; съ этимъ сплетается судьба крымской царевны Тамиры, отецъ которой, Муметь, обѣщаль ея въ супружество Мамаю, но она полюбила Багдадскаго царевича Селима, ведущаго борьбу съ Муметомъ; послѣ цѣлаго ряда военныхъ и любовныхъ перипетій, Мамай гибнетъ отъ руки своихъ же людей, а Селима и Тамиръ соединяются брачными узами. Появленіе этой трагедіи — сюжетъ которой взятъ былъ, повидимому, изъ Синописа — было вызвано желаніемъ императрицы Елизаветы увеличить чрезвычайно скудный тогда репертуаръ русской сцены, располагавшей лишь двумя-тремя опытами Сумарокова: написаніе трагедіи, однако безъ указанія сюжета, было прямо заказано Ломоносову черезъ президента Академіи Наукъ. Вторая трагедія Ломоносова „Демофонтъ“²⁾ была написана въ 1751 и напечатана 1752 году. Содержаніе ея заимствовано изъ древне-греческой жизни: тутъ представлена исторія сына Аеинскаго царя Тезея, Демофонта, который, возвращаясь изъ Трои, былъ занесенъ къ Эракійскимъ берегамъ и принять дочерью царя Ликурга, царевной Филлидой; соединенные узами любви, они оба потомъ гибнутъ трагической смертью. Обѣ трагедіи не обнаруживаютъ въ Л. ни глубо-

1) Соч. I, с. 221—291.

2) Соч. II, с. 3—77.

каго изученія исторіи, ни особенно выдающагося драматическаго таланта, но въ нихъ виденъ по мѣстамъ высокій подъемъ чувства автора и всѣ присущія ему особенности стила и языка; онѣ интересны также какъ свидѣтельство поклоненія Л. французской новоклассической манерѣ, въ духѣ которой онѣ написаны, нося на себѣ, по мнѣнію спеціального изслѣдователя, слѣды вліянія Корнеля и Расина, а также подражавшихъ имъ Готшеда и Сумарокова ¹⁾. Кромѣ того, эти произведенія цѣнны и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ, въ которыхъ выражены любимыя мысли Л. (напр. „Демоф.“ с. 451—455: о несправедливомъ предпочтеніи иностранцевъ русскимъ, „Там. и Сел.“ с. 1212—1219: о предпочтеніи славной, хотя и краткой, жизни человѣка передъ долгой, но бесполезной и безвѣстной) или черты автобіографическія („Там. и Сел.“ с. 371—381: преодоленіе жизненныхъ соблазновъ силою ума и воли). Въ послѣдующей жизни русской сцены трагедіи Ломоносова не занимаютъ виднаго мѣста; на причину этого мы встрѣчаемъ указаніе уже въ „Драматическомъ Словарѣ“ (1787), гдѣ о „Демофонтѣ“ отмѣчено, что пьеса эта, „писанная громкими стихами, наполненными важностью“, не была представляема на театрахъ „не иначе, какъ за трудностію для актеровъ“, а еще ранѣе, въ „Извѣстіи о русскихъ писателяхъ“ (1768: см. П. Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы, 1867, с. 147), въ обѣихъ трагедіяхъ отмѣченъ недостатокъ драматическаго дарованія автора, но въ тоже время литературныя достоинства этихъ произведеній нашли себѣ оцѣнку въ томъ, что когда въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка Россійской Академіей предпринято было изданіе сборника драматическихъ сочиненій „Россійскій Театръ“, то оно именно началось двумя трагедіями Ломоносова (Ч. I. 1786).

Въ эпосѣ Л. заявилъ себя неоконченной „геройской

1) В. Рѣзановъ. Трагедіи Ломоносова. Ломоносовскій Сборникъ, с. 265.

поэмою“ „Петръ Великій“; написаны были только двѣ первыя „пѣсни“, надъ которыми Л. работалъ въ 1756—1761 годахъ; онѣ напечатаны были въ 1760—61 годахъ, съ посвященіемъ И. И. Шувалову¹⁾. Въ этихъ двухъ пѣсняхъ разсказывается о томъ, какъ Петръ Великій предпринялъ, съ гвардіей, походъ къ Архангельску для подкрѣпленія ему противъ приближавшихся по морю шведскихъ кораблей; пѣшее войско послано было еще ранѣе, для взятія приступомъ крѣпости Шлиссельбурга. Шведскій флотъ удаляется. Царь посѣщаетъ затѣмъ Соловецкій монастырь и бесѣдуетъ съ настоятелемъ о расколѣ; потомъ онъ идетъ къ Шлиссельбургу, осматривая по дорогѣ горы съ признаками руды и цѣлебными водами и думая о соединеніи каналами Волхова съ Невою; вторая пѣснь оканчивается описаніемъ осады и взятія Шлиссельбурга. Т. о., въ двухъ пѣсняхъ „Петра Великаго“ описанъ лишь одинъ эпизодъ великой борьбы преобразователя за сѣверные предѣлы Россіи со шведами въ начальные годы XVIII вѣка. Въ своемъ посвященіи поэмы Шувалову, Л. намѣревается „пѣть“ цѣликомъ „великій трудъ Петра“, т. е. исторію всей его жизни, и выражаетъ увѣренность, что „начатой трудъ будетъ прилѣжно совершенъ“, но этому послѣднему намѣренію не суждено было осуществиться; причину неокончанія поэмы И. И. Шуваловъ, отвѣчая на вопросъ объ этомъ проф. Тимковскаго, объяснялъ чрезмѣрной занятостью Ломоносова другими дѣлами и слишкомъ большою исторической близостью сюжета къ жизни самого автора. Принимаясь за такой огромный трудъ, Л. „шелъ во слѣдъ“, какъ онъ самъ говоритъ, Virgiliю и Гомеру; если указаніе на послѣдняго является болѣе или менѣе общимъ мѣстомъ, то со вторымъ въ его поэмѣ имѣются конкретныя черты сходства: подобно Энею, Петръ претерпѣваетъ бурю на Бѣломъ морѣ; подобно ему же, разсказывавшему Дидонѣ о разореніи Трои,

1) Соч. II, с. 181—220.

царь рассказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ. Кромѣ того, было и въ области но- вѣйшаго героическаго эпоса произведеіе, которое могъ имѣть въ виду Ломоносовъ: это — „Генріада“ Вольтера; тамъ Генрихъ Великій тоже пристаеъ къ острову, на которомъ узнаеъ отъ таинственнаго старца свою судьбу; затѣмъ, прибывши въ Англію, рассказываетъ королевѣ Елизаветѣ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Францію, и объ ужасахъ Варооломеевской ночи. Поэма начинается традиціоннымъ „пою“. Однако въ ней есть не только множество историческихъ чертъ, свидѣтельствующихъ о литературной самостоятельности Л. и глубокомъ его увлеченіи избраннымъ сюжетомъ, но и нѣкоторые цѣнные, чисто автобіографическіе, элементы: напр., то мѣсто (ст. 47—68), гдѣ онъ съ восторгомъ описываетъ радость сѣверныхъ жителей на берегахъ Двины видѣть своими глазами идущаго въ походъ Петра Великаго:

О холмы красные и острова зелены,
 Какъ радовались вы, симъ счастьемъ восхищенны!
 Что поздно я на васъ, что поздно я рождень,
 И тѣмъ толикаго веселія лишень?
 Не зрѣхъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами
 И шествовалъ по вамъ предъ новыми полками;
 Какъ новы крѣпости и новы корабли,
 Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли,
 Смотрѣлъ и утверждалъ, противу ихъ набѣгу,
 Грозящему бѣдой Архангельскому берегу¹⁾.

Въ посвященіи поэмы Л. выражалъ свою гордость тѣмъ, что первый пѣлъ дѣла такого человѣка, каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

Въ этомъ поклоненіи Л. Петру Великому сказывается тоже живая черта его духовной личности: историческую фигуру великаго преобразователя онъ ставилъ въ центрѣ своего политическаго міровоззрѣнія и патріотическаго на-

1) Соч. II, с. 186.

строения; его дѣятельность онъ всегда рекомендовалъ императрицѣ Елизаветѣ, его завѣты онъ старался въ особенности блюсти въ Академіи, и болѣе подробно выраженію своего взгляда на заслуги Петра Великаго онъ посвятилъ особое „похвальное слово“ (1755). Поэма Ломоносова получила въ свое время, у современниковъ и ближайшаго потомства, высокую оцѣнку, „одобреніе знатоковъ и удивленіе многихъ россиянь“ (по словамъ акад. Штелина), но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила и зависть его литературныхъ соперниковъ: Сумароковъ написалъ эпиграмму, въ видѣ эпитафіи автору поэмы „Петръ Великій“, на которую отвѣтилъ, въ защиту Ломоносова, особой пародіей Державинъ¹⁾.

Въ области дидактической поэзіи, столь популярной у писателей XVIII вѣка, Л. является авторомъ замѣчательнаго „Письма о пользѣ стекла“ (1752). Произведеніе это посвящено также И. И. Шувалову, къ которому въ концѣ поэмы, упомянувъ объ императрицѣ Елизаветѣ, принесшей Россіи „златыя времена“ и „кроткіе законы“, обращается авторъ съ такими словами:

А ты, мой Меценатъ, присутствуя предъ Нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны²⁾.

Въ этомъ произведеніи Л. старается доказать великую пользу стекла: изъ него дѣлаютъ посуду для самаго разнообразнаго назначенія; оно употребляется для мозаики, защищаетъ въ оконныхъ рамахъ отъ мороза и вѣтра; изъ него дѣлаются предметы наряда, напр. бисеръ и бусы, астрономическіе инструменты, очки, электрическіе приборы, микроскопы. Но этого мало: въ прозрачности стекла авторъ на-

1) Соч. II, прим. с. 309, 311—312.

2) Соч. II, с. 103.

ходить поводъ сравнить его съ душой и вообще нравственной стороною человѣка:

И видимъ въ немъ примѣръ безхитростныхъ сердець:
Кого лъзя видѣть сквозь, тотъ подлинно не лъстець¹⁾.

Говоря о пользѣ стекла для изслѣдованія природы, Л. пользуется случаемъ высказать свою любимую мысль о томъ, что изученіе природы не только не можетъ поколебать религиозныхъ вѣрованій, но еще полнѣе открываетъ человѣку величіе Божіе:

Коль созданныхъ вещей пространно естество!

О коль велико ихъ создавше Божество!

О коль велика къ намъ щедроть его пучина,

Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!

Не погнушался онъ на малой шаръ сотти,

Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.

Чѣмъ меньше мы его щедроть достойны зримся,

Тѣмъ больше благности и милости чудимся.

Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,

Прогнавъ глубокую невѣденія тьму²⁾.

Есть преданіе, будто поводомъ къ написанію „Письма о пользѣ стекла“ послужило одно изъ посѣщеній Ломоносовымъ И. И. Шувалова, когда одинъ изъ присутствовавшихъ гостей, увидя на кафтанѣ у Л. стеклянныя пуговицы, замѣтилъ, что нынѣ ихъ уже не носятъ; въ отвѣтъ на это, Л. сталъ исчислять пользу стекла, и приведенные доводы показались хозяину столь любопытными, что онъ просилъ Л. изложить ихъ въ стихахъ. Вѣроятнѣе однако же другое объясненіе: какъ разъ въ это время Л. ходатайствовалъ о заведеніи фабрики для выдѣлки стекла, съ субсидіей отъ казны, и хотѣлъ убѣдить вліятельнаго Шувалова въ полезности такого предпріятія: дѣйствительно, въ декабрѣ 1752 года

1) Соч. II, с. 92.

2) Соч. II, с. 100.

состоялось постановленіе Сената, удовлетворявшее желаніе Ломоносова ¹⁾.

Разнаго рода обстоятельство и побужденія заставляли Л. выступать и въ болѣе мелкихъ видахъ поэзіи и стихотворнаго искусства. Его перу принадлежитъ большое количество „надписей“, изготовленныхъ имъ, по обязанности академической службы, на разныя придворныя торжества или по такимъ поводамъ, напр., какъ на спускъ кораблей „Александра Невскаго“ (1749) и „Іоанна Златоустаго“ (1751), къ ракъ Св. Димитрія Ростовскаго, „На новое строеніе Царскаго Села“ (1757), „На изобрѣтеніе роговой музыки“ (1753) или „На изобрѣтеніе гр. Шуваловымъ новыхъ артиллерійскихъ орудій“ (1760). Всѣ эти и подобныя имъ произведенія, вродѣ, напр., идилліи „Полидоръ“, съ прославленіемъ графа К. Г. Разумовскаго (1750), на которыя тратились силы и время Л., являются лишь цѣнными чертами для его біографіи и для характеристики тогдашнихъ условій русской литературной жизни, но они ничего почти не прибавляютъ къ уясненію особенностей Л. какъ писателя. Большую цѣну имѣютъ тѣ продукты легкаго стихотворства Л., въ которыхъ онъ выступаетъ, по разнымъ поводамъ, какъ сатирикъ и эпиграмматистъ ²⁾. Изъ нихъ особенно интереснымъ представляется „Гимнъ бородѣ“, написанный Л. въ началѣ 1757 года и вызвавшій въ свое время рядъ шутливо-сатирическихъ стихотвореній другихъ авторовъ изъ современниковъ Ломоносова.

„Гимнъ бородѣ“ долгое время не могъ быть напечатанъ, находя распространеніе въ многочисленныхъ рукописныхъ копіяхъ, и увидѣлъ свѣтъ лишь почти черезъ сто лѣтъ

1) Соч. II, прим. с. 37—42; П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ, II, с. 499.

2) Этотъ отдѣлъ стихотвореній Л. подробно разсмотрѣнъ въ моей статьѣ: Эпиграмматическія, сатирическія и шуточныя стихотворенія М. В. Ломоносова. Сборникъ Учено-Литер. Общества при Юрьевскомъ Университетѣ. Т. I. 1898.

послѣ смерти автора¹⁾. Стихотвореніе начинается такимъ вступленіемъ:

Не роскошной я Венерѣ,
 Не уродливой Химерѣ
 Въ имнахъ жертву воздаю:
 Я похвальну пѣснь пою
 Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ,
 По груди распространеннымъ,
 Что подъ старость нашихъ лѣтъ
 Уважають нашъ совѣтъ.

Желая осмѣять, подъ видомъ бороды, раскольниковъ, а съ ними и вообще сторонниковъ старыхъ мнѣній и закоренѣлыхъ предрасудковъ, авторъ въ дальнѣйшихъ строфахъ своей сатиры такъ характеризуетъ носителей этого тѣлеснаго украшенія:

Есть ли кто не взраченъ тѣломъ
 Или въ разумѣ неарѣломъ;
 Есть ли въ скудости рожденъ,
 Либо чиномъ не почтенъ, —
 Будеть взраченъ и разсуденъ,
 Знатенъ чиномъ и нескуденъ
 Для великой бороды:
 Таковы ея плоды!

О прикраса золотая,
 О прикраса дорогая,
 Мать дородства и умовъ,
 Мать достатковъ и чиновъ,
 Корень дѣйствій невозможныхъ,
 О завѣса мнѣній ложныхъ!
 Чѣмъ могу тебя почитать,
 Чѣмъ заслуги заплатить?

Необходимо признать, что въ другихъ строфахъ „Гимнъ бородѣ“ изобилуетъ выраженіями грубыми, свойственными

1) „Библиографическія Записки“ А. Аѳанасьева 1859, с. 461—463; въ болѣе тщательномъ и полномъ видѣ въ изд. Соч. Ломоносова, подъ ред. М. И. Сухомлинова: II, с. 137—140.

духу времени, но не ими, конечно, нужно объяснять поднявшееся против этого стихотворения негодование. Мы не знаем точно повода, вызвавшего написание „Гимна бородѣ“, но весьма естественно, что, являясь злой сатирой на враговъ просвѣщенія и невѣжественное старовѣрство, онъ не понравился многимъ; возникло даже подозрѣніе, что авторъ сдѣлавшагося весьма скоро популярнымъ, хотя и не напечатаннаго, стихотворенія имѣлъ въ виду оскорбить Церковь, похулить ученія св. Отцовъ и выразить неуваженіе къ православному духовенству. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ въ мартѣ 1757 года отъ Синода императрицѣ докладъ, гдѣ верховная власть призывалась „таковыя соблазнительныя и ругательныя пасквили истребить и публично сжечь“, а самого „означеннаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ Синодъ отослать“. Но докладъ этотъ, рассчитанный на нанесеніе Ломоносову серьезнаго удара, не повлекъ никакихъ непріятныхъ для него послѣдствій; за то въ современной литературѣ онъ оставилъ послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ; въ полемикѣ по этому поводу приняли участіе не только оба виднѣйшіе литературные соперника Л., Сумароковъ и Тредьяковскій, но, повидимому, и нѣкоторые менѣе извѣстные писатели, вродѣ Баркова.

Тредьяковскій — согласно мнѣнію, высказанному А. Н. Аѳанасьевымъ, П. Пекарскимъ и М. И. Сухомлиновымъ¹⁾ — выступилъ, подъ псевдонимомъ Христофора Зубницкаго, съ двумя письмами къ Ломоносову, изъ которыхъ одно помѣчено было: „Изъ Колмогоръ. Юля 15 дня 1757 года“. Въ нихъ авторъ, удостовѣривъ, что „Гимнъ бородѣ“ „обще отъ всѣхъ читается“, усматриваетъ цѣль его въ томъ, чтобы „заводить раздоры и поспѣшествовать несогласіямъ, а особливо

1) Въ недавнее время противъ этого мнѣнія выступилъ В. Н. Петръ, считая возможнымъ приписать оба письма извѣстному архіепископу Сильвестру Кулябкѣ, а „Переодѣтую бороду“ кому-либо изъ его секретарей (Къ біографіи Ломоносова. Ломоносовскій Сборникъ, с. 85—103).

чтобъ изъяснить хульные свои мысли и богопротивное непочтеніе къ святости закона“: поэтому, почитая, что „такое безпутное сочиненіе отъ добраго человѣка, кольми паче отъ христіанина, произойти не можетъ“, предлагалъ, чтобы „въ примѣръ другихъ удостоить сего ругателя публичнымъ наказаніемъ“. вмѣстѣ съ этимъ, Тредьяковскій пишетъ сатирическое стихотвореніе „Переодѣтая борода, или имнь пьяной головѣ“, всецѣло направленное противъ личности Ломоносова, котораго онъ осмѣиваетъ за „подлое“ происхожденіе, уличаетъ въ „безмѣрномъ пьянствѣ, бѣшенствѣ, обманѣ и чванствѣ“ и, въ концѣ, совѣтуетъ эту „пустую голову“ сжечь въ „струбѣ“. Эта грубая выходка вызвала отвѣтное стихотвореніе, начинающееся словами:

Пронесся слухъ, хотятъ кого то сжечь,

Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь,

приписываемое то самому Л., то Сумарокову, то Баркову, и затѣмъ оригинально и живо написанную „Оду Тресотину“ (т. е. противъ Тредьяковскаго) неизвѣстнаго автора:

Что за дымъ

По глухимъ

Деревнямъ курится?

Тамъ расколь —

Дно крамоль

Въ грубости крутится . . . и т. д. 2).

Ломоносовъ также чувствовалъ въ себѣ призваніе и къ роли публициста. По одному поводу, защищаясь отъ нападковъ на свою ученую дѣятельность со стороны заграничной критики, Л. выступилъ (1754) съ французской статьёй, напечатанной въ амстердамскомъ журналѣ *Nouvelle Bibliothèque Germanique* (Т. XVI. 1755), гдѣ не только высказался по существу о трактуемомъ вопросѣ (изъ области химіи), но нашелъ нужнымъ затронуть и общій вопросъ объ обя-

2) Библиографическія Записки 1859, №№ 15. 17; Соч. Ломоносова, II, прим. с. 168—182.

занности журналиста („Sur les devoirs des journalistes“), входящаго въ критику чужихъ сочиненій. Отмѣтивъ, что въ его время „журналистъ свѣдущій, проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отстаивая новую „свободу разсужденія“ (научнаго), Л. устанавливаетъ семь пунктовъ, которымъ долженъ удовлетворять человѣкъ, берущій на себя роль журналиста: между прочимъ, тутъ ставятся въ вину журналисту „небрежность, невѣжество, поспѣшность, духъ партій и недобросовѣстность“, и, съ другой стороны, онъ „никогда не долженъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ, своемъ авторитетѣ и о достоинствѣ своихъ сужденій“¹⁾.

Памятникомъ публицистическихъ дарованій Л. является его разсужденіе „О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“, замѣчательный продуктъ ломоносовскаго генія и, по справедливому сужденію Пекарскаго²⁾, „одно изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка“.

Это разсужденіе Л. представлено было имъ, въ формѣ письма, И. И. Шувалову и помѣчено 1 ноября (день рожденія Ш.) 1761 года. Въ началѣ письма Л. сообщаетъ цѣлую программу своихъ работъ по изложенію „мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы“. Вотъ эта программа:

1. О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.
2. О истребленіи праздности.
3. О исправленіи нравовъ и о большомъ народѣ просвѣщеніи.
4. О исправленіи земледѣлія.
5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.
6. О лучшихъ пользахъ купечества.
7. О лучшей государственной экономіи.

1) А. Куникъ. Сборникъ матеріаловъ, II, с. 515—519.

2) Назв. соч. II, с. 756.

8. О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира¹⁾.

Программа эта, подобно обширной программѣ филологическихъ изслѣдованій, не была выполнена Ломоносовымъ въ цѣломъ видѣ²⁾, и, повидимому, написано было лишь одно Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа; написано оно, вѣроятно, въ 1761 году, съ цѣлю побудить И. И. Шувалова къ „подлинному исполненію“ выраженныхъ въ немъ мыслей, но основныя положенія этого произведенія были болѣе раннимъ продуктомъ генія Ломоносова, такъ какъ приведенную программу извлекъ онъ, по его собственнымъ словамъ, изъ „старыхъ записокъ“ своихъ мыслей. Вопросъ о размноженіи и сохраненіи народа считаетъ онъ „самымъ главнымъ дѣломъ“ для Россіи, разрѣшеніе котораго прежде всего можетъ обезпечить ея „величество, могущество и богатство“.

Изложеніе Л. состоитъ изъ перечня мѣръ, осуществле-

1) Въ нѣсколько иномъ видѣ эта программа была сообщена впервые Б. М. Ѳедоровымъ, въ снимкѣ съ собственноручной записки Л., какъ отмѣчено о томъ въ журналѣ Россійской Академіи 16 мая 1836 года. По свидѣтельству акад. Билярскаго, напечатавшаго соответственную выписку изъ журналовъ Россійской Академіи въ своихъ „Матеріалахъ“ (с. 546), этотъ снимокъ „не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію въ подлинности почерка Ломоносова“, но подлинникъ письма Л. къ И. И. Шувалову, заключающаго въ себѣ самое разсужденіе „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“, до сихъ поръ не найденъ. Списковъ же его имѣется нѣсколько, и по одному изъ нихъ это письмо въ первый разъ было напечатано В. Олинымъ въ „Журналѣ древней и новой словесности“ въ 1819 году (Ч. V, № 6), съ пропусками нѣкоторыхъ мѣстъ; затѣмъ, въ 1842 году, по другому списку, было напечатано М. П. Погодинымъ въ „Москвитяинѣ“ (№ 1), тоже не цѣликомъ, и отсюда перешло въ Смирдинское изданіе Сочиненій Л-ва (I. 631—654); пропуски этихъ двухъ послѣднихъ изданій были отчасти восполнены въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1858 (№ 11, с. 345—348); въ полномъ видѣ сочиненіе Л-ва было напечатано лишь Н. С. Тихонравовымъ въ 1871 году, въ „Бесѣдахъ Общества Любителей Россійской Словесности“ (В. 3, с. 72—86), и, затѣмъ, по другому списку, доставленному акад. Пекарскимъ, редакціей „Русской Старины“ въ 1873 году (Т. VIII, с. 565—580). Наши цитаты сдѣланы по этому послѣднему изданію.

2) Пекарскій, назв. соч., II, с. 753.

ніе которыхъ способно, по мнѣнію Л., поддержать размноженіе и сохраненіе русскаго населенія. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ, какъ важное препятствіе къ достиженію этихъ цѣлей, неравенство браковъ въ отношеніи возраста жениха и невѣсты, а также браки противъ воли самихъ брачующихся. „По моему мнѣнію — говоритъ онъ — невѣста жениха не должна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть 15-ю лѣтами: сіе для того, что женщины скорѣе старятся, нежели мужчины, а особливо отъ частой беременности. . . Должно вѣнчающимъ священникамъ нарѣдко подтвердить, чтобы они, услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго не допускали и не вѣнчали подѣ опасеніемъ лишенія чина; жениха бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде“ (с. 567). Л. возстаетъ противъ церковнаго запрещенія четвертаго брака, оспаривая его каноническую авторитетность: „мнѣ кажется было бы законамъ не противно, если бы для размноженія народа и для избѣжанія непопозволенныхъ плотскихъ смѣшеній, а отъ того и несчастныхъ приключеній, четвертой, а по нуждѣ и пятый бракъ былъ позволенъ, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ“ (568). Наконецъ, важнымъ препятствіемъ къ размноженію населенія авторъ считаетъ принудительное постриженіе вдовыхъ молодыхъ священниковъ и дьяконовъ въ чернцы: „Смѣшная неосторожность! Не позволяется священнодѣйствовать, женись вторымъ бракомъ законно, честно и благословенно, а въ черничествѣ блуднику, прелюбодѣю или еще и мужеложцу Литургію служить и всякія Тайны содержать дается воля“; поэтому, авторъ полагаетъ, что, „молодымъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ надобно позволить второй бракъ и не постригать прежде лѣтъ пятидесяти, или, снявъ чинъ священства, позволить быть мірскими чинами“. Вообще Л. предостерегаетъ противъ разрѣшенія ранняго поступленія въ монашество, поставивъ самымъ ран-

нимъ срокомъ для этого мужчинамъ 50-лѣтній, а женщинамъ 45-лѣтній возрастъ: „взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочіе поступки вездѣ показываютъ, что монашество въ молодости ничто иное есть, какъ чернымъ платьемъ прикрытое блудодѣяніе и содомство, наносящее знатной ущербъ размноженію человѣческаго рода“ (568—569).

Переходя затѣмъ къ вопросу о сохраненіи уже существующаго населенія, Л. на первомъ мѣстѣ ставитъ учрежденіе „богодѣленныхъ домовъ“ для воспитанія въ нихъ дѣтей, рожденных внѣ брака; далѣе, онъ требуетъ заведенія повсемѣстно искусныхъ повивальныхъ бабокъ для раціональной помощи при рожденіи, а для уменьшенія случаевъ дѣтскихъ болѣзней въ самомъ раннемъ возрастѣ настаиваетъ на необходимости распространенія среди народа свѣдѣній о медицинѣ и гигиенѣ, путемъ написанія и распространенія общедоступныхъ книжекъ, образованія знающихъ врачей и учрежденія достаточнаго количества аптекъ; немало дѣтей гибнутъ также „отъ суевѣрія и грубаго упрямства“, къ области которыхъ Л. относитъ и обычай священниковъ крестить младенцевъ „въ водѣ самой холодной“, какъ будто бы свободной отъ всякой примѣси, въ томъ числѣ и теплоты; Л. объясняетъ, что и самая холодная вода все-таки имѣетъ извѣстную долю теплоты: „однако невѣждамъ попамъ физику толковать нѣтъ нужды; довольно принудить властію, чтобы всегда крестили водой лѣтней въ разсужденіи теплоты равною“ (571). Много народу погибаетъ и въ зрѣломъ возрастѣ отъ неумѣренности въ пищѣ и питъѣ, особенно въ дни масленицы и Пасхи. Тутъ Л. рисуетъ яркую картину народнаго быта своей эпохи: „Легко разсудить можно, что, готовясь къ воздержанію Великаго Поста, по всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Разговѣнье тому жъ подобно. Да и дивиться не для

чего. Кромѣ невоздержанія въ заговѣнные дни питаніемъ и пищею, стараются многіе на весь В. Постъ удовольствоваться плотскимъ смѣшеніемъ законно и незаконно, и такъ себя до чистаго понедѣльника изнуряютъ, что здоровья своего никоею мѣрою починить не могутъ, употребляя грубыя постныя пищи, которыя и здоровому желудку тягостны. Сверхъ того, вскорѣ слѣдуетъ начало весны, когда всѣ скверности, накопленныя отъ человѣковъ и отъ другихъ животныхъ, бывшія во всю зиму заключенными отъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водою и намъ съ мокротными и цинготными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ нервы и во все строеніе жизненныхъ членовъ человѣческаго тѣла вливаются, рождаютъ болѣзни въ здоровыхъ, умножаютъ оныя въ больныхъ и смерть ускоряютъ въ тѣхъ, кои бы еще могли пожить долѣе. Послѣ того, приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе — всеобщая христіанская радость; тогда хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяются страсти Господни, однако мысли наши уже на Св. недѣли. Иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи; иной думаетъ, поспѣетъ ли ему къ празднику платьѣ; иной представляетъ, какъ будетъ веселиться съ родственниками и друзьями; иной ожидаетъ, придутъ ли запасы изъ деревни; иной готовитъ живописныя янца и несомнѣнно чаетъ случая поцѣловаться съ красавицами или помилѣ свидаться. Наконецъ, заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. Христось воскрес! только въ ухахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены? Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри, — рвутъ, ломаютъ, валяютъ, опровергаютъ, терзаютъ: тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитыя напитки, тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ,

тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники!“ (572). „Ежели кто — продолжаетъ да-
лѣе Л. — на масленицѣ приготавливаются къ посту житіемъ
умѣреннымъ, въ постъ не изнуряетъ себя излишно и го-
вѣетъ больше духомъ, нежели брюхомъ, на Св. недѣлѣ
радуется о препровожденіи В. поста въ истинныхъ добродѣ-
теляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ,
а не въ томъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся, тотъ ко-
нечно меньше почувствуетъ припадковъ отъ нездороваго вре-
мени, а особливо, когда трудами кровь приводитъ въ дви-
женіе и, словомъ, содержитъ себя то постными, то скором-
ными пищамя, однако равно умѣренными, безъ крутыхъ
скачковъ и пригорковъ“ (573). Въ полной мѣрѣ взвѣсивая
тѣ препятствія, которыя мѣшали устраненію подобныхъ явле-
ній, Л. не останавливался даже передъ мыслию о переносѣ
времени масленицы на май мѣсяцъ, а великаго поста — на
конецъ весны и начало лѣта, съ тѣмъ чтобы увеличить для
простого люда свѣжіе пищевые ресурсы и ослабить вредное
вліяніе излишествъ въ пицѣ тѣлесными движеніями „въ
крестьянахъ пахатною работою, въ купечествѣ дальнею ѣздою
по землѣ и по морю, военнымъ — экзерциціею и походами“.
Предвидя ссылку противниковъ предлагаемаго порядка на
непоколебимость церковныхъ установленій, Л. влагаетъ въ
уста Святыхъ Отцовъ такія слова: „Располагая посты и
праздники, жили мы въ Греціи и въ землѣ обѣтованной;
святую четырехдесятницу тогда содержать установили, когда
у насъ полнымъ сіяніемъ вешняго солнца земное богатое
нѣдро отверзается, произращаетъ здоровыми соками напол-
ненную молодую зелень и воздухъ возобновляетъ аромат-
ными духами. Поспѣваютъ ранніе плоды въ пищу, въ про-
хлажденіе и въ лѣкарство купно служащіе. Пѣнію нашему
для славословія Божія соотвѣтствовали журчащіе ручьи,
шумящіе листы и воспѣвающія сладкогласныя птицы; а про
ваши полуночныя страны мы разсуждали, что не токмо тамъ

нѣтъ и не будетъ христіанскаго закона, но ниже единаго словеснаго обитателя, ради великой стужи. Не жалуйтесь на насъ! Какъ бы мы вамъ предписали ѣсть финики и смоквы и пить добраго винограднаго вина по красоулѣ, чего у васъ не родится? Расположите, какъ разумные люди, по вашему климату; употребите на постъ другое, способнѣйшее время, или въ дурное время пользуйтесь умѣренно здоровыми пищами. Есть у васъ духовенство, равную намъ власть отъ Христа имѣющее вязати и рѣшати. Для толь важнаго дѣла можно въ Россіи Вселенской соборъ составить: сохраненіе жизни толь великаго множества народа того требуетъ“ (574—575). Слегка касаясь вопроса о гибели людей отъ обыкновенныхъ болѣзней и отъ стихійныхъ бѣдствій, вродѣ пожаровъ, наводненій, морозовъ, Л. видитъ единственное спасеніе отъ этого въ распространеніи просвѣщенія, организаціи медицинской помощи населенію, раціональномъ устройствѣ жилищъ и т. п., обѣщаясь болѣе подробно говорить объ этомъ въ другихъ сочиненіяхъ, намѣченныхъ выше приведенной программой, что однако же не было имъ исполнено. Къ числу способовъ сохраненія населенія въ предѣлахъ государства Л. относитъ упорядоченіе городской жизни, охрану мирнаго населенія отъ разбойниковъ, строгія мѣры противъ послѣднихъ, мѣры противъ побѣговъ русскихъ подданныхъ за границу, особенно въ Польшу: тутъ онъ совѣтуетъ „поступить съ кротостію“, п. ч. „побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ“, а также „для расколу“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видитъ возможность увеличенія числа русскихъ гражданъ „пріемомъ иностранныхъ“ въ русское подданство, „ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры“, однако же отказывается говорить объ этихъ мѣрахъ подробно, „не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами“.

Таковы въ общихъ чертахъ, преобразовательныя поже-

ланія Ломоносова касательно устройства русской жизни, взятыя съ точки зрѣнія одного лишь, однако весьма обширнаго и важнаго, вопроса. Глубокое воодушевленіе, съ которымъ написано это сочиненіе, увлекательная сила и смѣлость мысли, новизна многихъ идей для того времени и образность изложенія даютъ ему, не смотря на спеціальныя характеры затронутыхъ въ немъ вопросовъ, высокую литературную цѣну: по своему основному характеру и настроенію, разсужденіе это примыкаетъ къ работамъ Татищева („Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“) и Посошкова („О скудости и богатствѣ“), проникнутыхъ тѣмъ же духомъ стремленія къ общегосударственной и общенародной пользѣ, и если бы въ свое время оно было напечатано, то составило бы, несомнѣнно, одинъ изъ перловъ публицистической литературы своей эпохи¹⁾. Это, какъ упомянуто выше, не было сдѣлано, да и не могло быть сдѣлано. Даже гораздо позднѣе, когда въ 1819 году Олинымъ было напечатано разсужденіе Л., и то не въ полномъ видѣ, то министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлалъ цензурному комитету замѣчаніе, что не слѣдовало пропускать въ печати сочиненіе, содержащее „мысли предосудительныя, несправедливыя, противныя православной церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства“. Замѣчательнъ оправдательный отвѣтъ на это со стороны цензора Яценкова: „Не входя въ изслѣдованіе о томъ, справедливы ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семь изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только слѣдую-

1) Въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ Н. С. Тихонова (П. 1859, отд. 3, с. 197—198; ср. Пекарскій, назв. соч., П. 754, пр. 2) напечатанъ небольшой отрывокъ Ломоносова „Объ обязанности духовенства“, также посвященный И. И. Шувалову и названный авторомъ „Примѣчаніями“; тутъ идетъ рѣчь о необходимости со стороны духовенства обучать народъ „страху Божію и честнымъ правамъ, словомъ и примѣромъ, а особливо молодыхъ людей“; на обязанность духовенства возлагается и обученіе народа грамотѣ „за общую плату всего прихода“. Однако литературная связь этого отрывка съ разсужденіемъ „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“ не можетъ быть доказана.

щее. Статья сія имѣть совсѣмъ другую цѣну и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она не есть ни богословская — ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшенія богословскихъ вопросовъ? — ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семь дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные мужи отдадутъ Ломоносову справедливость; она есть не что иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика, астронома, химика; отнынѣ будемъ знать и почитать его еще и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества¹⁾.

При всей оригинальности и новизнѣ мыслей, высказанныхъ Ломоносовымъ въ „Разсужденіи“ для Россіи середины XVIII в., его трактатъ является, по основному своему содержанію, въ тѣсной связи съ идеями „философской камералистики“ и въ частности съ теоріей эвдаимонизма его учителя Вольфа²⁾; вопросъ о народонаселеніи, какъ основѣ государственнаго благосостоянія, былъ весьма популяренъ въ западно-европейской наукѣ XVIII в., и отзвукъ на этотъ вопросъ со стороны Ломоносова является новымъ свидѣтельствомъ высоты его научно-философской мысли, глубокаго образованія, наряду съ живымъ и горячимъ желаніемъ служить своей родинѣ.

Преобладающее научное призваніе Л. сказалось выдающимися результатами и въ области „наукъ словесныхъ“. Вопросами языка и литературы, столь популярными и прак-

1) М. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статья по русской литературѣ и просвѣщенію. I, с. 459—460.

2) И. К. Сухоплюевъ. Вагляды Ломоносова на политику народонаселенія. Ломоносовскій Сборникъ, с. 167—234.

тически нужными въ его время, Л. интересовался всю свою жизнь. Взвѣсивая свое положеніе среди обстоятельствъ и условій русской жизни первой половины XVIII в. и, не смотря на явное пристрастіе къ естествознанію, мечтая о широкомъ энциклопедизмѣ своей дѣятельности, Л., въ одной изъ своихъ рукописныхъ замѣтокъ около 1750 года, говорить: „Начинаю съ словесныхъ наукъ, и ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всеѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ. . . Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать“¹⁾. Это признаніе объясняетъ необъятное разнообразіе трудовъ Л. и незаконченность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Последнее особенно должно сказать о его трудахъ въ области наукъ словесныхъ.

Въ 1739 году Л., какъ было упомянуто (с. 58), прислалъ изъ Фрейберга, вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина, и „Письмо о правилахъ російскаго стихотворства“. Оно находится въ тѣсной связи съ „Новымъ и краткимъ способомъ“ Тредьяковскаго (1735), который Л. не только взялъ съ собою за границу, но и усердно изучалъ эту книгу, что видно, между прочимъ, и изъ сохранившагося экземпляра этой послѣдней съ многочисленными замѣтками Ломоносова²⁾. Въ своемъ „Письмѣ“³⁾ Л., принимая мысль Тредьяковскаго о тонической природѣ русскаго стихосложенія, высказываетъ однако же рядъ мыслей и наблюденій (о стихотворныхъ размѣрахъ, рифмѣ и пр.), служащихъ дополненіемъ и поправкой работы его предшественника, впрочемъ не дѣлая на него опредѣленной ссылки и даже не упоминая его имени. Въ общемъ, это сочиненіе начинавшаго тогда автора не представляло чего-либо особенно новаго и вполне самостоятельнаго, но Л. обнаружилъ въ немъ осторожность и тактъ человѣка, полу-

1) А. Будиловичъ. М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Спб. 1869, с. 7.

2) Соч. III, прим. с. 6—11.

3) Соч. III, с. 1—11.

чившаго извѣстное научное образованіе; самостоятельной и новой прибавкой къ этому „письму“ была послѣдовавшая затѣмъ поэтическая дѣятельность Л., обезпечившая на практикѣ господство тѣхъ принциповъ, которые въ „письмѣ“ были выражены теоретически. Эта дѣятельность была, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправданіемъ мысли, выраженной въ „письмѣ“ Ломоносовымъ: „Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что російскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ“.

Насколько важнымъ считалъ Л. сочиненіе такого труда, который бы обнималъ всю теорію „словесныхъ наукъ“, видно изъ того, что уже въ первые годы по прибытіи въ Петербургъ, не смотря на свои обязанности по преподаванію физики и другія работы, онъ, повидимому, положилъ начало своей „Риторикѣ“: по крайней мѣрѣ, въ 1744 году рукописный ея экземпляръ, помѣченный январемъ этого года и посвященный наслѣднику престола в. кн. Петру Ѳедоровичу, былъ присланъ имъ изъ Москвы, гдѣ въ то время находился Дворъ, въ Академію. Разсмотрѣніе этой рукописи было поручено акад. Миллеру, и, отчасти на основаніи его замѣчаній, а еще болѣе собственнаго углубленія въ дѣло, Л. передѣлалъ свой трудъ, который въ 1748 году и былъ напечатанъ подъ именемъ „Краткое руководство къ краснорѣчію“¹⁾. Предметъ „краснорѣчія“ Л. опредѣляетъ какъ „искусство о всякой данной матеріи красно говорить“. Подъ „краснорѣчіемъ“, теорія котораго составляетъ содержаніе его книги, Л. разумѣетъ вмѣстѣ прозу и поэзію, между которыми видитъ разницу только въ формѣ: „объ одной вещи можно писать прозою и стихами“. Этого сочиненія собственно вышла въ свѣтъ „первая книга“, въ которой содержится „риторика“, т. е.

1) Соч. III, с. 79—352.

теорія прозы, но Л. имѣлъ въ виду присоединить къ ней еще „ораторію“ и „поэзію“, чтобы объять теорію словесности во всей ея полнотѣ. Работы Л. надъ этой второй и третьей частями „руководства къ краснорѣчію“ занимали его въ 1750—51 годахъ, но онѣ до сихъ поръ не найдены и, м. б., совершенно утрачены¹⁾, такъ что изъ этой послѣдней части, предназначенной „поэзіи“, упомянутое „Письмо о правилахъ російскаго стихотворства“ является т. ск. отрывкомъ, не имѣвшимъ ни начала, ни окончанія. „Риторика“ Л. не есть и не могла быть по самому существу дѣла произведеніемъ вполне оригинальнымъ: Л. многое заимствовалъ и въ планѣ и въ содержаніи изъ сочиненій Кауссина, Помея, Готшеда и Вольфа, а также, вѣроятно, изъ своихъ старыхъ московскихъ школьныхъ воспоминаній и матеріаловъ, къ категоріи которыхъ должна быть отнесена и та рукописная русская „Риторика, словенски — краснорѣчіе“, которую А. С. Будиловичъ²⁾ считаетъ самымъ близкимъ источникомъ для труда Ломоносова. Тѣмъ не менѣе, Риторика Л. въ исторіи русскихъ литературныхъ понятій имѣла огромное значеніе. Это была первая на русскомъ языкѣ, подробно разработанная, съ научными приемами изложенія, теорія прозы; рядомъ съ теоретическими положеніями и объясненіями здѣсь имѣется множество примѣровъ, частію переведенныхъ самимъ Л., частію имъ заново написанныхъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ; на одинъ такой примѣръ („Вечернее размышленіе о величествѣ Божьемъ“) было уже указано (с. 73)³⁾; примѣры изъ иностранныхъ авторовъ поражаютъ своимъ обиліемъ и разнообразіемъ⁴⁾; т. о., совокупность этихъ примѣровъ составила своего рода литературную хри-

1) А. Будиловичъ, назв. соч., с. 111—112.

2) Назв. соч., с. 105.

3) О другихъ см. въ сочиненіи Ф. Буслаява: О преподаваніи отечественнаго языка. Ч. I. М. 1844, с. 297—328.

4) А. Будиловичъ, назв. соч., с. 110.

стоматию, цѣлесообразность и интересъ которой не только примѣнительно къ правиламъ „Риторики“, но и помимо ихъ не могли подлежать сомнѣнiю; въ глазахъ же самого Л. эти примѣры была наилучшей иллюстраціей той его общей мысли, что одни „правила“ мало помогутъ дѣлу, если за ними не послѣдуютъ „познаніе настоящихъ и прошедшихъ вещей“ и „идеи“ (§§ 7 „вступленія“ и 173). Поэтому, совершенно естественными представляются тѣ похвалы и та высокая оцѣнка, которая была сдѣлана этому произведенію Ломоносова со стороны его современниковъ и ближайшаго потомства, напр. В. Н. Татищева или Севергина¹⁾.

Не уклонился Л. и отъ изслѣдованій чисто филологическихъ, которыми занимался главнымъ образомъ въ 50-хъ годахъ. Еще въ концѣ предшествующаго десятилѣтія онъ сталъ собирать матеріалы для „Россійской грамматики“, которая, въ рукописномъ видѣ, уже 20 сентября 1755 года была имъ поднесена вел. князю Павлу Петровичу; этотъ годъ выставленъ и на первомъ печатномъ изданіи ея, хотя оно фактически вышло въ свѣтъ лишь въ 1757 году. Въ начальныхъ строкахъ этого посвященія Л. такъ говоритъ о русскомъ языкѣ: „Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не токмо обширностію мѣсть, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали. Но кто не упрежденный великими о другихъ мнѣніями простреть въ него разумъ и съ прилѣжаніемъ вникнетъ, со мною согласится. Карлъ пятый Римскій Императоръ говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италіанскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но есть ли бы онъ

1) П. Пекарскій, II, с. 398—399.

Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно, ибо нашель бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Францусскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка“¹⁾. Трудъ этотъ былъ совершенъ Л. не только какъ осуществленіе одного изъ предположеній академическаго „Россійскаго Собранія“, но и по самой важности дѣла: „Тупа Ораторія, косноязычна Поезія, неосновательна Философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики“, говоритъ самъ Л. въ томъ же посвященіи. Грамматика Л. представляетъ собою трудъ гораздо болѣе оригинальный, чѣмъ, напр., его „Риторика“, хотя онъ во многомъ опирался на Славянскую Грамматику Мелетія Смотрицкаго. Будучи, по укоризненному, но въ сущности дѣлающему честь Ломоносову, выраженію Шлецера, „чистымъ натуралистомъ въ исторіи и въ языкѣ“, Л. положилъ въ основу своего труда факты русскаго языка, которые онъ изучалъ съ одной стороны исторически, а съ другой — изъ непосредственнаго знакомства съ языкомъ простаго народа; въ изученіи этихъ фактовъ, ихъ классификаціи и выводахъ Л. шелъ путемъ аналитическимъ, свободный отъ схематизма и формальностей своего предшественника, поскольку тотъ затронулъ въ своемъ трудѣ элементы языка русскаго; задачу русскаго грамматики онъ понималъ въ смыслѣ „знанія, какъ говорить и писать чисто руссійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію“. На главнѣйшій практической вопросъ, вытекавшій въ то время изъ грамматики, т. е. на правописаніе, Л. смотрѣлъ такимъ образомъ, что оно должно быть соображено съ этимологіей и исторіей языка, примѣнительно къ живому говору и безъ возможности слишкомъ большихъ затрудненій

1) Соч. IV, с. 9—10.

на практикѣ (Гл. V, § 112): въ этомъ отношеніи онъ стоялъ внѣ обѣихъ крайностей — рабскаго и безотчетнаго, но въ сущности случайнаго и непослѣдовательнаго, копирования пріемовъ церковно-славянской орфографіи съ одной стороны, и нововведеній крайняго фонетическаго характера, во вкусѣ Тредьяковскаго — съ другой¹⁾. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе самаго содержанія Грамматики Ломоносова. Общее значеніе ея въ исторіи русской филологической науки уже давно оцѣнено по достоинству. „Значеніе Грамматики Ломоносова — говоритъ Будиловичъ — состоитъ именно въ опредѣленіи того, что съ тѣхъ поръ называется нормою русскаго литературнаго языка... Поэтому то мы не колеблемся назвать Грамматику Л. если не самымъ лучшимъ, то самымъ важнымъ и плодотворнымъ для успѣховъ русской образованности трудомъ его“²⁾. Я. К. Гротъ такъ писалъ объ этомъ произведеніи Л.: „Русскіе вправѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII ст. такой Грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія“³⁾. Грамматика Ломоносова, будучи долгое время единственнымъ руководствомъ въ своей области, выдержала въ теченіе XVIII и XIX вв. цѣлый рядъ изданій. „Грамматика Ломоносова — говорилъ о ней Ѳ. И. Буслевъ въ 1865 году, въ столѣтнюю годовщину смерти ея автора — не только не утратила своего ученаго значенія, но и до сихъ поръ по частямъ передается въ обученіи новымъ поколѣніямъ по позднѣйшимъ руководствамъ, для которыхъ выдержки изъ этой книги составляютъ лучшее украшеніе“⁴⁾.

1) А. Будиловичъ, назв. соч., с. 71—75.

2) С. 119.

3) Филологическія разысканія. 3 изд. 1885, II, с. 68.

4) Ломоносовъ, какъ грамматикъ. Въ сборникѣ „Празднованіе сто-

Въ своихъ интересахъ къ разработкѣ русскаго языка Л. не ограничился одной Грамматикой. Въ черновыхъ бумагахъ сохранился намѣченный имъ планъ дальнѣйшихъ работъ, озаглавленный „Филологическія изслѣдованія и показанія, къ дополненію Грамматики подлежащія“. Въ немъ предположено было 12 пунктовъ¹⁾, но планъ этотъ въ цѣломъ видѣ, повидимому, не осуществился²⁾, подобно указанному выше (с. 85—86) замыслу намѣченныхъ Ломоносовымъ для себя трудовъ по общественнымъ вопросамъ. Только одинъ пунктъ этого плана (10: О чтеніи книгъ старинныхъ) получилъ разработку въ статьѣ Л. „О пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ“, написаніе которой относится, кажется, ко второй половинѣ 50-хъ годовъ и во всякомъ случаѣ не ранѣе 1755 года. Основная мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ главная историческая цѣнность, этого труда Ломоносова³⁾ заключается въ смѣломъ и категорическомъ отдѣленіи въ составѣ современнаго ему русскаго литературнаго языка элементовъ церковно-славянскаго и русскаго, о чемъ, какъ мы видѣли (с. 39), не вполне опредѣленно и ненаучно, говорилъ Тредьяковскій въ 1730 году въ своей „Бздѣ на островъ любви“. Знаменитое сужденіе Л. о „штиляхъ“, нашедшее себѣ мѣсто въ этомъ сочиненіи, не есть совершенно новое: оно имѣется еще у древнихъ писателей (Квинтиллиана, Авла Геллія) и во многихъ старыхъ риторикахъ XVI—XVIII вв.⁴⁾; новымъ является у Л. лишь то, что степень наличности церковно-славянской стихіи въ русскомъ языкѣ опредѣляетъ

лѣтней годовщины Ломоносова, 4 апр. 1765—1865, Импер. Московскимъ Университетомъ. М. 1865“, с. 66.

1) Соч. IV, с. 233.

2) Все, относящееся сюда въ другихъ сочиненіяхъ Л., изучено и искусно сгруппировано у А. С. Будиловича, назв. соч., с. 80—103.

3) Соч. IV, с. 225—232.

4) Соч. Ломоносова, IV, прим. с. 238—241. Ср. А. П. Кадлубовскій. Объ источникахъ Ломоносовскаго ученія о трехъ стиляхъ. Сборникъ статей въ честь проф. М. С. Дринова. Харьковъ 1905, с. 83—89.

три „штиля“ — высокій, средній и низкій, и что самое ученіе о „штиляхъ“ впервые примѣнено имъ къ русскому языку; о самой же пользѣ отъ чтенія церковныхъ книгъ Л. высказался еще въ „Риторикѣ“: „Что до чтенія книгъ надлежить, то передъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ (для изобилія реченій, не для чистоты), отъ которыхъ чувствую себѣ не малую пользу“ (§ 165).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о Ломоносовѣ какъ дѣятелѣ общественномъ. Въ ту пору русской жизни личная инициатива отдѣльнаго лица въ дѣлахъ общественныхъ была крайне сѣужена и могла проявляться лишь почти исключительно при поддержкѣ со стороны правительства, вліятельныхъ покровителей изъ знати или какого-либо официального учрежденія. При своихъ богатыхъ умственныхъ дарованіяхъ и энергическомъ характерѣ, Л. несомѣнно носилъ въ себѣ жажду общественной работы также и внѣ книжныхъ или лабораторныхъ занятій: напр., при помощи И. И. Шувалова и Академіи Наукъ, имъ заведена была фабрика мозаическихъ матеріаловъ и искусственныхъ камней, которыми онъ мечталъ не только удовлетворить потребности русскаго быта, но и вывозить ихъ за границу; однако предпріятіе это успѣха не имѣло. Большая часть мыслей Л. въ общественно-полезномъ направленіи нашла себѣ выраженіе лишь въ написанныхъ имъ проектахъ, напр. о морскомъ пути въ Индію, о способахъ къ размноженію и сохраненію російскаго народа. Болѣе замѣтной и оставившей извѣстные реальные слѣды была его дѣятельность въ качествѣ администратора въ стѣнахъ Академіи Наукъ: онъ былъ членомъ вліятельной Академической Канцеляріи, управлялъ академическимъ университетомъ и гимназіей, географическимъ департаментомъ; согласно его проекту, была осуществлена мысль объ основаніи Московскаго Университета; онъ принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіи самой Академіи Наукъ. Общественная сторона дѣятельности Л. въ

Академіи Наукъ не нашла себѣ единокорнаго признанія, и это не удивительно: онъ дѣйствовалъ на скользкой почвѣ національныхъ симпатій и антипатій; въ этой сферѣ его благородное патріотическое одушевленіе и самородная „упрямка“ ставила его нерѣдко въ ложное положеніе и даже едва ли къ дѣйствительной пользѣ самого дѣла, напр. въ нападкахъ на ученые труды академикомъ Миллера и Шлецера, въ ученюмъ безпристрастіи которыхъ напрасно онъ видѣлъ желаніе оскорбить національное достоинство русскаго народа. Самое же стремленіе Л. къ тому, чтобы поднять самосознаніе русскаго общества, умножить количество ученыхъ и образованныхъ людей изъ русскихъ и предоставить достойнымъ изъ нихъ вліяніе на ходъ общественной жизни въ Россіи останется, конечно, однимъ изъ очевидныхъ показателей духовной зрѣлости и высокой нравственной силы этого гениальнаго человѣка въ первую половину XVIII в. Премахи Л. въ осуществленіи этихъ его пожеланій, допущенные имъ на практикѣ въ силу слишкомъ горячаго темперамента и другихъ, отчасти внѣшнихъ, условій, дали поводъ къ двойственному характеру его оцѣнки въ этомъ отношеніи не только со стороны современниковъ, но и потомства. Если въ извѣстной степени понятны выраженія несочувствія и даже вражды къ Л. Тредьяковскаго, Сумарокова, Шумихера — заинтересованныхъ лично въ ходѣ литературныхъ или служебныхъ успѣховъ ихъ соперника —, то менѣе естественнымъ является отношеніе къ Л. со стороны собирателя самаго богатаго и весьма замѣчательнаго сборника матеріаловъ для жизнеописанія Л. (Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны акад. Билярскимъ. 1865), о которомъ Пекарскій, въ своей біографіи Л., основательно замѣчаетъ: „Въ отношеніи Билярскаго можно сдѣлать одно справедливое замѣчаніе: это то, что онъ считалъ какъ бы обязанностью своею въ разныхъ примѣчаніяхъ къ своимъ Матеріаламъ высказывать какое-то странное личное нерасполо-

женіе къ Ломоносову. Если безусловныя хвалы и напускной восторгъ избраннѣмъ героемъ должны быть чужды историку, уважающему науку, то равнымъ образомъ онъ не долженъ увлекаться подобнымъ нерасположеніемъ, тѣмъ болѣе неизвинительнымъ, что оно направлено противъ историческаго дѣятеля, сто лѣтъ тому назадъ сошедшаго въ могилу и къ которому стало-быть очень возможно относиться спокойно, не примѣшивая разныхъ дрязговъ современной жизни“ (Исторія Академіи Наукъ, II. 261—262). Впрочемъ, этотъ недостатокъ историческаго безпристрастія достаточно уравновѣшенъ въ трудахъ о Л-вѣ В. И. Ламанскаго (Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. М. 1865; М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Первыя четыре главы. Спб. 1864), А. С. Будиловича (М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ. Спб. 1869; Ломоносовъ какъ писатель. Спб. 1871), Н. А. Лавровскаго (О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Харьковъ 1865). Своеобразная личность Ломоносова нашла себѣ яркое документальное выраженіе, помимо разнообразныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, еще въ его письмахъ, замѣчательныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію, чрезвычайно цѣнному для историка и біографа, и заслуживающихъ самаго внимательнаго изученія. Напомню здѣсь одно извѣстное мѣсто изъ письма къ И. И. Шувалову (19 янв. 1761), по поводу попытки послѣдняго примирить Л. съ Сумароковымъ: „Ваше В-во, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лутчіе дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаеть онъ пользу отечеству; я по малому таланту также готовъ стараться. И сіе есть истинное мое мнѣніе, какое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знат-

ныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, если личность Л., какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, носила въ себѣ разнообразныя черты, которыя не всегда было легко понять и примириться съ ними его современникамъ, то его научныя и литературныя заслуги, которыя тоже долгое время вызывали разногласія²⁾, получили теперь вполне историческую и высокую оцѣнку, какъ крупнѣйшій фактъ въ исторіи духовной культуры русскаго народа.

4.

А. П. Сумароковъ. — Сужденія о немъ современниковъ и потомства. — Жизнь С.: ученье въ Сухонутномъ Корпусѣ; первые служебные и литературные шаги. — Театральное дѣло въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в.; любительскіе спектакли въ столицахъ и провинціи. — Трагедіи и комедіи С. — Теоретическіе взгляды на драму въ Россіи до С.; его собственныя теоретическія воззрѣнія. — Слезная комедія во Франціи и отношеніе къ ней С. — Сатиры и притчи С. — Изданіе „Трудолюбивой Пчелы“. — С. какъ литературный критикъ.

Самымъ младшимъ изъ раннихъ представителей литературнаго новоклассицизма у насъ былъ А. П. Сумароковъ. Отъ Ломоносова и Тредьяковскаго его отдѣляютъ рѣзкія и опредѣленныя черты: если первый вышелъ на литературное поприще изъ самыхъ „низовъ“ народныхъ, а второй изъ близкаго къ нимъ духовнаго сословія, то въ Сумароковѣ мы видимъ дворянина, рожденнаго и воспитаннаго въ обеспеченной и сравнительно образованной средѣ; ему не пришлось, подобно двумъ первымъ, пробивать себѣ тяжелымъ трудомъ и лишеніями дорогу къ „наукамъ“. Не отвлекаемый первоначально никакой службой, онъ отдался писательству въ болѣе ранніе годы и въ болѣе свободной обстановкѣ,

1) Матеріалы, собр. акад. Билярскимъ, с. 487.

2) Т. Глаголева. Отзывы современниковъ и потомства о литературной дѣятельности Ломоносова. М. В. Ломоносовъ. Сборникъ статей, подъ ред. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911, с. 150—185.

чѣмъ оба названные его современники. Обладая несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и крайне живымъ темпераментомъ, доходившимъ нерѣдко до самыхъ уродливыхъ, почти ненормальныхъ, проявленій, С. обнаружилъ въ теченіе своей долгой писательской карьеры огромное напряженіе энергіи, написавши множество литературныхъ произведеній въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Любимымъ литературнымъ „родомъ“ С. былъ драматическій, и большая часть его сочиненій облечена въ форму трагедіи или комедіи; но онъ выступаетъ передъ нами еще какъ дѣятельный одописецъ, перелагатель псалмовъ, авторъ элегій и пѣсенъ, неутомимый сатирикъ и баснописецъ; въ роли стихотворца, онъ не отваживался только на эпопею; какъ прозаикъ, онъ писалъ торжественныя и похвальные рѣчи, критическіе разборы чужихъ литературныхъ произведеній, былъ грамматикомъ, журналистомъ и историкомъ. Почти свободный отъ официальныхъ обязанностей, С. всецѣло былъ преданъ литературѣ, отдавался ей со страстнымъ увлеченіемъ и былъ въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ образцомъ русскаго писателя середины XVIII вѣка, интересной разновидностью писательскаго типа въ Россіи этого времени, рядомъ съ двумя своими знаменитыми современниками, такъ или иначе связанными въ своей дѣятельности службой въ ученомъ учрежденіи.

Извѣстность Сумарокова среди современниковъ въ Россіи была во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ литературная извѣстность Ломоносова, но оцѣнка его была двойственная: одни имъ восторгались, другіе осыпали его градомъ насмѣшекъ. Историческая цѣнность С. и послѣ его смерти установилась далеко не сразу. Черезъ три мѣсяца по его смерти (ум. 1 окт. 1777), въ январьской книжкѣ „С.-Петербургскаго Вѣстника“ 1778, помѣщена была статья „Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ А. П. Сумарокова“, гдѣ, вмѣстѣ съ біографическими свѣдѣніями, нашель себѣ мѣсто и проницескій отзывъ о характерѣ покойнаго. Съ другой стороны,

явилось нѣсколько статей и отдѣльныхъ изданій, въ которыхъ С-ву воздавалась чрезмѣрная похвала, напр. Николая Струйскаго „Апология къ потомству, или начертаніе о свойствахъ права А. П. Сумарокова и о нравоучительныхъ его поученіяхъ“ (Спб. 1788; эта же книга вышла пофранцузски въ 1790). Херасковъ охарактеризовалъ его слѣдующей надписью подъ его портретомъ, приложеннымъ при „Полномъ собраніи“ сочиненій С-ва (изданномъ Н. И. Новиковымъ дважды, въ 10 томахъ: М. 1781.—82, М. 1787):

Изображается потомству Сумароковъ, парящій, пламенный
и нѣжный сей творецъ,

Который самъ собой достигъ Пермескихъ токовъ; ему
Расинъ поднесъ и ла Фонтенъ вѣнецъ,

а въ 1787 году неизвѣстный составитель „Драматическаго Словаря“ писалъ о немъ такимъ образомъ: „Онъ (Сумароковъ) много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру конечно отъ его пера исправлень. До него представленія почитали одними только театральными игрищами, а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ г. Моліера и протчихъ, подражая онымъ. Басни его поставить можно нравоучительною азбукою, служащей для каждаго“. Эти одностороннія сужденія современниковъ болѣе или менѣе естественны и понятны, но уже извѣстное недоумѣніе возбуждаетъ обширное сочиненіе С. Н. Глинки „Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова. Три части. Спб. 1841“, гдѣ хвалебное отношеніе къ С. доведено до апогея. Между тѣмъ, за годъ передъ этимъ было опубликовано одно изъ юношескихъ стихотвореній Пушкина, въ которомъ поэтъ-лицеистъ (1817), обращаясь къ Жуковскому, такъ говоритъ о Сумароковѣ:

Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,

Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?

Торжественной хвалы къ нему несется шумъ:

Онъ, онъ подъ риемою попраль и вкусъ, и умъ!
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ...?

Историческій взглядъ на Сумарокова впервые обнаруженъ былъ въ работѣ Н. Булича „Сумароковъ и современная ему критика. Спб. 1854“, гдѣ дана не только основанная на фактическихъ матеріалахъ біографія С., но и извѣстная оцѣнка его литературной дѣятельности, въ рамкахъ преимущественно сатирической литературы XVIII вѣка. Тѣмъ же историческимъ характеромъ отличается и очеркъ В. Стоюнина „А. П. Сумароковъ“, напечатанный сначала въ „Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ“ 1856 №№ 36. 37. 38. 39. 40. 43. 44. 45. 46 и вышедшій также особо: Спб. 1856¹⁾.

Александръ Петровичъ Сумароковъ родился 14 ноября 1718 года въ старой дворянской семьѣ; о мѣстѣ рожденія есть лишь намекъ въ одномъ изъ стихотвореній:

„Гдѣ Вильманштрандъ, я тамъ во близости рожденъ“²⁾.

Воспитаніе получилъ онъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда отданъ былъ въ маѣ 1732 года, а выпущенъ изъ него въ апрѣлѣ 1740. Это было единственное тогда въ Россіи учебное заведеніе, въ которомъ можно было получить общее образованіе. Результаты восьмилѣтняго пребыванія въ корпусѣ выразились для Сумарокова въ слѣдующемъ, выданномъ ему, аттестатѣ: „въ геометріи обучилъ тригонометрію, экспликуеть и переводить съ Нѣмецкаго на Французскій языкъ, въ исторіи универсальной

1) Библиографическія данныя касательно С-ва можно найти въ статьяхъ: Г. Геннади. Библиографическія указанія для біографіи Сумарокова. Музыкальный и Театральный Вѣстникъ 1856 № 41; Д. Языковъ. Новые матеріалы для біографіи С-ва. Историческій Вѣстникъ 1885 № 5.

2) Полное собраніе сочиненій, изд. 2, IX. 178. Всѣ дальнѣйшія ссылки сдѣланы по этому изданію.

окончалъ Россію и Польшу, въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ, сочиняеть Нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части слушалъ, имѣеть начало въ Итальянскомъ языкѣ“¹⁾. Этоть слабый уровень познаній уравнивался у болѣе способныхъ учениковъ, какимъ былъ Сумароковъ, другими приобрѣтеніями. Въ корпусѣ образовалось нѣчто въ родѣ литературнаго общества, члены котораго упражнялись въ чтеніи другъ другу первыхъ опытовъ своихъ сочиненій и переводовъ; въ этихъ собраніяхъ читаны были и Сумароковымъ его первыя „пѣсни“ съ любовно-сентиментальнымъ и отчасти простонароднымъ характеромъ, но, питаясь совершенно иными литературными идеалами, Сумароковъ въ послѣдствіи истребилъ ихъ, о чемъ съ гордостію говорилъ (въ статьѣ „Къ несмысленнымъ риѣмотворцамъ“) какъ о примѣрѣ, достойномъ подражанія. Напротивъ, сохранились корпусные опыты С. въ стихотворствѣ другого рода — торжественной одѣ, именно двѣ „поздравительныя“ оды императрицъ Аннѣ Іоанновнѣ, сочиненныя къ новому 1740 году Сумароковымъ отъ имени Кадетскаго корпуса; напечатанные тогда въ отдѣльномъ изданіи (Спб. 1740) начальствомъ, стихи эти вызвали позднѣе такое сужденіе самого автора, видѣвшаго въ нихъ лишь „порчу языка“: „Быль нѣкогда и я сему подверженъ согрѣшенію, которому вы себя подвергаете — обращается онъ къ „несмысленнымъ риѣмотворцамъ“ — и слабые стихи выпустилъ; но я былъ то здѣлать нѣсколько принужденъ, да они же и выпущены какъ отъ ребенка, и не отъ меня, но отъ Кадетскаго Корпуса напечатаны, для показанія только моего ученичества, а не стихотворства“ (Соч. IX. 277). Далѣе, въ той же статьѣ С. даетъ слѣдующія цѣнныя указанія объ обстановкѣ, въ которой воспитывалась его ранняя страсть

1) А. Карabanовъ. Основаніе русскаго театра кадетами перваго кадетскаго корпуса. Спб. 1849, с. 93.

къ стихотворству: „Въ то же время (т. е. въ 30-ые и 40-годы XVIII в.) стихотворцевъ у насъ еще не было и научиться было не у ково. Я будто сквозь дремучій лѣсъ, сокрывающей отъ очей моихъ жилище музъ, безъ проводника проходилъ, и хотя я много долженъ Расину, но ево увидѣлъ я уже тогда, какъ вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ французъ, и въ русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленія не могъ. Русскимъ языкомъ и чистотою склада, ни стиховъ, ни прозы, не долженъ я никому кромѣ себя“ (IX. 277—278). Конечно, С. тутъ не совѣтъ правъ: до 1740 года онъ могъ знать, живя въ Петербургѣ, нѣкоторые ранніе стихотворные опыты Тредьяковскаго и даже Ломоносова, но непомѣрное самолюбіе, самовозвеличеніе и нежеланіе признать чужія заслуги были главными чертами его характера, съ которыми онъ и ушелъ въ могилу.

Хотя по выходѣ изъ корпуса С. поступилъ на службу, въ военно-походную канцелярію перваго организатора корпуса графа Миниха, однако это было лишь кратковременной уступкой духу времени; С. душою уже всецѣло преданъ былъ литературѣ и театральнымъ затѣямъ, вкусъ къ которымъ былъ внушенъ ему также въ корпусѣ; переходъ изъ канцеляріи Миниха на службу адъютантомъ къ графу А. Г. Разумовскому былъ лишь продолженіемъ служебной синекуры С-ва, нужной ему для его литературныхъ занятій. Эти занятія сосредоточились вскорѣ на трагедіи, первый опытъ въ области которой Сумарокова, „Хоревъ“, былъ напечатанъ въ 1747 году. Это было важнымъ событіемъ и для автора, и для самой русской литературы. Ни Тредьяковскій, ни Ломоносовъ до этого времени еще не заявили себя въ этой области, хотя у корифеевъ западно-европейской литературной мысли они уже завоевали себѣ первенствующее положеніе передъ одой и эпопеей. Обстоятельства какъ бы сами шли навстрѣчу Сумарокову. Онъ не прерывалъ своихъ отношеній

къ корпусу, гдѣ, вѣроятно не безъ связи съ литературнымъ обществомъ, образовался кружокъ кадетовъ (Милицино, Сви-стунувъ, Бекетовъ, Остервальдъ и др.), интересовавшихся театромъ и игравшихъ на своей корпусной сценѣ кое-что изъ стараго русскаго театральнаго репертуара; въ 1749 году сыгранъ ими былъ и „Хоревъ“ Сумарокова, въ присутствіи автора, съ большимъ успѣхомъ. Сдѣлавшись извѣстнымъ, черезъ графа Разумовскаго, при Дворѣ, это событіе корпусной жизни возбудило въ Императрицѣ желаніе видѣть трагедію Сумарокова на придворной сценѣ, гдѣ до того времени игрались лишь итальянскія интермедіи и отчасти французскія пьесы съ легкимъ содержаніемъ; пьеса же Сумарокова была не только написана русскимъ авторомъ, но и сюжетъ взятъ изъ преданій русской исторической жизни. Успѣхъ представленія „Хорева“ при дворѣ (1750), при самомъ близкомъ и заботливомъ участіи самой Императрицы, превзошелъ все ожиданія юныхъ исполнителей и въ особенности самого автора, руководившаго подготовкою спектакля и присутствовавшаго при самомъ исполненіи. Это событіе придворной жизни Елизаветинскаго времени было великимъ поощреніемъ для Сумарокова, но дальнѣйшимъ успѣхомъ его въ драматической области содѣйствовали еще и другія обстоятельства, зрѣвшія въ одномъ изъ провинціальныхъ уголковъ тогдашней Россіи.

Успѣхи театральнаго искусства въ Россіи, особенно въ области русскаго театральнаго репертуара, въ немалой степени обязаны были въ старое время дѣятельности „любителей“. Въ концѣ XVII и первой четверти XVIII в. такими любителями были ученики кіевскихъ и московскихъ школъ, тогда какъ при дворѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, дѣйствовали по преимуществу профессиональныя труппы иноземнаго происхожденія, хотя и тутъ памяты, напр., чисто любительскіе спектакли царевны Натальи Алексѣвны въ эпоху Петра Великаго. Выписываемые изъ-за границы

актеры не могли удовлетворить естественнымъ потребностямъ въ русскомъ, не переводномъ, репертуарѣ¹⁾, и на встрѣчу этому шли театральныя затѣи любителей. Царевна Елизавета Петровна въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка, будучи затворницей Александровской слободы и Смольнаго монастыря, развлекала себя домашнимъ театромъ въ русскомъ духѣ; по этому поводу возникло даже особое „дѣло“ о нѣкоемъ „дому ея высочества регентѣ пѣвчемъ“ Иванѣ Петровѣ, у котораго при обыскѣ была найдена тетрадь съ театральной пьесой „о принцессѣ Лаврѣ“, сочиненной фрейлиной царевны М. Е. Шепелевой; любительскіе спектакли при помощи придворныхъ „пѣвчихъ и дѣвицъ“ устраивались царевной и въ Москвѣ, въ селѣ Покровскомъ. Когда Елизавета Петровна сдѣлалась императрицей, русскіе спектакли разыгрывались придворными дамами и кавалерами въ Зимнемъ дворцѣ: напр., въ 1743 году представлена была „Роза безъ шиповъ“, старинная русская быль съ пѣніемъ и танцами, въ 1749 году „комедія на музыкѣ“ сочиненія А. И. Колычева „Храбрый и сильный богатырь Сила Боберъ“; въ этихъ спектакляхъ участвовали представители и представительницы петербургской знати — Строгановы, Долгорукіе, Воронцовы, Шереметевы, Голицыны, Одоевскіе, а также „городскія дамы“, вродѣ „надворной совѣтницы Полетики“ и „капитанши Очаковской“. Въ Москвѣ любительскіе спектакли русскаго характера въ эту пору затѣвались и не безъ успѣха велись всякаго рода разночинцами, стряпчими, семинаристами, за одно съ дворовыми людьми, причемъ двое изъ нихъ, капцеляристы государственной бергъ-коллегіи и дворцовой счетной конторы Василий Хилковскій и Иванъ Глушковъ, стояли даже во

1) О переводномъ, преимущественно итальянскомъ, репертуарѣ 30-хъ годовъ XVIII в. можно найти свѣдѣнія въ статьѣ В. Сиповскаго: Итальянскій театръ въ С.-Петербургѣ при Аннѣ Иоанновнѣ (1733—1735), Р. Ст. 1900 № 6, и у В. Всеволодскаго-Гернгросса: Театръ въ Россіи при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ и императорѣ Иоаннѣ Антоновичѣ, с. 46—82.

главѣ цѣлой труппы въ 20 человекъ¹⁾. Къ этой же категоріи явленій примыкають и спектакли кадетовъ Сухопутнаго корпуса, изъ которыхъ образовалась цѣлая актерская труппа: кромѣ четырехъ упомянутыхъ, тутъ были Разумовскій, Бухвостовъ, Рубановскій, Гельмерсенъ, Каниць, Гохъ и др. На одномъ изъ этихъ представленій въ корпусѣ въ концѣ 40-хъ годовъ XVIII в. довелось присутствовать и одному пріѣзжему провинціалу, купеческому сыну Федору Григорьевичу Волкову, пріѣхавшему въ Петербургъ изъ Ярославля по торговымъ дѣламъ. Даровитый юноша, которому суждено было вскорѣ сдѣлаться украшеніемъ русской сцены и знаменитымъ дѣятелемъ театральнаго искусства, такъ очарованъ былъ всѣмъ видѣннымъ въ корпусѣ, а также и на придворномъ театрѣ, гдѣ игрались итальянскія пьесы, что, по возвращеніи на родину, рѣшилъ устроить у себя въ Ярославлѣ домашній театръ, привлекиши къ этому невиданному тамъ дѣлу не только двухъ своихъ братьевъ, Григорія и Гаврилу, но и другихъ сверстниковъ — между ними также Ивана Нарыкова, прославившагося впоследствии подъ именемъ Дмитревскаго. Счастливыя обстоятельства сдѣлали извѣстными ярославскія представленія Императрицѣ; въ 1752 году актеры были выребованы ею въ столицу и здѣсь играли, въ Зимнемъ дворцѣ, сначала комедію „О покаяніи грѣшнаго человека“, а затѣмъ и нѣкоторыя трагедіи Сумарокова — „Хоревъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Аристана“ и „Гамлетъ“. Необычайный успѣхъ этихъ представленій на придворной сценѣ обезпечилъ не только личную, для нѣкоторыхъ блестящую, судьбу ихъ участниковъ, но и ближайшую будущность самого русскаго театральнаго искусства. Наиболѣе даровитые изъ ярославскихъ актеровъ (оба Волковы, Дмитревскій и Поповъ) были отданы, по приказанію Императрицы, въ Сухопутный Корпусъ для обученія наукамъ,

1) Баронъ Н. В. Дризенъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. М. 1905, с. 28—29. 95—96.

иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ, а съ ними вмѣстѣ, для обезпеченія состава театральной труппы, нѣсколько молодыхъ придворныхъ пѣвчихъ; вскорѣ, въ 1754 году, къ нимъ присоединены были и двѣ актрисы, Зорина и Михайлова, первыя профессиональныя дѣятельницы зарождавшейся русской сцены; по другимъ извѣстіямъ, впрочемъ, первыми русскими актрисами были Мусина-Пушкина и двѣ Ананьевы¹⁾. Такъ положено было начало первой русской труппѣ актеровъ, а 30 августа 1756 года состоялся высочайшій указъ Сенату, которымъ положено было начало существованію публичнаго театра, въ Петербургѣ; директоромъ театра былъ назначенъ Сумароковъ, пробывшій въ этой должности до 1761 года. Но для дальнѣйшихъ успѣховъ театра нуженъ былъ русскій репертуаръ, созданію котораго на первыхъ порахъ С. и посвятилъ свои писательскія силы.

Кромѣ четырехъ, названныхъ выше, трагедій, написанныхъ въ 1747—51 годахъ, С. явился еще авторомъ слѣдующихъ трагедій: „Семира“ (1751), „Ярополкъ и Демиза“ (1758), „Вышеславъ“ (1768), „Димитрій Самозванецъ“ (1771), „Мстиславъ“ (1774); затѣмъ, ему принадлежатъ комедіи: „Чудовищи“ и „Трессотиніусъ“ (1750), „Опекунъ“, „Лихоимецъ“, „Три брата совмѣстники“, „Ядовитый“, „Нарцисъ“ (всѣ — 1768), „Приланое обманомъ“ (1769), „Пустая ссора“, „Рогоносецъ по воображенію“, „Мать, совмѣстница дочери“, „Вздорщица“, далѣе — драма „Пустынникъ“ (1757) и нѣкоторыя другія сценическія пьесы: прологъ, балетъ и либретто для двухъ оперъ²⁾. С. работалъ надъ своими пьесами легко,

1) М. Лонгиновъ. Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774). Спб. 1873, с. 9—10.

2) Нѣкоторыя изъ пьесъ С., напр. „Чудовищи“ и „Пустая ссора“, совсѣмъ не были напечатаны при жизни автора, и впервые появились въ печати лишь въ собраніи его сочиненій 1781 года; другія оставались ненапечатанными цѣлый рядъ лѣтъ послѣ ихъ написанія и представленія, напр. „Семира“ и „Ярополкъ и Демиза“ появились въ печати лишь въ 1768 году; иныя пьесы послѣ напечатанія подверглись переделкѣ и тогда выпущены были въ печати вторично: „Хоревъ“ (1747,

и по поводу одной изъ нихъ („Трессотиніусъ“) не безъ гордости отмѣтилъ: „зачата 12 Генваря 1750, окончана Генваря 13 1750“¹⁾.

Своей дѣятельностью, въ качествѣ писателя-драматурга, Сумароковъ пріобрѣлъ въ нашей литературѣ извѣстность, какъ главнѣйшій представитель ложноклассической драмы на русской сценѣ въ XVIII в. Это нужно приписать не только массѣ написаннаго С-вымъ для театра, но и его дѣятельности, какъ театрального администратора и критика въ этой области. Теоретическія воззрѣнія С. на драму не представляютъ ничего новаго. Правила французскаго новоклассицизма были хорошо извѣстны его современникамъ — Тредьяковскому, автору компилятивнаго трактата о комедіи (1752), строго осудившему его „Хорева“ и „Гамлета“ (1750: см. выше, с. 35—36) и давшему собственный опытъ ложноклассической драмы въ „Деидаміи“ (1750), а также Ломоносову, написавшему двѣ историческихъ трагедіи по ложноклассическимъ образцамъ (1750—1751); но все-таки слѣдуетъ признать, что, напечатавъ въ 1747 году своего „Хорева“, С. явился болѣе раннимъ выразителемъ этихъ стремленій именно въ формѣ драматической, хотя ни Тредьяковскій, ни Ломоносовъ ничего не позаимствовали отъ него, какъ драматурга. Въ отличіе отъ Ломоносова, черпавшаго свое знакомство съ ложноклассической литературной теоріей изъ нѣмецкаго источника, Сумароковъ всецѣло примыкалъ къ французамъ XVII и XVIII вв. Онъ самъ признавался, что въ своихъ трагедіяхъ „много долженъ Расину“, преклонялся передъ авторитетомъ Буало и необыкновенно высоко ставилъ Робеспьера, кичась кратковремен-

1768) и „Синавъ и Труворъ“ (1751, 1768). Въ общемъ, библиографія Сумароковскихъ пьесъ довольно запутанна: см. соображенія и указанія у Н. Булича, Сумароковъ и современная ему критика, с. 34; М. Лонгиновъ, Последніе годы жизни А. П. Сумарокова. Русскій Архивъ 1871, с. 1647—1651.

1) Соч. V. 298.

ной и случайной перепиской съ нимъ, какъ лучшимъ доказательствомъ своей литературной славы. О своихъ заслугахъ въ области театра самъ С. былъ очень высокаго мнѣнія. „Что только видѣли Афины и видятъ Парижъ — писалъ онъ въ статьѣ „О копистахъ“ — и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, Россія, стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена! Всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ, видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чистится началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ здѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно“¹⁾. Въ письмахъ къ императрицѣ Екатеринѣ II онъ указывалъ, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, на общественную пользу отъ своихъ трагедій и комедій („Россіи они всеконечно много плода принесутъ“) и съ горечью говорилъ про себя, что онъ „по Россійскому театру трудился побольше Расина и Вольтера, но еще и понынѣ (1772) изъ крайняго убожества не выбился“²⁾. Это сопоставленіе съ французскими писателями въ цѣляхъ самооцѣнки совершенно было въ духѣ того времени, какъ, въ свою очередь, оцѣнка французскихъ образцовъ отводила къ греческимъ и римскимъ классикамъ.

1) Трудодлюбивая Пчела 1759. 2 изд. (Спб. 1780), с. 758—759.

2) Переписка А. П. Сумарокова съ разными лицами. Лѣтописи русской литературы и древности, Н. Тихонравова. III (М. 1861), смѣсь, с. 64. 67.

Въ этомъ отношеніи, какъ типическій примѣръ литературной терминологіи XVIII в., интересно сужденіе о Сумароковѣ одного изъ его почитателей, Фед. Гр. Карина, выраженное въ его „Письмѣ къ Н. П. Николеву о преобразованіяхъ російскаго языка, на случай преставленія Ал. Петр. Сумарокова“ (М. 1778). Разсуждая тутъ объ успѣхахъ въ словесности и проводя параллель между знаменитыми французскими и русскими писателями, онъ говоритъ, что во Франціи, какъ и у насъ, давно толковали о Платонахъ и Златоустахъ, но ихъ не было до рожденія у французовъ Бурдалу, а у насъ — Теофана Прокоповича; давно читали Пиндара, но его не было до появленія Малерба и Ломоносова, въ которомъ мы видимъ, сверхъ того, Цицерона, позже явившагося во Франціи въ лицѣ Томаса. По мнѣнію автора, Франція превзошла Горація, Федра, Софокла, Еврипида, Менандра и Теренція своими „творцами“, съ которыми онъ осмѣливается сравнить одного лишь Сумарокова, если не успѣвшаго въ родѣ Гораціевомъ, какъ Буало, то въ родѣ Федровомъ едва ли не превзошедшаго Фонтена: „и ежели нашъ Еврипидъ — говоритъ авторъ — долженъ уступить Еврипиду французскому, потому что тотъ первый, а сей второй, то Софокль нашъ конечно больше Софокла французскаго“¹⁾.

Хотя первенство Сумарокова у насъ въ приложеніи къ практикѣ французской новоклассической теоріи драмы не подлежитъ сомнѣнію, особенно въ столь обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ успѣхомъ, однако сама по себѣ теорія эта не была въ русской литературѣ новостью и до Сумарокова. Элементы античныхъ понятій о драматической поэзій, вошедшіе потомъ въ значительной степени въ кодексъ французскаго новоклассицизма, были извѣстны въ

1) Н. Губерти. Хронологическое описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ XVIII ст. II, с. 16—17, № 8.

Россіи еще изъ многочисленныхъ рукописныхъ цѣитикъ школьнаго происхожденія XVII—XVIII в.; мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ на отзвуки этихъ понятій, осложненныхъ знакомствомъ съ французскими новоклассиками, въ лекціяхъ Теофана Прокоповича начала XVIII в.; въ 1720 году было даже напечатано сочиненіе Полидора-Виргилія Урбина „Осмь книгъ о изобрѣтателѣхъ вещей“, гдѣ были собраны историческія и теоретическія данныя о древней трагедіи и драмѣ. Затѣмъ, въ Академическихъ „Примѣчаніяхъ на Вѣдомости“ 1733, №№ 44—46, была напечатана неизвѣстнымъ авторомъ довольно обширная статья — несомнѣнно, переводная — въ которой сообщены подробныя свѣдѣнія по теоріи и исторіи драмы примѣнительно къ понятіямъ древности и новыхъ французскихъ классиковъ: тутъ разбираются и знаменитый принципъ трехъ единствъ, и обязательныя части всякой драмы (пять актовъ), и дѣленіе актовъ на сцены, и неизбѣжное участіе эпического элемента въ ходѣ дѣйствія¹⁾.

Устанавливая свои понятія о драмѣ, Сумароковъ могъ легко познакомиться съ указанными печатными источниками, но, разумѣется, главнымъ его источникомъ были сами французскіе писатели — въ особенности Буало и Расинъ; о первомъ онъ говорилъ, что онъ „Франціи музъ жертвенникъ открылъ“ и что „слава его, къ чести французскаго стихотворства, по всей Европѣ распростерта“ (Соч. I. 343. 352), а о второмъ — что „стихотворство его всякую похвалу превосходитъ“ (Соч. I. 356). Когда одинъ изъ поклонниковъ С-ва, извѣстный И. П. Елагинъ, пожелалъ, въ своей „Сатирѣ на пети-метровъ“, охарактеризировать его заслуги, то назвалъ его

„Наперстникъ Буаловъ, російскій нашъ Расинъ“.

1) В. Перетцъ. Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра. Изв. П. Отд. А. Н. XII. 1907, кн. 3, с. 183—207; В. Всеволодскій-Гернгроссъ. Театръ въ Россіи при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ и императорѣ Иоаннѣ Антоновичѣ, с. 19—22. 24—25.

Сумароковъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, далъ выраженіе своимъ теоретическимъ понятіямъ о трагедіи и комедіи. О первой онъ говоритъ :

Творецъ находитъ путь
 Смотрителей своихъ чрезъ дѣйство умъ тронуть.
 Когда захочешь слезъ, введи меня ты въ жалость,
 Для смѣху предо мной представь мірскую шалость.
 Не представляй двухъ дѣйствъ къ смѣшенію мнѣ думъ :
 Смотритель къ одному своей устремляетъ умъ.
 Ругается смотря одинаго онъ страстью
 И безпокойствуетъ одинаго напастью...
 Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить
 И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить :
 Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить,
 Чтобъ я, забывшися, возмогъ тебѣ повѣрить,
 Что будто не игра то дѣйствіе твое,
 Но самое тогда случившесь бытіе.
 И не бренчи въ стихахъ пустыми мнѣ словами,
 Скажи мнѣ только то, что скажутъ страсти сами.
 Не здѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
 Чтобъ мнѣ, театръ твой зря, имѣючи за Римъ
 Не полетѣтъ въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину.

О комедіи :

Свойство комедіи — издѣвкой править нравъ :
 Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
 Представь бездушнова подъячева въ приказѣ,
 Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ ;
 Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
 Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ,
 Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
 Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
 Представь латынщика на диспутѣ ево,
 Который не совретъ безъ Ерго ничево ;
 Представь мнѣ гордова раздута какъ лягушку,
 Скупова, что готовъ въ удавку за полушку ;
 Представь картежника, который, снявши крестъ,
 Кричитъ изъ за руки съ фигурой сидя рестъ¹⁾.

1) Епистола о стихотворствѣ. Соч. I, с. 340—341. 342—343.

Въ своей собственной литературной дѣятельности, какъ авторъ трагедій и комедій, Сумароковъ старался добросовѣстно примѣнить усвоенныя имъ теоретическія воззрѣнія.

Для характеристики его въ области трагедіи большой интересъ представляетъ первая трагедія Сумарокова „Хоревъ“. Познакомимся съ ея содержаніемъ. По правиламъ новоклассической системы, трагедія должна была состоять изъ пяти дѣйствій: въ 1 д. должно было быть очерчено положеніе героевъ и указана трагическая сторона его, долженствующая въ послѣдствіи привести къ печальному концу; почти обязательной пружиной драматической коллизіи была борьба чувства (любви) съ долгомъ; дѣйствія 2, 3 и 4 должны были заключать самое развитіе дѣйствія, но въ сущности этого на сценѣ никогда не было: дѣйствія происходили за сценой, и зрителямъ о нихъ только рассказывали; специальную роль этихъ рассказчиковъ обыкновенно выполняли „наперстники“ и „наперстницы“ героевъ, пользующіеся довѣріемъ послѣднихъ и участвующіе въ ихъ интимныхъ дѣлахъ; герои же говорятъ болѣе о своихъ чувствахъ; въ 5 дѣйствіи должна быть представлена развязка — конечно, трагическая. Все это довольно точно выполнено въ „Хоревъ“. Слѣдуя примѣру Вольтера, С. взялъ содержаніе своей трагедіи изъ отдаленной русской старины. Въ 1 дѣйствіи на сценѣ является Оснельда, дочь прежняго Кіевскаго владѣтеля Завлоха, и Астрада, мамка Оснельды, а потомъ Хоревъ. Оказывается, что Завлохъ изгнанъ изъ своихъ владѣній, и городъ во власти побѣдителя Кія, брата Хорева, который служить въ его войскѣ. Оснельда открывается своей мамкѣ, что она любитъ Хорева, врага своего отца, и т. о. тутъ сразу открывается передъ зрителями трагическая пружина въ лицѣ Оснельды, у которой происходитъ борьба между чувствомъ любви къ Хореву съ одной стороны и сознаніемъ долга передъ отцомъ и его народомъ — съ другой. Хоревъ, которому Оснельда открываетъ свою любовь,

также испытываетъ въ своей душѣ подобную борьбу — чувства къ Оснельдѣ, которую онъ любитъ, съ долгомъ къ брату, который довѣряетъ ему начальство надъ войскомъ. Во 2 дѣйстви Стальверхъ, бояринъ Кія, извѣщаетъ послѣдняго о любви Хорева къ Оснельдѣ и внушаетъ ему подозрѣніе относительно брата. Хоревъ въ самомъ дѣлѣ уговариваетъ брата на миръ, но, подъ конецъ, въ сознаниіи долга, отправляется на сраженіе. Въ 3 дѣйстви Оснельда получаетъ письмо отъ отца, который запрещаетъ ей любить Хорева, и она уже заноситъ надъ собою мечъ, чтобы лишиться себя жизни, какъ Астрада спасаетъ ее отъ этого. Въ 4 дѣйстви оказывается, что Хоревъ побѣждаетъ Завлоха, и Кій уже готовъ вполне убѣдиться въ вѣрности брата, какъ Стальверхъ извѣщаетъ его о сношеніяхъ Оснельды съ отцомъ при помощи Хорева. Тогда Кій рѣшается отправить Оснельду, заточаетъ ее въ темницу и велитъ подать ей кубокъ съ ядомъ. Въ 5 дѣйстви является наперстникъ Хорева съ мечомъ плѣннаго Завлоха, что окончательно убѣждаетъ Кія въ невиновности брата; онъ спѣшитъ послать къ Оснельдѣ въ темницу, чтобы остановить отраву, но посланный находитъ ее уже мертвой. Между тѣмъ является и Хоревъ съ Завлохомъ, который даетъ свое согласіе на бракъ дочери съ Хоровомъ. Послѣдній, узнавъ о смерти Оснельды, закалывается, чѣмъ и заканчивается трагедія. — Не смотря на то, что содержаніе „Хорева“ взято было изъ русской старины, въ трагедіи совершенно отсутствуетъ подлинный историческій колоритъ. Сумароковъ не только не обладалъ для этого необходимыми познаніями, которыя въ то время, даже при всемъ желаніи, едва ли бы могъ и получить, но онъ совершенно не считалъ это нужнымъ; по правиламъ новоклассической теоріи требовалась не вѣрность дѣйствующихъ лицъ и положеній изображаемой эпохы, а по возможности искусное надѣленіе выводимыхъ „историческихъ“ лицъ мыслями и чувствами, интересными для со-

временниковъ автора трагедіи: съ этой точки зрѣнія, пьесы Сумарокова имѣють несомнѣнный историческій интересъ, помогающій намъ разобратъся въ понятіяхъ и вкусахъ мыслящихъ слоевъ русскаго общества середины XVIII вѣка.

Другія трагедіи С-ва, сюжеты которыхъ взяты изъ русской исторіи — а ихъ большинство —, написаны по тому же шаблону, какъ и Хоревъ.

Своеобразный интересъ имѣеть трагедія Сумарокова „Гамлетъ“, написанная вслѣдъ за „Хоревомъ“ и изданная въ 1748 году. Любопытнымъ представляется уже самое заимствованіе сюжета изъ Шекспира, который, по характеру своего творчества, совершенно не гармонировалъ съ французскими литературными кумирами нашего драматурга. Интересъ къ Шекспиру (о которомъ онъ отзывался такъ: „аглинскій трагикъ и комикъ, въ которомъ и очень хороша и чрезвычайно хорошева очень много“: Соч. I. 358—359), вѣроятно, внушенъ былъ Сумарокову со стороны Вольтера, который, въ предисловіи къ своей „Семирамидѣ“ (1746), далъ двойственную характеристику „Гамлета“, находя однако же въ авторѣ „высокія черты, достойныя величайшихъ геніевъ“; одновременно съ этимъ, данъ былъ неполный переводъ „Гамлета“ на французскій языкъ Делапласомъ въ его *Théâtre anglais* (II. 1746), отмѣтившимъ въ творествѣ Шекспира большія достоинства, что вызвало ожесточенныя нападки на Делапласа со стороны представителей новоклассической школы. Сумароковъ, до котораго могли дойти отголоски этихъ мнѣній и особенно Вольтера, отнесся къ своей задачѣ очень просто. Совершенно не упоминая имени Шекспира, онъ передѣлалъ „Гамлета“, сократилъ и урѣзалъ его до полной неузнаваемости, и впослѣдствіи, на упреки Тредьяковскаго въ заимствованіи, справедливо отвѣтилъ по этому поводу: „Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва-едва походитъ“. Изъ многихъ дѣйствующихъ лицъ въ Шекспировой трагедіи,

у Сумарокова оставлено только пять — король, королева, Гамлетъ, Полоній и Офелія; въ дополненіе имъ введены три новыхъ: Арманъ — наперстникъ Гамлетовъ, Флемина — наперстница Офелина и Ратуда — мамка Офелии. Пружина дѣйствія, согласно новоклассическому рецепту, лежитъ въ Гамлетѣ, отъ котораго отнята вся его глубокая и сложная психологія, и въ немъ происходитъ лишь обязательная борьба между любовью (къ Офелии) и долгомъ (местъ за убитаго отца); король Клавдій и Полоній являются отъявленными злодѣями; все дѣйствіе ведется черезъ наперстниковъ и наперстницъ. Въ пятомъ актѣ борьба чувства съ сознаниемъ долга у Гамлета разрѣшается побѣдой перваго, но подъ самый конецъ вѣстникъ приноситъ все-таки извѣстіе, что Полоній самъ покончилъ съ собою, чѣмъ удовлетворялось привычное чувство зрителя или читателя трагедіи ¹⁾.

Какъ упомянуто выше (с. 113), Сумароковъ, почти одновременно съ трагедіями, началъ писать и комедіи. Образцы онъ бралъ тоже изъ французской литературы, преимущественно изъ Мольера, о которомъ онъ отзывался такъ: „преславный французскій комикъ, или паче славнѣйшій изъ всѣхъ комиковъ на свѣтѣ“ (Соч. I, с. 354). Комедіи Сумарокова есть въ сущности легкіе фарсы, не дающіе намъ ни обрисовки характеровъ, ни чертъ русскаго быта или понятій той эпохи. По обычаю того времени, въ нихъ есть намекъ на отдѣльныя лица, но въ настоящее время вскрыть ихъ очень трудно. Въ „Трессотиніусъ“, напр., Тредьяковскій узналъ самого себя, а въ комедіи „Опекунъ“ есть совершенно ясное указаніе на печальную судьбу семьи С. П. Крашенинникова, извѣстнаго путешественника и изслѣдователя Камчатки въ XVIII в. Вотъ это любопытное мѣсто: „А честнова та человѣка дѣтки пришли милостины просить,

1) Подробнѣе объ этомъ у В. Солнцева: А. П. Сумароковъ какъ драматургъ. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Годъ третій, (1892—1893). Спб. 1894, с. 387—394.

которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетова царства и былъ во Камчатномъ государствѣ, а объ етомъ государствѣ написаль повѣсть; однако сказку то ево читають, а дѣтки то ево ходять по міру; а у дочекъ то ево крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплатахъ: даромъ то, что отецъ ихъ во Камчатномъ былъ государствѣ, и для того то, что они въ крашенинномъ таскаются платы, называютъ ихъ крашенинкиными“ (Соч. V. 12). Стремясь „издѣвкой править нравъ“, С. осмѣиваль, чисто виѣшнимъ образомъ, лишь слишкомъ общія черты: онъ выводилъ въ своихъ комедіяхъ „новоманерныхъ“ и „староманерныхъ“ людей, разумѣя подъ первыми слѣпыхъ и ограниченныхъ поклонниковъ иноземной новизны, а подъ вторыми косныхъ приверженцевъ стараго; первые обнаруживаютъ преимущественно легкомысленное увлеченіе виѣшностью, равнодушіе къ нравственнымъ вопросамъ, а вторые — суевѣріе и фанатизмъ, т. е. почти все то же, что мы видимъ въ сатирахъ Кантемира. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ не напоминають ничего русскаго: все это — безконечныя Оронты, Кларисы, Дюлижи и Кимары, при которыхъ неизмѣнно дѣйствуетъ хитрый слуга Пасквинъ; пороки и добродѣтели выведены какъ ходячіе манекены, безъ всякихъ признаковъ правдоподобія. И тѣмъ не менѣе комедіи Сумарокова далеко не остались безъ значенія въ исторіи русской сцены: онѣ были первыми непереводаемыми комедіями на русскомъ языкѣ, написанными живымъ и бойкимъ, по мѣстамъ впрочемъ грубоватымъ, языкомъ¹⁾.

Сумароковъ до конца жизни остался вѣрнѣе усвоеннымъ имъ въ молодости принципамъ новоклассической трагедіи; столь же послѣдовательно подражалъ онъ и французской комедіи той эпохи, ставя въ первомъ случаѣ своимъ образцомъ Расина и Вольтера, а во второмъ Мольера.

1) Подробнѣе о комедіяхъ С. въ сочиненіи Э. П. Берга: Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава 1912, с. 58—72.

Обнаруженная Сумароковымъ прямолинейность въ литературныхъ понятіяхъ была причиной того, что онъ пережилъ, какъ драматургъ, свою славу, и вынужденъ былъ подь конецъ жизни испытать большія огорченія, какъ писатель, отставшій отъ своей эпохи.

Въ самой Франціи конца XVII и нач. XVIII в. происходило замѣтное литературное движеніе, устанавливавшее критическое отношеніе къ старымъ литературнымъ авторитетамъ и указывавшее новые возможные пути въ развитіи французскаго театра. Это движеніе имѣло свои корни въ Англіи — и главнымъ образомъ въ творествѣ Шекспира. Созданный Шекспиромъ и отчасти его предшественниками свободный характеръ англійской литературы поставилъ послѣднюю въ полную противоположность господствовавшей своимъ авторитетомъ на континентѣ Европы литературѣ Франціи; послѣдняя существовала для двора, жившаго условными требованіями вкуса, тогда какъ англійская литература, и въ частности театръ, шли навстрѣчу потребностямъ народной жизни и стремились усвоить и осуществить принципы свободы художественнаго творчества; въ то время, какъ французская литература, переживая свой „золотой вѣкъ“, тщательно оберегала себя отъ воздѣйствій живой дѣйствительности (въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ знаменитый эпизодъ съ „Сидомъ“ Корнеля, когда здоровые творческіе инстинкты геніальнаго драматурга вошли въ коллизію съ застарѣлымъ авторитетомъ Французской Академіи), литература англійская охотно впитывала въ себя новыя вѣянія „романтизма“, „народности“ и воскрешенной средневѣковой „старины“, пролагая себѣ новые пути для дальнѣйшаго развитія. Уже въ самой Франціи въ первой половинѣ XVIII в. были люди, хорошо знакомые съ англійской литературой и жизнью и способные настоящимъ образомъ взвѣсить начавшееся новое движеніе, напр. Руссо и Корнель, однако для заслуженныхъ авторитетовъ французскаго новоклассицизма

было не подь силу поднять знамя новаго литературнаго движенія. Особенное вниманіе было обращено на комедію, наиболѣе способную осуществить требованія жизни. Въ комедіи царствовалъ Мольеръ, и на него обратились удары литературной критики. Фенелонъ, въ своемъ „Lettre à l'Académie Française“, ставилъ Мольеру въ упрекъ то, что онъ „въ угоду партеру утрировалъ характеры“, давалъ „привлекательный оттѣнокъ пороку и отталкивающую и комическую суровость добродѣтели“; Руссо прямо отрицалъ правоучительное значеніе комедій Мольера, а Мерсье указывалъ на то, что Мольеръ борется на сценѣ вовсе не съ „пороками“, а лишь съ смѣшными сторонами (les ridicules) человѣческой природы. Вскорѣ затѣмъ, подь вліяніемъ англійской правоучительной литературы конца XVII и нач. XVIII в., возникаетъ во Франціи особый родъ драматической поэзіи, имѣвшій цѣлью стать на смѣну комедіи Мольера: это была — слезная комедія (comédie larmoyante) и родственная ей „мѣщанская трагедія“ (tragédie bourgeoise). Въ этомъ родѣ особую извѣстность получила дѣятельность Детуша (1680—1754), Лашоссе (1692—1754), Дидро (1713—1784) и Бомарше (1732—1799), написавшихъ множество комедій, въ которыхъ, рядомъ съ правоучительнымъ содержаніемъ, введенъ былъ элементъ сантиментальности¹⁾. Это литературное движеніе въ области драмы (самый терминъ „драмы“ сталъ усваиваться именно произведеніямъ въ новомъ духѣ) нашло себѣ распространеніе, послѣ Англии и Франціи, также въ Германіи и Италіи, и не могло, конечно, миновать Россіи. Въ 1764 году появился русскій переводъ, сдѣланный Андреемъ Нартовымъ, англійской слезной коме-

1) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ движеніи можно найти въ трудахъ А. А. Чебышева: Очерки изъ исторіи европейской драмы. Англійская комедія конца XVII и половины XVIII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1897, №№ 4, 5; Очерки изъ исторіи европейской драмы. Французская слезная комедія. Филол. Записки 1900, вып. 3, 4—5, 6, и отдѣльно: Воронежъ 1901.

діи Лилло „Лондонскій купецъ или Приключенія Георга Барневеля“, но она прошла незамѣченной; въ 1765 году вышелъ переводъ комедіи Дидро „Чадолубивый отецъ“, сдѣланный Сергѣемъ Глѣбовымъ. Въ 1770 году былъ напечатанъ переводъ Николая Пушникова пьесы Бомарше „Евгенія“, поставленный еще до появленія его въ печати, въ концѣ 1769 года, на московской сценѣ и имѣвшій замѣчательный успѣхъ.

Сумароковъ еще ранѣе считалъ себя, какъ общепризнаннаго автора, затронутымъ этимъ новымъ родомъ комедій и въ 1769 году писалъ объ этомъ самому Вольтеру, жалуясь ему на пагубный, какъ казалось С-ву, поворотъ въ области драматической поэзіи. Письмо Сумарокова до насъ не сохранилось, но сохранился отвѣтъ на него Вольтера, напечатанный С-мъ въ предисловіи къ изданію Димитрія Самозванца (1770). „Я подписываюсь — говоритъ тутъ Вольтеръ — подо всѣмъ, что вы говорите о Мольерѣ и слезной комедіи, которая, къ стыду націи, замѣстила единственный истинный родъ комедіи, доведенный до совершенства неподражаемымъ Мольеромъ... Авторы, неспособные даже на хорошую шутку, захотѣли составлять комедіи единственно изъ-за денегъ. У нихъ нѣтъ достаточно силы ума, чтобы создавать трагедіи; у нихъ нѣтъ достаточной веселости, чтобы писать комедіи; они не умѣютъ заставить говорить даже лакея. Они соединили трагическія приключенія съ буржуазными именами“¹⁾. Какъ видно отсюда, Вольтеръ совершенно не сочувствовалъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что не сочувствовалъ новому литературному жанру во Франціи, не смотря на все свое знакомство съ Англіей и ея литературой. Можно себѣ представить, какую поддержку нашель Сумароковъ въ письмѣ къ себѣ прославленнаго, геніальнаго литературнаго корифея. „Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій — писалъ

1) И. Бѣлоруссовъ. Зачатки русской литературной критики. Филол. Записки 1889, вып. 5, с. 18—20.

онъ въ упомянутомъ предисловіи къ „Димитрію Самозванцу“ — ввелся тамъ [т. е. во Франціи], но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Молиѣрова; а у насъ по Театру почти еще и начала нѣтъ; такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустилъ онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру; но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ; нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала. А сіе рукоплесканіе переводчицъ оныя драмы, какой то подъячій, до небесъ возносить, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса Московской публики!.. Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ? и неужели вкусъ жителей Московскихъ сходняе со вкусомъ сево подъячева? Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ толь маломѣстно, коль непристойно лакею, хотя и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить его драмы и за порчу собирать себѣ деньги, или сѣзжавшимся видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи и думать, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ рассказывать исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи“¹⁾.

Дѣлаемые тутъ Сумароковымъ фактическіе намеки на „подъячаго“, на „княжичей и господичей московскихъ“, на порчу его драмъ на сценѣ противъ воли автора объясняются нѣкоторыми обстоятельствами, имѣвшими мѣсто въ январѣ

1) Соч. IV, с. 62—63.

1770 года. Весною 1769 года С. переселился изъ Петербурга въ Москву, и здѣсь многими непріятными чертами своего характера, среди которыхъ видную роль играли непомѣрное авторское самолюбіе и кичливость, скоро успѣлъ пріобрѣсти себѣ много враговъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ театру. Въ числѣ недоброжелателей Сумарокова оказался самъ московскій главнокомандующій, графъ П. С. Салтыковъ; среди лично обиженныхъ Сумароковымъ былъ обозванный С-вымъ подъячимъ переводчикъ „Евгеніи“ Ник. Пупниковъ, служившій въ штатѣ вліятельнаго графа К. Г. Разумовскаго. Желая сдѣлать С-ву непріятность, этотъ кружокъ лицъ, въ которомъ, кромѣ упомянутыхъ, была княгиня В. П. Голицына, княжна Куракина и др., рѣшили устроить знаменитому писателю публичный скандалъ: противъ воли автора на сценѣ театра Бельмонти была поставлена 31 января 1770 года трагедія Сумарокова „Синавъ и Труворъ“; составъ исполнителей, изъ которыхъ нѣкоторые приняли участіе въ этомъ скандалѣ по принужденію, былъ неудачный и случайный, играли — частію намѣренно — плохо, соотвѣтственно настроенные зрители изъ посвященныхъ въ исторію вели себя вызывающе. Сумароковъ не въ состояніи былъ остановить этого направленнаго противъ него позора со стороны вліятельныхъ „княжичей и господичей“ московскихъ, и излилъ свое настроеніе въ особой элегій:

Въ сей часъ, среди Москвы Синава представляютъ,

И вотъ какъ автора достойно прославляютъ:

Играйте, говорятъ, во мзду его уму,

Играйте пакостно за трудъ на зло ему!

Збираются ругать меня враги и други —

Сіе ли за мои, Россія, мнѣ услуги? ¹⁾

Этотъ скандальный эпизодъ ²⁾, столь печально характеризующій нравы и понятія московской чиновной и не чи-

1) Соч. IX. 93.

2) Не могу согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ Б. В. Варнеке (А. П. Сумароковъ и слезная комедія. Р. Ф. В. 1906. № 1—2,

новной знати XVIII в., имѣлъ со стороны обиженнаго автора продолженіе: желая реабилитировать себя въ глазахъ Императрицы, онъ обращался къ Екатеринѣ II съ рядомъ писемъ, въ которыхъ жаловался на козни своихъ враговъ; въ отвѣтъ своемъ (на письма С—ва отъ 26 января и 1 февраля 1770) Императрица совѣтовала Сумарокову избѣгать впредь подобныхъ ссоръ, чѣмъ сохранить онъ спокойствіе духа, необходимое для литературныхъ занятій, а ей всегда пріятнѣе будетъ видѣть выраженіе страстей въ его трагедіяхъ, нежели въ его письмахъ¹⁾. Считаая себя польщеннымъ столь милостивымъ вниманіемъ и видя въ письмѣ Императрицы полное оправданіе себѣ, С. усердно распространялъ по Москвѣ копіи съ него, но содержимое его, понятое врагами С-ва совсѣмъ не въ его пользу, дало поводъ къ новымъ насмѣшкамъ надъ Сумароковымъ, и онъ снова обратился къ защитѣ государыни; однако та велѣла Козицкому написать Сумарокову, что болѣе отвѣчать ему не будетъ, но „желаетъ здравствовать, а не лишиться жизни, здравія и ума“, какъ о томъ онъ пишетъ въ своихъ письмахъ²⁾.

Обладая большой литературной разносторонностью, Сумароковъ писалъ также оды (торжественныя и „разныя“ — между прочимъ т. наз. „вздорныя“), духовныя стихотворенія и переложенія псалмовъ, элегіи, эклоги, идилліи, „стансы“, сонеты, „надписи“, эпиграммы³⁾. Какъ лирикъ, онъ не обнаружилъ самостоятельнаго дарованія. Гораздо болѣе подготовленъ онъ былъ къ дѣятельности въ области сатиры. С. оставилъ послѣ себя нѣсколько „сатиръ“ (впервые напечатаны

с. 239—242), будто именно этотъ случай и возбудилъ нерасположеніе С-ва къ „слезной комедіи“: какъ мы видимъ, такое отношеніе С—ва къ новому литературному жанру имѣло за собою гораздо болѣе глубокое основаніе.

1) С. Глинка. Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова. I, с. 104—106.

2) М. Лонгиновъ, назв. ст., с. 1670—1685.

3) Н. Буличъ, назв. соч., с. 105—123.

въ 1774 году) и большое количество „притчей“, или басень (1763—1769). Сумароковская сатира не представляет той величественной важности, какую мы видимъ у Кантемира: она гораздо легче, непринужденнѣе, короче и иногда — грубѣе. Сатира „О французскомъ языкѣ“, написанная на модную тему о французоманіи, начинается такими словами:

Взрощенъ дитя твое и сталь уже дѣтина;
Учился, наученъ, учился, сталь скотина:
Къ чему, что твой сынокъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?..¹⁾

Любимымъ объектомъ его обличеній являлись „худые судьи“:

На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ,
Дабы законами губити имъ невинныхъ?
О взяткахъ такъ иной стремится бредни плестъ:
Присягу рушу ль я, когда даютъ за честь?
За честь! И подлинно ты далъ ее въ продажу.
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:
Ему не ввѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судить никогда²⁾.

Въ сатирѣ „О благородствѣ“ онъ негодуетъ, обращаясь къ дворянству:

На толь дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ — земли одушевленный комъ³⁾.

„Притчи“ Сумарокова въ свое время высоко цѣнились современниками за ихъ грубоватую простоту, ясность и нерѣдко личные нападки на отдѣльныхъ лицъ, что въ настоящее время уже невозможно прослѣдить. Въ „притчахъ“ онъ обрабатываетъ почти тѣ же темы, что и въ сатирахъ — то общіе, то специально русскіе недостатки тогдашней жизни,

1) Соч. VII, с. 368.

2) Соч. VII, с. 366.

3) Соч. VII, с. 360.

накладывая на них нерѣдко яркій національно-бытовой колорит¹⁾.

Наконецъ, среди литературныхъ заслугъ Сумарокова должна быть отмѣчена его дѣятельность какъ журналиста и литературнаго критика.

„Трудолюбивая Пчела“ С—ва, издававшаяся имъ въ 1759 году (2 изд. Спб. 1780) была первымъ частнымъ журнальнымъ предпріятіемъ въ Россіи. Въ этомъ дѣлѣ у С. почти не было сотрудниковъ, если не считать переводовъ Гр. Козицкаго и Ник. Мотониса, а также статьи Тредьяковскаго „О мозаикѣ“, вызвавшей большую досаду со стороны Ломоносова; въ остальномъ, страницы журнала наполнены были прозаическими статьями самого издателя съ сатирой на нравы и литературныя явленія того времени. Веденіе журнала въ теченіе года сопровождалось для Сумарокова, при извѣстныхъ чертахъ его характера, разными неприятностями. Это были не только матеріальныя затрудненія, естественныя при тогдашнемъ маломъ количествѣ платныхъ читателей и полной новизнѣ дѣла, но и сношенія съ цензурой, которая предоставлена была Академіи Наукъ. По порученію послѣдней, цензоромъ „Трудолюбивой Пчелы“ былъ сначала профессоръ Никита Поповъ, вскорѣ однако же отказавшійся отъ этихъ обязанностей, ссылаясь на невозможность поладить съ придирчивымъ, строптивымъ и грубымъ издателемъ; мѣсто его занялъ, въ роли цензора, профессоръ Семень Котельниковъ, но и онъ вызвалъ со стороны С—ва „великое неудовольствіе“, вслѣдствіе чего — писалъ Котельниковъ — „опасаясь ссоры и худыхъ слѣдствій, принужденъ я многія вещи безъ поправки пропускать“²⁾. Въ концѣ года изданія, Сумароковъ пришелъ къ

1) Подробнѣе объ этомъ въ трудахъ: К. Иващенко. Очеркъ содержания сатиръ А. Сумарокова. Нѣжинъ 1874. — К. Заусцинскій. Басни А. П. Сумарокова. Историко-литературный очеркъ. Варшава 1884.

2) Н. Буличъ, назв. соч., с. 182—183.

мысли о необходимости прекратить его, и выразилъ свое огорченіе въ слѣдующихъ стихахъ, заканчивающихъ все изданіе:

Для множества причинъ,
Противно имя мнѣ писателя и чинъ;
Съ Парнасса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пуцаго я жара моево
И не взойду посмерть я больше на нево:
Судьба моей то доли!
Прощайте музы навсегда,
Я болѣе писать не буду никогда!

Конечно, впечатлительный писатель не выполнилъ этого своего намѣренія, продиктованнаго вспышкой и временнымъ упадкомъ духа. Журналъ Сумарокова не могъ имѣть большого успѣха уже и потому, что наполненъ былъ, со стороны самого издателя, въ значительной своей части полемикой по вопросамъ языка и правописанія: тутъ мы находимъ статьи „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“, „О коренныхъ словахъ русскаго языка“ и др., гдѣ С. по своему отстаиваетъ чистоту русской рѣчи и, во многихъ частностяхъ своихъ разсужденій, входитъ въ споръ съ Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ.

Какъ литературный судья чужихъ произведеній, С. не лишенъ былъ нѣкоторыхъ правильныхъ общихъ воззрѣній. Въ статьѣ „О неестественности“, помѣщенной въ „Трудолюбивой Пчелѣ“, онъ говоритъ: „Пришли мнѣ на умъ тѣ стихотворцы, которые, слѣдуя единымъ только правиламъ, а иногда и единому желанію полсти на Геликонъ, ни мало не входя въ страсть и ничего того, что имъ предлежитъ, не ощущая, пишутъ только то, что имъ скажетъ умствованіе или невѣжество, не спрашиваясь съ сердцемъ или паче не имѣя удобства подражать естества простотѣ, что всево писателю труднае, кто не имѣетъ особливаго дарованія, хотя простота естества издали и легка кажется“ (2 изд., с. 239—240). С. понималъ „простоту“ поэтическаго творчества въ

смыслъ ясности и опредѣленности новоклассической теории, будучи далекъ, конечно, отъ мысли о реализмѣ литературнаго замысла и выраженія; идеаль послѣдняго укладывался для него лишь въ понятіи „чистоты“ языка, свободы его отъ чужеземныхъ элементовъ: „что похвальнѣе естественной простоты, искусствомъ очищенной, и что глупѣе сихъ людей, которые внѣ естества хитростей ищутъ?“ (Соч., IX, с. 277).

Выступая въ своихъ критическихъ отзывахъ противъ сочиненій Тредьяковскаго и Ломоносова („Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова“, „Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ“, „Отвѣтъ на критику“ и др.), Сумароковъ обнаруживаетъ лишь мелкую придирчивость къ частностямъ; обращая вниманіе исключительно на стиль или промахи — по мнѣнію критика — въ грамматикѣ и словарѣ. Сводъ своихъ воззрѣній на языкъ, какъ органъ литературнаго выраженія, С. далъ въ замѣчательной для своего времени „Епистолѣ о русскомъ языкѣ“ (Соч. I, с. 331—335).

Сумароковъ умеръ 1 октября 1777 года, въ Москвѣ, въ стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, въ отчужденіи отъ родныхъ и близкихъ. Смерть его въ русскомъ обществѣ не возбудила особеннаго вниманія, и даже, не отмѣченная памятникомъ, могила его въ Донскомъ монастырѣ остается въ точности неизвѣстной.

5.

Другія литературныя явленія эпохи.

1. Научные труды при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. — Академики Ломоносовъ, Г. Фр. Миллеръ и Г. З. Байеръ. — Я. П. Коль; Я. Штедлинъ; Ад. Селлій. — Профессора Московскаго университета А. А. Барсовъ и Н. Н. Поповскій.

Какъ бы обширна и разнообразна ни была рассмотрѣнная нами дѣятельность трехъ „корифеевъ“ русской литературы въ теченіе четырехъ десятилѣтій послѣ Петра Вели-

каго, однако ею далеко не исчерпываются факты и даже самый характер того литературнаго возбужденія, которое подготовило собою русскую литературу второй половины XVIII в., или т. н. Екатерининской эпохи. Рядъ кратковременныхъ, смѣнявшихъ одно другое, царствованій послѣ смерти Петра I и затѣмъ сравнительно продолжительное царствованіе Елизаветы Петровны внесли въ русскую жизнь того времени много неожиданнаго и логически непримиримаго въ своихъ основныхъ элементахъ; русское общество пережило рядъ испытаній и тяжелыхъ историческихъ вѣдѣній, но оно во всѣхъ отношеніяхъ росло, обнаруживая жажду культурной жизни и неуклоннаго движенія впередъ. Духовные запросы и стремленіе къ просвѣщенію — правда, ограниченныя небольшимъ кругомъ высшаго общества и главнымъ образомъ лишь въ формахъ простаго подражанія Западу — порождали дѣятельность Академіи Наукъ и вновь основаннаго (1755) Московскаго университета, создавали почву для возникновенія ученыхъ и литературныхъ журналовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалась литературная дѣятельность въ нѣдрахъ высшей духовной школы, не переставали выходить переводы разнообразныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ. Въ этой области мы не имѣемъ именъ столь же извѣстныхъ въ свое время, какъ имена Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова; тѣмъ не менѣе относящіеся сюда литературные факты вполнѣ заслуживаютъ вниманія историка. Мы остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ научной литературы и на періодическихъ изданіяхъ первой половины XVIII вѣка.

Стремленіямъ къ наукѣ не чужда была и собственно Петровская эпоха; научными элементами съ фактической и формальной стороны изобилуютъ сочиненія Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича, Татищева и даже Кантемира, но они проникнуты духомъ схоластики, наивнымъ практицизмомъ и отсутствіемъ внутренней свободы, безъ которой

самое понятіе науки не мыслимо. Послѣ Петра Великаго эти научныя стремленія расширяются, но, по прежнему чуждыя свободы изслѣдованія, освобождаясь мало по малу отъ схоластической шелухи, подпадаютъ въ большинствѣ случаевъ подъ воздѣйствіе политическихъ условностей и наукообразнаго фантазерства.

Изъ области русской исторіи, кромѣ упомянутой уже ¹⁾ „Исторіи Россійской“ В. Н. Татищева, не можетъ быть обойдена молчаніемъ „Древняя Россійская Исторія“ Ломоносова. Она представляетъ собою въ сущности лишь начало обширнаго по замыслу труда Ломоносова, въ которомъ изложеніе доведено только до 1054 года; книга эта была написана Л-мъ по желанію императрицы Елизаветы Петровны и выпущена въ свѣтъ лишь послѣ смерти автора, въ 1766 году ²⁾. Ломоносовъ былъ мало подготовленъ къ составленію этого историческаго труда, и послѣдній имѣетъ не столько научное, сколько литературное значеніе, отражая на себѣ стиль и литературную манеру знаменитаго писателя въ духѣ торжественнаго новоклассицизма. Первая часть сочиненія Ломоносова, трактующая „о Россіи прежде Рурика“, наполнена ссылками и критическимъ разборомъ многихъ иностранныхъ источниковъ и научныхъ сужденій; вторая же („отъ начала княженія Рурика до кончины Ярослава Перваго“) имѣетъ главнымъ образомъ повѣствовательный характеръ на основаніи Нестора. Будучи написанъ по заказу верховной власти, весь трудъ Ломоносова проникнутъ приподнятымъ патріотическимъ настроеніемъ, въ искренности котораго у Ломоносова, впрочемъ, нельзя сомнѣваться. Еще задолго до написанія „Древней Россійской Исторіи“, почти въ первые годы своей академической службы, Ломоносовъ выразилъ склонность трактовать вопросы русской исторіи въ нѣсколько одностороннемъ направленіи, считаясь съ тре-

1) Русская Литература. Древній періодъ. Изд. 2, с. 451.

2) Соч., подъ ред. М. И. Сухомлинова, V. 242—370.

бованіями не одной только науки, но и жизненной практики. Именно, въ 1749 году ему пришлось, по порученію академическаго начальства, выступить рецензентомъ рѣчи, приготовленной Г. Фр. Миллеромъ для произнесенія на торжественномъ собраніи Академіи Наукъ и касавшейся вопроса „о происхожденіи народа и имени русскаго“. Въ своемъ отзывѣ Ломоносовъ не ограничился научными опроверженіями положеній Миллера, отрицавшихъ мнѣніе о происхожденіи имени „россіянь“ отъ „роксоланъ“ и о глубокой древности ихъ исторіи; онъ присоединяетъ къ этому свое опасеніе, „не предосудительно ли славѣ руссійскаго народа будетъ, ежели его происхожденіе и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, въ чемъ другіе народы себѣ чести и славы ищутъ“, и что „ежели положить, что Рюрикъ и его потомки, владѣвшіе въ Россіи, были шведскаго рода, то не будутъ ли изъ того выводить какого опаснаго слѣдствія?“¹⁾ Указанная точка зрѣнія Ломоносова представляется тѣмъ болѣе характерной для него, что разсматривавшій одновременно съ нимъ диссертацию Миллера Тредьяковскій — правда, отчасти изъ соперничества съ Ломоносовымъ — нашель возможнымъ въ общемъ принять положенія автора и требоваль только въ ней кое-что „перемѣнить, исправить, умяхчить, выпѣвить“, ссылаясь на то, что „благопристойность и предосторожность требуютъ, чтобъ правда была предлагаема нѣкоторымъ пріятнѣйшимъ образомъ“²⁾. Впрочемъ, тотъ же Тредьяковскій съ большой настойчивостью опровергалъ, руководясь исключительно патріотическими побужденіями, въ своихъ „Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ руссійскихъ“ (изд. въ 1773), взгляды другаго иностранца, академика Г. З. Байера, на вопросъ о происхожденіи варяговъ, опубликованные главнымъ образомъ въ латинскихъ „Комментаріяхъ“ Петербургской Академіи

1) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ, II, с. 906.

2) Тамъ же, II, с. 247.

Наукъ; еще съ большей рѣзкостью осуждалъ мнѣнія Байера Ломоносовъ¹⁾.

Гораздо болѣе свободны были отъ примѣси политическихъ тенденцій труды, посвященные другимъ областямъ научнаго знанія, нежели русская исторія. Но этихъ трудовъ было въ разсматриваемый періодъ весьма немного. Особенный интересъ для насъ въ данномъ случаѣ имѣютъ работы по теоретическимъ и историческимъ вопросамъ русскаго языка и литературы. Съ сочиненіями Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова въ этой области мы уже знакомы²⁾.

Въ нѣдрахъ Академіи Наукъ изъ иностранцевъ этими вопросами интересовались Коль и Штелинъ. Академикъ Я. П. Коль, еще до переѣзда въ Россію, издалъ въ Килѣ въ 1723 году сочиненіе „Ecclesia graeca lutheranizans“, а затѣмъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ (1725—1727), напечаталъ, по возвращеніи въ Германію, книгу „Introductio in historiam et rem litterariam slavorum, imprimis sacram, sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta“ (Altona, 1729); здѣсь авторъ обнаруживаетъ не только интересъ къ вопросамъ церковнаго просвѣщенія и литературы въ Древней Руси, но и выбираетъ для своего изслѣдованія столь важный вопросъ, какъ переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Онъ утверждаетъ, что переводъ этотъ сдѣланъ не Иеронимомъ, какъ утверждали нѣкоторые западные историки, а Кирилломъ и Меѳодіемъ, жизнеописаніе которыхъ, на основаніи извѣстій Стредовскаго (*Sacra Moraviae historia*, 1710), онъ прилагаетъ къ своей книгѣ. Въ трудѣ Коля дано описаніе печатныхъ библій Острожской (1581) и Московской (1663); экземпляръ послѣдней онъ видѣлъ, между прочимъ, у Теофана Прокоповича въ Петербургѣ. Въ приложеніи ко второй части

1) П. Пекарскій, назв. с., II, с. 230—231. 433—434.

2) Ср. выше, с. 25—35. 93—101. 114—118.

сочиненія, посвященной жизни и сочиненіямъ Ефрема Сирина, помѣщенъ, латинскими буквами, древне-русскій текстъ двухъ „словъ“ Ефрема; какъ это приложеніе, такъ и вообще все сочиненіе съ несомнѣнностью показываютъ, что Коля изучилъ довольно основательно русскій языкъ, несмотря на свое весьма краткое пребываніе въ Россіи. Онъ интересовался древне-русскими рукописями и оставилъ намъ интересное свидѣтельство о состояніи рукописнаго дѣла въ Россіи въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка. Самая постановка вопросовъ въ трудѣ Коля, являвшаяся въ тогдашней разработкѣ древней русской письменности новостью, отводитъ этому труду нѣмецкаго академика весьма видное мѣсто въ лѣтописяхъ литературной русской историографіи, и въ методологическомъ отношеніи оставляетъ за собою многіе труды изъ той же области, принадлежащіе гораздо болѣе позднему времени¹⁾.

Академику Я. Штелину (род. 1709) принадлежитъ составленная на нѣмецкомъ языкѣ „записка“ о русскихъ писателяхъ, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ 1732—1763 годовъ; подлинникъ ея до сихъ поръ не отысканъ, а русскій переводъ впервые напечатанъ былъ М. П. Погодинымъ въ „Москвитянинѣ“ 1851 № 2 и оттуда перепечатанъ въ „Матеріалахъ для исторіи русской литературы“ П. А. Ефремова (1867), с. 161—167. Въ „запискѣ“ дается нѣсколько краткихъ, но для своего времени весьма любопытныхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Тредьяковскомъ, Барковѣ, Херасковѣ и другихъ русскихъ писателяхъ то біографическаго, то литературнаго содержанія. Это какъ бы отрывокъ перваго опыта біографическаго словаря русскихъ писателей, оставшіяся необработаннымъ. Кромѣ того, Штелинь интересовался театромъ и даже напечаталъ статьи „О музыкѣ и театральномъ искусствѣ въ Россіи“, „Къ исторіи русскаго театра въ

1) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ, I, с. 77—81.

Россіи“, „Извѣстія о театральномъ искусствѣ и балетахъ въ Россіи“¹⁾; послѣднія двѣ статьи были позднѣе переведены на русскій языкъ и напечатаны въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1779, с. 83—95. 243—258. Изъ другихъ работъ въ той же области заслуживаютъ быть отмѣченными труды Ад. Селлія и С. Г. Домашнева. Первый (Адамъ-Бурхардъ Селлій, Sellius), датчанинъ родомъ, переселился въ Россію въ 1722 году и, усумнившись въ правильности лютеранской вѣры, перешелъ въ 1744 году въ православіе, въ слѣдующемъ году принялъ монашество, съ именемъ Никодима, и въ 1746 году умеръ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Большой любитель книжныхъ занятій, онъ напечаталъ въ 1736 году въ Ревелѣ, книжку подъ заглавіемъ „Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt“ (русск. пер. М. 1815: „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную россійскую исторію. Соч. Адама Селлія“). Въ этомъ сочиненіи перечислены почти всѣ иностранные и русскіе труды и писатели, говорящіе хотя что-нибудь о Россіи; число этихъ писателей простирается тутъ до 164, не считая сочиненій безыменныхъ; сочиненіе посвящено авторомъ сенатору А. Л. Нарышкину. Трудъ С. Г. Домашнева носить названіе „О стихотворствѣ“ и напечатанъ въ московскомъ журналѣ „Полезное Увеселеніе“ 1762, май и іюнь; перепечатанный позднѣе у П. А. Ефремова²⁾, онъ заключаетъ въ себѣ сначала введеніе историческаго характера, о стихотворствѣ вообще, а затѣмъ краткія историческія свѣдѣнія о стихотворствѣ у отдѣльныхъ народовъ въ частности, въ томъ числѣ и „о стихотворствѣ россійскомъ“ (у Ефремова, с. 190—193), гдѣ охарактеризована литературная дѣятельность Симеона Полоцкаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Тредьяковскаго, Антиоха Кантемира, Поповскаго. Сочиненіе

1) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ, I, с. 415. 557.

2) Матеріалы для исторіи русской литературы, с. 168—195.

С. Г. Домашнева носитъ характеръ краткаго, поверхностнаго обзора, что сознаеть и самъ авторъ, заявляя въ концѣ, что онъ „не писалъ исторіи о семъ предметѣ“, а изложилъ лишь то, что „могъ почерпнуть изъ чтенія, присовокупляя къ тому свои разсужденія“¹⁾.

Изъ дѣятелей Московскаго университета, оказавшихъ своими трудами услуги русской наукѣ, заслуживаютъ здѣсь упоминанія А. А. Барсовъ и Н. Н. Поповскій, оба питомцы академическаго университета въ Петербургѣ.

Николай Никитичъ Поповскій (род. около 1730, ум. 1760) не смотря на краткость своей жизни, оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ лѣтописяхъ Московскаго университета, куда онъ былъ назначенъ профессоромъ философіи при его основаніи. При вступленіи своемъ на кафедру, Поповскій произнесъ рѣчь на тему „о пользѣ и важности теоретической философіи“. Ученикъ Ломоносова, Поповскій былъ вольфіанцемъ въ философіи. Названная рѣчь его, не изобилуя самостоятельными изысканіями въ области философіи, какъ науки, интересна главнымъ образомъ, какъ одно изъ самыхъ раннихъ выраженій той мысли, что русскій языкъ пригоденъ для выраженія всякихъ понятій и что, слѣдовательно, въ Россіи онъ вполне способенъ быть языкомъ науки, рядомъ съ общеупотребительнымъ тогда латинскимъ. Онъ говорилъ: „Вѣкъ философіи не кончился съ Римомъ; она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы причиняемъ ей великій стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ Греками; изъ Греціи переманили ее Римляне; она римской языкъ переняла весьма въ короткое время, и несомнѣнною красотой разсуждала по-римски, какъ незадолго прежде по-гречески. Не можемъ

1) Тамъ же, с. 195.

ли и мы ожидать подобнаго успѣха въ Философіи, какой получили Римляне?.. Что же касается до изобилія російскаго языка, въ томъ передъ нами Римляне похвалиться не могутъ. Нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было не возможно. Что жъ до особливыхъ надлежащихъ къ Философіи словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ слова греческія, у коихъ взяли Философію, переводили по-римски, а коихъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ тожъ и мы учинить можемъ... Итакъ, съ Божіимъ споспѣшествованіемъ, начнемъ Философію не такъ, чтобы разумѣль только одинъ изо всей Россіи или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый російской языкъ разумѣющій могъ удобно ею пользоваться¹⁾. Въ послѣдующіе годы своей службы въ Московскомъ университетѣ Поповскій сочинилъ посланіе И. И. Шувалову „О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества“ (1756), являющееся, по своей литературной формѣ, однимъ изъ удачнѣйшихъ подражаній знаменитому Ломоносовскому „Письму о пользѣ стекла“, обращенному къ тому же Шувалову, а въ 1757 году напечаталъ²⁾ свой переводъ поэмы англійскаго поэта-моралиста Попе „Опытъ о человѣкѣ“; исполненіе самаго перевода Поповскаго относится еще къ годамъ его ученья въ Академіи Наукъ. Этотъ трудъ студента Поповскаго, быть можетъ предпринятый по совѣту Ломоносова, былъ горячо одобренъ послѣднимъ въ особомъ представленіи И. И. Шувалову, которому Ломоносовъ рекомендовалъ въ 1753 году Поповскаго на должность ректора гимназіи при Академіи Наукъ. Переводъ знаменитой англійской дидактической поэмы былъ сдѣланъ

1) С. Шевыревъ. Біографія Поповскаго, въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, II, с. 309—310.

2) Исторія этого изданія рассказана Н. С. Тихонововымъ: Соч. III, 1, с. 82—89.

Поповскимъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода; тѣмъ не менѣе онъ обратилъ на себя общее вниманіе при своемъ появленіи въ печати. Одинъ изъ близкихъ современниковъ этого литературнаго событія, Н. И. Новиковъ, даетъ о трудѣ Поповскаго такой отзывъ: „Опытъ о чловѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Попія перевелъ онъ съ французскаго языка на російскій съ такимъ искусствомъ, что, по мнѣнію знающихъ людей, гораздо ближе подошелъ къ подлиннику и не зная англійскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ французскаго, перевелъ въ стихи и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ“¹⁾. Серьезный и во многихъ мѣстахъ отвлеченный характеръ этого труда Поповскаго и побуждаетъ насъ отнести совершеніе его къ числу заслугъ переводчика, оказанныхъ имъ научно-философскимъ стремленіямъ своего времени въ тогдашней Россіи. Мысль Поповскаго пользоваться русскимъ языкомъ для преподаванія философіи въ университетѣ возбудила противъ него неудовольствіе профессоровъ-иностранцевъ, и, вѣроятно, не безъ связи съ этимъ явился подъ конецъ службы Поповскаго въ университетѣ переводъ его на кафедру „элоквенціи“. Необычайно ранняя, въ 30-лѣтнемъ возрастѣ, въ полномъ смыслѣ преждевременная смерть Поповскаго, его уклоненіе отъ административныхъ должностей въ университетѣ и горячее стремленіе къ учено-литературнымъ трудамъ, наконецъ — оставленное имъ послѣ себя литературное наследство заставляютъ смотрѣть на него какъ одну изъ несбывшихся надеждъ русской науки на ранней зарѣ ея робкаго еще существованія.

1) Опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ. Собралъ Николай Новиковъ. Спб. 1772, въ „Матеріалахъ“ П. А. Ефремова, с. 84.

Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ (1730—1791), сынъ преподавателя греческаго языка въ Московской Спаской монастырской школѣ и впослѣдствіи директора типографіи, прошедшій предварительно духовную школу, получилъ высшее образованіе, вмѣстѣ съ Поповскимъ, въ академическомъ университетѣ. Ученикъ Тредьяковскаго и Ломоносова, онъ возбуждалъ большія надежды своихъ учителей, среди которыхъ были Рихманъ, Фишеръ и др. Первоначальной спеціальностью Барсова была математика, и, при основаніи Московскаго университета, онъ былъ, по просьбѣ И. И. Шувалова, назначенъ въ 1755 году на кафедру математики; однако въ 1761 году, послѣ смерти Поповскаго, онъ переведенъ былъ на кафедру „краснорѣчія“, т. е. фактически русской словесности. При тогдашнемъ энциклопедизмѣ высшаго научнаго образованія, подобныя перемѣны были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Но что словесныя науки и занятія составляли подлинное призваніе Барсова и всего болѣе отвѣчали его природнымъ склонностямъ, это видно изъ того, что на кафедрѣ краснорѣчія Барсовъ остался до конца своей жизни, прослуживши университету, въ качествѣ профессора-словесника, цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на литературу Барсовъ былъ послѣдователемъ, въ области реторики, лейпцигскаго профессора І. А. Эрнести (1707—1781), а по вопросамъ пѣтики — знаменитаго гуманиста своего времени, французскаго іезуита Ж. Жуванси (1643—1719). Согласно тогдашнему положенію науки словесности на Западѣ, Барсовъ былъ прежде всего теоретикомъ, но и онъ, подобно своему товарищу Поповскому въ области философіи, выдвигалъ вездѣ, гдѣ можно, на видное мѣсто русскій языкъ и отечественную литературу; въ этой послѣдней области кумиромъ и руководителемъ Барсова былъ его учитель Ломоносовъ. „Какъ на выдающуюся особенность въ преподаваніи Барсова — говорить его біографъ, акад. Сухомлиновъ — можно и должно указать на то, что

онъ обращалъ вниманіе на взаимную связь литературныхъ произведеній, и при объясненіи какого-либо писателя сравнивалъ его съ другими писателями. Весьма замѣчательно также, что основы для своихъ выводовъ искалъ онъ въ произведеніяхъ и понятіяхъ самихъ писателей. Такимъ образомъ, онъ объяснялъ ораторскія произведенія Ломоносова на основаніи его собственной риторики и грамматики¹⁾.

Научные труды А. А. Барсова посвящены были разнообразнымъ вопросамъ, но среди нихъ занимаютъ видное мѣсто, съ одной стороны, совершенные позднѣе описываемаго нами періода — „Краткія правила російской грамматики“ (1771) и „Грамматика російская, составленная по порученію комиссіи о народныхъ училищахъ“ (1785—1788) или „Собраніе 4291 древнихъ русскихъ пословицъ“ (М. 1770), а съ другой — рѣчь его „О пользѣ краснорѣчія въ Россійской Имперіи“, говоренная имъ въ Московскомъ университетѣ при началѣ преподаванія по новой каѳедрѣ въ 1761 году, однако до сихъ поръ неизвѣстная ни въ печати, ни въ рукописи. Въ конечныхъ результатахъ своей дѣятельности на поприщѣ обработки русскаго языка и словесности, Барсовъ во многомъ идетъ по слѣдамъ Ломоносова, пользуясь его матеріалами и методомъ; болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе его попытка собрать воедино нѣсколько тысячъ русскихъ пословицъ, и хотя этотъ трудъ неполный, лишенный опредѣленнаго плана, включающій много неподходящаго сюда неподлиннаго или искаженнаго матеріала, однако, какъ фактъ большого интереса къ продуктамъ устнаго народнаго творчества въ ту пору, заслуживаетъ полнаго признанія; наконецъ, Барсову принадлежитъ немало рѣчей, говоренныхъ имъ на разныя темы въ публичныхъ собраніяхъ Московскаго университета. Вообще же, вопросъ о принадлежности тѣхъ или другихъ произведеній Барсову въ нѣ-

1) М. Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи. IV. Спб. 1878, с. 205—206.

которыхъ случаяхъ, несмотря на тщательныя разысканія М. И. Сухомлинова, нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ и освѣщеніи¹⁾.

2. Начало періодической печати въ Россіи. — Куранты. — Первые русскія „вѣдомости“ эпохи Петра Великаго (1703—1727). — Періодическія изданія Академіи Наукъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (съ 1728 года), „Примѣчанія“ (1728. 1729—1742), „Ежемѣсячныя Сочиненія“ Г. Фр. Миллера (1755—1764). — Праздное время въ пользу употребленное“ (1759—1760). — Изданія при Московскомъ университетѣ: „Московскія Вѣдомости“ (съ 1756 года), „Полезное увеселеніе“ (1760—1762).

На первую половину XVIII в. падаетъ и начальный періодъ въ развитіи русской газеты и журнала. Въ своемъ мѣстѣ¹⁾, въ связи съ личнымъ участіемъ Петра Великаго въ литературномъ движеніи своей эпохи, мы упомянули о возникновеніи въ началѣ 1703 года первыхъ русскихъ „Вѣдомостей“. Но, имѣя въ виду остановиться въ данномъ случаѣ нѣсколько подробнѣе на начаткахъ русской періодической литературы, мы должны оглянуться немного назадъ.

Зарожденіе у насъ самой идеи періодическаго ознакомленія съ текущей жизнью, первоначально лишь иноземной, связывается съ именемъ т. н. „курантовъ“. Въ первыя же десятилѣтія XVII вѣка, когда, съ окончаніемъ борьбы за свою государственность, Россія вступила въ болѣе или менѣе регулярныя политическія сношенія съ Западной Европой, обнаружилась нужда въ правильной освѣдомленности о событіяхъ западно-европейской жизни. На первыхъ порахъ этому служили наши послы при дворахъ иностранныхъ государей, доставлявшіе отчеты и разнаго рода вѣсти о всемъ видѣнномъ, слышанномъ и происходившемъ за границей.

1) М. Сухомлиновъ, назв. соч., с. 219—220. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, напечатана рѣчь Барсова на тему „Съ какимъ мы намѣреніемъ наукамъ обучаться долженствуемъ?“, говоренная имъ 6 сентября 1760 года: 497—509.

1) Русская Литература. Древній періодъ. Изд. 2, с. 364.

Къ этому времени относится и возникновение періодической печати въ самой Западной Европѣ: первая нѣмецкая газета Frankfurter Oberpostamts-Zeitung стала выходить въ 1615 году, первая англійская Weekly News въ 1622, а первая французская La Gazette въ 1631 году. Это новое и весьма важное средство ознакомленія съ заграничной жизнью быстро было оцѣнено въ Москвѣ и, по собраннымъ свѣдѣніямъ¹⁾, съ 1631 по 1701 годъ въ Московскомъ Посольскомъ Приказѣ получалось 43 иностранныхъ періодическихъ изданія. Впрочемъ, по отсутствію правильныхъ почтовыхъ сношеній съ Западной Европой, иностранныя газеты получались въ Москвѣ нерегулярно, приходя черезъ два-три мѣсяца, а иногда черезъ полгода послѣ своего появленія на мѣстѣ, и только съ 1665 года, по заведеніи иностранной почты въ Россіи, стали онѣ получаться каждыя двѣ недѣли, а потомъ и еженедѣльно. Изъ посольскихъ донесеній, а затѣмъ и изъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, газетъ въ Посольскомъ Приказѣ составлялись для доклада царю краткія свѣдѣнія о военныхъ, политическихъ и иныхъ событіяхъ въ иностранныхъ государствахъ: это и были „куранты“ (отъ лат. *currens*; курантами назывались періодическіе листки въ Голландіи, и подъ этимъ же названіемъ вышла въ первой половинѣ XVII в. первая газета въ Польшѣ). Древнѣйшій столбецъ такихъ курантовъ, хранящійся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относится къ 1621 году. Работа надъ составленіемъ этихъ курантовъ производилась переводчиками Посольскаго Приказа, которые, очевидно, дорожили важностью порученнаго имъ дѣла: по крайней мѣрѣ, есть жалоба ихъ царю Алексѣю

1) А. Неустроевъ. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб. 1874, с. XVIII; Л. М а йковъ. Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики. Спб. 1876, с. 12-13.

Михайловичу на содержателя иностранной почты Марселиса, что онъ прежде ихъ распечатываетъ иностранныя газеты и означаетъ мѣста для переводовъ, тогда какъ „они-де и безъ него знаютъ, что годно перевести и что не годно“¹⁾.

Появленіе и болѣе или менѣе систематическое составленіе придворныхъ курантовъ не осталось безъ вліянія на другіе виды и формы тогдашней русской литературы: съ одной стороны, отрывки изъ нихъ, хотя они и составляли государственную тайну, попадали въ особые рукописные сборники, получавшіе большое распространеніе, а съ другой — въ первой половинѣ XVII в., одновременно съ появленіемъ курантовъ, прекращаются лѣтописи, которыя съ XVI в. велись при Московскомъ Царскомъ Дворѣ и заключали въ себѣ изложеніе событій текущей жизни: послѣднія внесенныя въ эти лѣтописи событія какъ разъ совпадаютъ съ начальными извѣстіями первыхъ русскихъ курантовъ, и, т. о., послѣдніе являются какъ бы ихъ продолженіемъ²⁾.

Однако, съ развитіемъ государственныхъ начинаній и общественныхъ отношеній въ Россіи конца XVII и начала XVIII в., Петръ Великій не удовольствовался рукописными курантами, рассчитанными лишь на весьма узкій кругъ обращенія и на свою слишкомъ спеціальную цѣль. Желая привлечь къ своей гигантской работѣ переустройства русской жизни, расширенія и упорядоченія внѣшнихъ отношеній Россіи вниманіе русскаго общества и облегчить знакомство съ текущей русской дѣйствительностью иностранцамъ, онъ рѣшилъ приспособить на служеніе этому дѣлу печатный станокъ. Изданный имъ 16 декабря 1702 года (П. С. З. IV, № 1921) указъ о печатаніи „вѣдомостей“ получилъ свое осуществленіе сначала въ изданіи книжки „Юрналъ или по-

1) Первые русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Спб. 1855, предисловіе, с. 7—8.

2) Первые русскія вѣдомости, с. 8—9.

денная роспись, что въ мимосшедшую осаду подъ крѣпостью Хотенбурхомъ чинилось сентября съ 26-го числа въ 1702 году“, напечатанной „на Москвѣ, лѣта Господня 1702, декабря 27“; она была оттиснута въ 1000 экз., причемъ корректура была тщательно выправлена и дополнена рукою самого Петра¹⁾. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, 2 января 1703 года, вышелъ и № 1 „Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“. „Вѣдомости“ эти, выходявшія въ Москвѣ, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала и въ размѣрѣ отъ 2 до 7 листовъ, малаго формата въ 8^о, печатались церковнымъ шрифтомъ, въ 1000 экз.; въ 1710 появился №, напечатанный весь гражданскимъ шрифтомъ, и до 1717 года печатаніе производилось обоими шрифтами, послѣ чего лишь исключительно гражданскимъ; 11 мая 1711 года появился первый №, напечатанный въ Петербургѣ, и съ тѣхъ поръ вплоть по 1727, когда изданіе этихъ первоначальныхъ „вѣдомостей“ прекратилось, №№, все увеличиваясь въ объемъ, выходили то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ²⁾.

Содержаніе этихъ московско-петербургскихъ „вѣдомостей“ 1703—1727 годовъ очень интересно, изобличая большую тщательность и искусство редакціи (б. м., графа Ѳ. А. Головина), руководимой личной волей и ближайшими указаніями самого Петра: тутъ имѣются свѣдѣнія о жизни въ иноземныхъ государствахъ, составленныя на основаніи иностранныхъ газетъ и посольскихъ донесеній, напр. Голландскаго посланника графа Матвѣева, а преимущественно сообщенія о событіяхъ русской жизни — военныхъ походахъ,

1) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, II, № 57, с. 66—67.

2) Первые русскія вѣдомости, с. 14—22. Новое изданіе „Вѣдомостей времени Петра Великаго“, подъ ред. В. Погорѣлова: I. М. 1903; II. М. 1906.

новыхъ царскихъ указахъ и распоряженіяхъ, дѣятельности правительственныхъ учрежденій, школахъ, разныхъ общественныхъ и частныхъ предпріятіяхъ, случаяхъ, открытіяхъ и находкахъ (напр. мѣдной руды, квасцовъ, купороса и пр.); притомъ, все это изложено языкомъ по тому времени правильнымъ, простымъ и удобопонятнымъ.

Продолженіемъ первоначальныхъ „вѣдомостей“ собственно Петровской эпохи явились „Санктпетербургскія Вѣдомости“, издававшіяся при Академіи Наукъ, по два раза въ недѣлю; первый № ихъ вышелъ 2 января 1728 года. Редакція этого изданія была возложена Академіей на адъюнкта, впоследствии академика, уже упомянутого нами Г. Фр. Миллера. Подъ тѣмъ же названіемъ онѣ существуютъ и до настоящаго времени. Въ видѣ приложения къ академическимъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, съ апрѣля 1728 года выходили: „Мѣсячныя історическія, генеалогическія и географическія примѣчанія“ (1728) и „Історическія, генеалогическія и географическія примѣчанія“ (1729—1742), подъ редакцію того же Миллера; послѣднія въ 1729 году вышли и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Historische, Genealogische und Geographische Anmerkungen über die Zeitungen auf das Jahr MDCCXXIX“. Свои редакторскіе планы Г. Ф. Миллеръ, работавшій по порученію и при сотрудничествѣ членовъ Академіи, выяснялъ слѣдующимъ образомъ: „Ко исполненію сего намѣренія [т. е. изданія „Примѣчаній“, имѣвшихъ ученый характеръ] собрались разные персоны, изъ которыхъ всякой трудиться будетъ къ пользѣ и къ удовольствованію читателей нѣчто сообщать. Итакъ, не имѣемъ причины опасаться, чтобъ намъ въ томъ какой недостатокъ приключится могъ, понеже мы оныя такъ распространить намѣрены, что нетокмо, какъ въ прочемъ обыкновенно, новую политическую історію, генеалогію и географію изъяснять, но и о всемъ прочемъ, что токмо въ вѣдомостяхъ приключится можетъ, наше мнѣніе объявлять будемъ; мы не будемъ

стужать временемъ на древніе и средніе времена обращать, и о тогдашнемъ состояніи государствъ, земель и высокихъ фамилій разсматривать. Такожде не оставимъ при данномъ случаѣ изъ разныхъ частей натуральной, церковной и ученой історіи многое прибавлять, что мы нашимъ читателемъ пріятнаго и полезнаго изыщемъ“¹⁾. Дѣйствительно, „Примѣчанія“ отличались большимъ разнообразіемъ содержанія и научнымъ характеромъ изложенія; какъ бы сознавая, что ученныя статьи могутъ быть интересны лишь для весьма ограниченнаго круга тогдашнихъ читателей въ Россіи, редакторъ помѣщалъ тамъ отъ времени до времени легкія статьи и стихотворенія, имѣвшія, правда, очень мало общаго съ настоящей поэзіей и беллетристикой. Черезъ 12 лѣтъ послѣ прекращенія „Примѣчаній“, Ломоносовъ, въ письмѣ къ И. И. Шувалову (3 января 1754) съ большимъ одобреніемъ вспомнилъ объ этомъ академическомъ изданіи и желалъ его возобновленія, а въ 1765 и 1766 годахъ даже напечатаны были въ Москвѣ два тома извлеченій изъ этого изданія²⁾. Въ „Примѣчаніяхъ“ сотрудничали преимущественно нѣмецкіе академики (Эйлеръ, Крафтъ, Вейтбрехтъ, Винцгеймъ, Юнкеръ, Штелинъ и др.), а изъ русскихъ Ломоносовъ, Тредьяковскій и переводчики Адауровъ и Волчковъ³⁾. Въмѣстѣ съ этимъ, въ интересахъ русскихъ читателей, которые могли бы ближе и удобнѣе ознакомиться съ ходомъ академическихъ работъ и занятій, Академія Наукъ издавала въ 1748—1754 годахъ „Содержаніе ученыхъ разсужденій“ своихъ, печатавшихся на иностранныхъ языкахъ⁴⁾.

1) Изъ первой статьи „Примѣчаній“ 1729 года: [А. Куникъ]. Введеніе объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ съ 1726 по 1852 годъ и объ изданіи „Ученыхъ Записокъ“. Ученныя Записки И. Академіи Наукъ, I, с. XLI—XLII.

2) Тамъ же, с. XLV. LXV.

3) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. I, с. 254. 465. 472. 642; II, 319. 325.

4) А. Неустроевъ, назв. соч., с. 40—46.

Указанныя періодическія изданія Академіи во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о желаніи ея членовъ идти, по мѣрѣ своей возможности, на встрѣчу образовательнымъ потребностямъ русской жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, потребности эти все болѣе и болѣе расширялись: чувствовалась необходимость въ такомъ періодическомъ изданіи, которое бы отличалось большимъ энциклопедизмомъ содержания и включало бы въ себя, по примѣру уже существовавшихъ на Западѣ журналовъ, не только научныя статьи, но и беллетристику, поэзію, философію, публицистику, статьи по вопросамъ общественнымъ, промышленнымъ и житейскимъ и всякаго рода интересную для читателя и въ то же время содержательную и поучительную „смѣсь“. Опытный въ журнальномъ редакторствѣ, Г. Ф. Миллеръ взялъ на себя осуществленіе и этой задачи. Получивъ назначеніе въ мартѣ 1754 года секретаремъ Ученой Конференціи Академіи Наукъ, Миллеръ, въ силу даннаго Академіи новаго „регламента“ 1747 года (§ 32), долженъ былъ принять на себя редакцію упомянутаго академическаго журнала „Содержаніе ученыхъ разсужденій“, но, мечтая о новомъ журнальномъ предпріятіи Академіи Наукъ въ указанномъ смыслѣ и, м. б., опираясь на выраженное Ломоносовымъ въ упомянутомъ письмѣ къ И. И. Шувалову 1754 года желаніе видѣть возобновленіе „Примѣчаній“, представилъ Академіи о прекращеніи изданія „Содержанія ученыхъ разсужденій“ и объ основаніи, вмѣсто него, съ 1755 года другого журнала съ болѣе широкой программой. Въ начертанномъ Миллеромъ планѣ новаго журнала, послѣдній долженъ былъ „смотря по различію читателей, всегда перемѣнять матеріи, дабы всякой, по своей склонности и охотѣ, могъ чѣмъ-нибудь пользоваться“; въ немъ должны предлагаться „всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ,

въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ и въ прочихъ какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ“¹⁾. Предложеніе Миллера было принято, и ему вручено было руководство изданіемъ въ качествѣ редактора. Первоначально имѣлось въ виду прилагать книжки этого журнала ежемѣсячно при Академическиххъ „Вѣдомостяхъ“, назвавъ эти приложенія „С.-Петербургскими Академическими Примѣчаніями“, но потомъ рѣшено было выпускать новый журналъ самостоятельно, подъ именемъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, и печатать его въ количествѣ 2000 экземпляровъ. Журналъ этотъ существовалъ десять лѣтъ (1755—1764), называясь въ 1755—1757 годахъ „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“, въ 1758—1762 „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія“, и въ 1763—1764 „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“, но въ сущности не мѣняя своего основного характера; онъ прекратился лишь съ переѣздомъ Миллера въ Москву, назначеннаго туда императрицей Екатериной главнымъ надзирателемъ только что учрежденнаго въ Москвѣ Воспитательнаго Дома.

„Ежемѣсячныя Сочиненія“ были не только первымъ русскимъ журналомъ общаго характера, но и вообще весьма замѣчательнымъ періодическимъ изданіемъ своего времени. Редакторъ Г. Ф. Миллеръ вполне стоялъ на высотѣ своей задачи, воодушевленный самымъ серьезнымъ намѣреніемъ давать въ своемъ журналѣ разнообразное, интересное и поучительное чтеніе; онъ же былъ и самымъ усерднымъ изъ авторовъ, помѣщавшихъ въ журналѣ свои произведенія по ученой части; рядомъ съ нимъ, въ журналѣ участвовали и всѣ почти лучшія писательскія силы той эпохи. Акаде-

1) А. Кунікъ, назв. соч., с. LVIII.

мія Наукъ своїми матеріальними средствами обезпечила прочное существованіе журнала, что впрочемъ, при тогдешнихъ литературныхъ обычаяхъ, и не представляло большой трудности: какъ члены Академіи и академическіе переводчики, спеціально приставленные къ „Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ“, такъ равно и постороннія Академіи лица не получали за свои статьи въ журналѣ особаго денежнаго гонорара, а довольствовались немногими экземплярами оттисковъ своихъ трудовъ, въ немъ напечатанныхъ ¹⁾).

Богатое содержаніе журнала ²⁾ можетъ быть при обзорѣ разбито на три части. Первое мѣсто, по образовательной важности, серьезному интересу и по личному авторскому участию редактора, занимали статьи, касавшіяся исторіи, географіи и статистики Россіи. Самъ Миллеръ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ знатоковъ Россіи того времени въ указанныхъ отношеніяхъ. Въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ онъ помѣстилъ, напр., статьи „О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ, преподобномъ Несторѣ, и его лѣтописи и о продолжателяхъ оныхъ“, „О началѣ и происхожденіи казаковъ“, „Опытъ новѣйшія исторіи Россіи“, „Краткій перечень Сибирской исторіи“, „Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ“, „О китовой ловлѣ около Камчатки“, „Роспись губерніямъ, провинціямъ, городамъ, крѣпостямъ и другимъ достопамятнымъ мѣстамъ, въ Россійской Имперіи находящимся“ и т. п.; изъ сотрудниковъ его въ этомъ отдѣлѣ можно назвать П. И. Рычкова, полковника І. Г. Гербера, Ѳ. И. Соймонова, д-ра Готлиба Шобера, академика І.

1) П. Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. Приложение къ XII-му тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 5. Спб. 1867, с. 13—14.

2) Подробное обзорѣе его сдѣлано въ обстоятельной статьѣ В. А. Милютинъ: Очерки русской журналистики, преимущественно старой. I. Ежемѣсячныя Сочиненія, журналъ 1755—1764 годовъ. Статьи I, II и III. Современникъ 1851, тт. XXV и XXVI.

А. Брауна. Въ этихъ статьяхъ самого Миллера и его со-трудниковъ читатели находили массу свѣжаго историко-географическаго и статистическаго матеріала, добытаго непосредственно изъ источниковъ и научно обработаннаго; но все-таки это были труды для сравнительно небольшого круга русскихъ читателей, достаточно подготовленныхъ къ чтенію научныхъ сочиненій. Болѣе широкій кругъ читающей русской публики захватывали такія статьи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, которыя въ легкой и популярной, по тогдашнему, формѣ трактовали вопросы философіи и педагогики, естествознанія и медицины, правовѣдѣнія, политики, этнографіи, военнаго дѣла, искусства и словесности. Если въ первомъ указанномъ отдѣлѣ преобладали статьи оригинальныя, то въ этомъ, напротивъ, были сочиненія по преимуществу переводныя: д'Аламберта „Обстоятельное изъясненіе системы знаній человѣческихъ“, статьи Бюффона и Линнея, экономиста Беллони и мн. др.; масса переводныхъ статей самаго разнообразнаго содержанія, приспособленныхъ тщательной редакторскою рукою Миллера къ своему журналу, были заимствованы изъ тогдашнихъ наиболѣе извѣстныхъ западно-европейскихъ періодическихъ изданій: нѣмецкихъ — „Грейфсвальдскія Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, „Мечтатель“, „Пилигримъ“, „Гамбургскій Патриотъ“, „Нравственныя размышленія“, французскихъ — „Парнасская Пчела“, „Новый французскій Магазинъ“, „Новый французскій Зритель“, и англійскихъ — „Универсальная Исторія“, „Англійскій Универсальный Магазинъ“, „Зритель“ и др. Наконецъ, еще ближе подходилъ къ уровню русскихъ читателей „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ тотъ отдѣлъ журнала, въ которомъ сосредоточивалась беллетристика и стихотворство; но съ современной намъ точки зрѣнія онъ является самымъ слабымъ и наиболѣе устарѣвшимъ. Наиболѣе усерднымъ участникомъ журнала въ отдѣлѣ стихотворства былъ Сумароковъ, помѣстившій въ немъ свыше ста

своихъ стихотвореній; Ломоносовъ, самая горячая пора увлеченія поэзійей у котораго въ эти годы уже проходила и который, къ тому же, непріязненно соперничалъ въ это время съ Миллеромъ по Академіи, помѣстилъ въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ только два своихъ стихотворенія; Тредьяковскій, у котораго также были большіе счеты съ Миллеромъ и который подозрѣвалъ даже, что Миллеръ нарочно чинить препятствіе къ помѣщенію его трудовъ въ журналъ¹⁾, напечаталъ лишь три стихотворенія. Болѣе усердными стихотворцами, кромѣ Сумарокова, были для журнала М. М. Херасковъ и переводчикъ Андрей Нартовъ; было не мало и стихотвореній анонимныхъ²⁾.

Слабѣ всего дѣло обстояло съ беллетристикой или „изящной прозой“, которая, какъ литературный жанръ, была для тогдашней русской литературы явленіемъ еще слишкомъ новымъ и не имѣвшимъ самостоятельныхъ представителей. Поэтому, приходилось прибѣгать къ переводамъ. „Изящная проза“ того времени въ Западной Европѣ была по преимуществу сатирическая и нравственно-назидательная, иногда съ отѣнкомъ уже прорывавшагося въ литературу сентиментализма. Всего болѣе этому отдѣлу „Ежемесячныхъ Сочиненій“ доставили матеріалъ переводы изъ знаменитыхъ англійскихъ журналовъ „Болтунъ“, „Зритель“ и „Опекунъ“ Стиля и Аддисона, 1709—1715 годовъ³⁾. Въ заимствованныхъ отсюда статьяхъ подвергаются, въ легкой формѣ, осмѣянію и осужденію разные общечеловѣческіе недостатки; даются наставленія о томъ, что нужно умѣть подавлять свои страсти, переносить терпѣливо невзгоды жизни, надѣяться на конеч-

1) П. Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, с. 16—17.

2) О нихъ и о предполагаемыхъ авторахъ ихъ см. у В. Милутина, I ст., с. 27—31.

3) Обстоятельное изслѣдованіе о нихъ — В. Лазурскаго: Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Изъ исторіи англійской журналистики XVIII вѣка. I. Одесса, 1909.

ное торжество добродѣтели и т. п. Изъ французской литературы для этого отдѣла „Ежемесячныхъ Сочиненій“ послужили преимущественно Вольтеръ, Фонтенель и Флешье; изъ нѣмецкихъ авторовъ нашли здѣсь свое отраженіе Г. Э. Шлегель, Галлеръ, Рабнеръ и очень многія извлеченія изъ журналовъ „Другъ“, „Гамбургскія сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ и пр. Изъ русскихъ авторовъ, дававшихъ свой матеріалъ для отдѣла „изящной прозы“ журнала Миллера, приходится отмѣтить немногихъ. Сотрудничество извѣстнаго И. П. Елагина (1725—1796), выразилось преимущественно въ переводахъ — изъ аббата Прево („Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ“, „Исторія Маноны Леско“), „Мизантропа“ Мольера и драмы нѣмецкаго трагика Браве „Безбожный“; изъ полуоригинальныхъ сочиненій Елагина можетъ быть названа здѣсь статейка „Авторъ“, заимствованная изъ одного лейпцигскаго журнала и представляющая собою нѣчто въ родѣ фельетона съ элементами невысокаго юмора и стремленіемъ къ остроумію. Знаменитый впослѣдствіи совсѣмъ на другомъ поприщѣ А. В. Суворовъ далъ двѣ статьи изъ очень популярныхъ въ ту пору т. наз. „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“ (Кортецъ и Монтезума, Александръ Великій и Геростратъ). Кромѣ того, по части изящной словесности въ журналѣ Миллера дали свои статьи Александръ Демидовъ и какой-то Н*** — м. б. упомянутый уже А. Нартовъ¹⁾. Наконецъ, изъ русскихъ для журнала работали: упомянутый нами выше Н. Поповскій, затѣмъ Румовскій и Котельниковъ, Гр. Павинскій, А. Константиновъ, Ф. Яремскій, переводчики Лебедевъ, Поповъ и Голубцевъ²⁾.

Блестящіе результаты, достигнутые Миллеромъ въ качествѣ редактора „Ежемесячныхъ Сочиненій“, не обошлись

1) В. Милютинъ, I ст., с. 32—48.

2) П. Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, с. 27—30.

для него однако же безъ весьма чувствительныхъ затрудненій и огорченій. Не говоря уже о печальной и трудной роли наблюдателя тѣхъ постоянныхъ вспышекъ самолюбія, обидчивости и мстительности, которыя происходили на литературной почвѣ между сотрудниками журнала, Сумароковымъ и Тредьяковскимъ, и отражались такъ или иначе на спокойномъ веденіи его редакціи¹⁾, Миллеръ долженъ былъ считаться иногда и съ болѣе серьезными затрудненіями. Правильно организованной цензуры для „Ежемесячныхъ Сочиненій“ установлено не было, но Миллеръ, естественно, долженъ былъ считаться съ этой стороной дѣла, беря на себя моральную и всякую иную тяжесть неопредѣленнаго положенія и личной отвѣтственности; обращеніе въ затруднительныхъ случаяхъ къ академической канцеляріи или къ самому президенту Академіи не всегда помогали дѣлу. Поводовъ къ непріятностямъ на этой почвѣ было немало. Такъ, въ 1757 году была набрана въ академической типографіи для помѣщенія въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ статья Григорія Полетики „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“, но, сдѣлавшись извѣстной Ломоносову, только что передъ тѣмъ назначенному членомъ академической канцеляріи, она вызвала съ его стороны устное замѣчаніе Миллеру, что статью Полетики „печатать не пристойно, понеже въ оной со X вѣка послѣ Рождества Христова по XVII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто; а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія, что-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о кievскихъ школахъ, а не о московскихъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ, было представлено президенту графу Разумовскому о Миллерѣ, какъ чловѣкѣ

1) П. Пекарскій, назв. соч., с. 41—45.

безпокойномъ. Послѣдній, въ объясненіи своемъ, писалъ Разумовскому: „Моя привязанность къ Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ“. Однако президентъ принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была въ журналъ не допущена, и Миллеру сдѣлано внушеніе выполнять требованія канцеляріи¹⁾.

Въ другой разъ, въ 1759 году, академическій совѣтникъ Таубертъ потребовалъ отъ Миллера объясненія касательно стиховъ, напечатанныхъ въ февральской книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ этого года въ честь танцовщицы Сакко: такъ какъ эта танцовщица находилась на придворномъ театрѣ, то на стихи было обращено вниманіе при Дворѣ, при чемъ они тамъ не понравились. Въ своемъ объясненіи Тауберту Миллеръ писалъ: „Такъ какъ я не посѣщаю здѣшняго итальянскаго театра и никогда не слыхалъ имени Сакко, то я предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ итальянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому то я несколько и не затруднялся въ помѣщеніи ихъ въ журналъ“. Вслѣдствіе этого упомянутые стихи („Сонетъ или мадригалъ Либеръ Сакъ, актрицъ Итальянскаго вольнаго театра“), принадлежавшіе, какъ оказалось, перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго, были изъяты изъ журнала, и канцеляріей сдѣлано на будущее время такое постановленіе: „прежде отдачи въ станы, какая бы о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію“. Между тѣмъ инкриминированные стихи, уцѣлѣвшіе въ нѣкоторыхъ экземплярахъ

1) П. Пекарскій, назв. соч., с. 45—47.

журнала, представляют лишь похвалы красотъ Сакко, и только въ послѣдней строфѣ онѣ противопоставлены объясняемому завистью слуху про артистку: „хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевететь ты хулою“¹⁾.

Наряду съ этими академическими изданіями, имѣвшими официальную поддержку матерьяльными средствами и писательскими силами со стороны перваго ученаго и сравнительно богатаго учрежденія въ имперіи, были въ Петербургѣ, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и попытки частныхъ издательскихъ предпріятій. Объ одной изъ нихъ, именно „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова (1759) было говорено выше (с. 131—132). Другимъ подобнымъ предпріятіемъ является журналъ „Праздное время въ пользу употребленное“, издававшееся въ теченіе двухъ лѣтъ (1759—1760) ежемѣсячно, при Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, мѣстѣ воспитанія А. П. Сумарокова. До сихъ поръ неизвѣстно, кто были издатель и редакторъ этого журнала, но значительное вниманіе, удѣляемое въ разныхъ статьяхъ Сухопутному Корпусу („Извѣстіе о напечатанныхъ книгахъ въ типографіи С. Ш. К. К.“ 1759, май; „Извѣстіе о гуляньѣ въ саду С. Ш. К. К.“ 1759, іюнь; „Извѣстіе о дозволеніи въ саду при С. Ш. К. К. гулять по вторникамъ и четвергамъ“ 1760, май; „Описаніе церемоніи, бывшей въ С. Ш. К. К. при освященіи знаменъ“, 1760, іюнь, и пр.) только подтверждаетъ свидѣтельство Я. Штелина слѣдующаго содержания: „Въ этомъ же (1759) году явился изъ типографіи кадетскаго корпуса еженедѣльный листокъ, съ разными переводами съ нѣмецкаго и французскаго языковъ небольшихъ статей, переведенныхъ кадетами, которые упражнялись въ языкахъ“²⁾. Т. о., едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что „Праздное время“ составлялось и издавалось кружкомъ воспитанниковъ Сухопутнаго Корпуса, который, какъ мы видѣли, еще въ 40-хъ годахъ

1) П. Пекарскій, назв. соч., с. 49—50.

2) Записки Штелина [о русскихъ писателяхъ]: Матеріалы для исторіи русской литературы, П. А. Ефремова, с. 166.

XVIII в. былъ прибѣжищемъ усердныхъ литературныхъ и театральныхъ упражненій и воспитать въ своихъ стѣнахъ литературно-сценическое дарованіе Сумарокова. Помѣщавшіяся въ журналѣ статьи были по преимуществу переводныя съ языковъ французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго, датскаго, даже съ греческаго и латинскаго. Большая часть статей, оригинальныхъ и особенно переводныхъ, не подписаны, но изъ инициаловъ именъ и другихъ указаний можно назвать слѣдующихъ сотрудниковъ „Празднаго времени“: А. П. Сумароковъ, А. Нартовъ, С. Порошинъ, П. С. Валуевъ, П. И. Пастуховъ и, м. б., другіе, о которыхъ имѣются догадки Л. Майкова¹⁾; полной фамиліей, какъ авторы, подписались князь Василій Бѣлосельскій и Николай Титовъ²⁾. Журналъ имѣлъ по преимуществу сатирическое и нравственно-правоучительное направленіе, съ явственнымъ отгѣнкомъ сантиментальности, прибѣгая къ излюбленнымъ въ это время формамъ „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“, дѣлая разсужденія, „о душевномъ спокойствіи“, „о предѣлахъ дружества“, „о самомъ себѣ“, „о молчаливости“, „о худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти“ и т. п.; нѣкоторыя статьи брались изъ популярныхъ западно-европейскихъ журналовъ „Зритель“ и „Патріотъ“. Вообще журналъ велся весьма умѣло и интересно, и едва-ли не долженъ быть поставленъ, по обилію и разнообразію матеріала, выше „Трудолюбивой Пчелы“ Сумарокова, издававшейся въ одинъ годъ съ первыми двумя частями „Празднаго времени“; сотрудничество самого Сумарокова въ „Праздномъ времени“ замѣтно гораздо болѣе во второй годъ существованія этого журнала (1760), когда знаменитый драматургъ и сатирикъ, оставивъ собственный журналъ, имѣлъ болѣе досуга для участія въ другихъ изданіяхъ. Указанныя качества „Празднаго времени“ даютъ основаніе

1) Назв. соч., с. 23—24.

2) А. Неустроевъ, назв. соч., с. 71.

присоединиться къ тому мнѣнію, что этотъ журналъ „скорѣе, чѣмъ другія современныя ему изданія, можетъ быть названъ прототипомъ русскихъ литературныхъ журналовъ до конца XVIII вѣка“¹⁾.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ свое пребываніе Дворъ, правительственныя учрежденія и Академія Наукъ, возникала и развивалась періодическая печать, въ Москвѣ, какъ недавней столицѣ и второмъ по населенію городѣ имперіи, тоже чувствовалась необходимость въ газетѣ и журналѣ. Однако до основанія Московскаго университета эта потребность не была удовлетворена. Послѣ перенесенія первыхъ „вѣдомостей“, возникшихъ въ 1703 году въ Москвѣ, окончательно въ Петербургѣ, Москва оставалась безъ періодическаго органа печати, и только съ возникновеніемъ университета основаны были при немъ „Московскія Вѣдомости“, первый № которыхъ вышелъ 26 апрѣля 1756 года. Внѣшней стороной изданія, при его основаніи, завѣдывалъ М. М. Херасковъ — по тогдашнему званію своему ассесора университетской конференціи, а первыми редакторами его были профессора Московскаго университета Н. Н. Поповскій и А. А. Барсовъ. „Московскія Вѣдомости“ долгое время (до 1842 года) выходили только два раза въ недѣлю и въ первые годы своего существованія имѣли лишь офиціальныя характеры: въ нихъ помѣщались правительственныя распоряженія, придворныя извѣстія, политическія новости, сообщенія о заграничныхъ дѣлахъ и объявленія; литературныхъ статей не было, но и указанныя рубрики дали впоследствии богатый и интересный матеріалъ для изображенія картины русской жизни — по крайней мѣрѣ за первые семь лѣтъ существованія газеты²⁾.

Вскорѣ однако возникло въ Москвѣ и литературное періо-

1) Л. Майковъ, назв. соч., с. 22.

2) В. Коршъ. Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей (1756—1856). Моск. Вѣд. 1856, №№ 1. 3. 12. 37. 67. 87. 101. 149. 155, и отд. М. 1857.

дическое изданіе, подъ заглавіемъ „Полезное увеселеніе“, издателемъ котораго явился тотъ же М. М. Херасковъ. Оно просуществовало два съ половиной года, съ января 1760 по іюнь 1762, выходило ежемѣсячно и по общему характеру своему походило на петербургскія „Праздное время“ и „Трудолюбивую Пчелу“. Главное участіе въ немъ, въ качествѣ автора, принималъ самъ Херасковъ и жена его Е. В. Хераскова; многія статьи писаны были тогдашними студентами Московскаго университета; въ числѣ сотрудниковъ можно назвать А. Карина, А. Нартова, И. Ѳ. Богдановича, В. Майкова, А. Нарышкина, А. Ржевскаго, С. Г. Домашнева, Я. И. Булгакова и др.¹⁾ Таковы были, въ самыхъ общихъ чертахъ, начатки періодической печати въ Россіи первой половины XVIII в., возникшей главнымъ образомъ при двухъ учено-учебныхъ учрежденіяхъ имперіи, Академіи Наукъ и Московскомъ университетѣ, и опиравшейся на ихъ наличныя писательскія силы. Однако эти начатки сыграли важную подготовительную роль въ разцвѣтѣ русскихъ періодическихъ литературныхъ изданій, ознаменовавшемъ собою, уже при Екатеринѣ II, конецъ 60-хъ и первую половину 70-хъ годовъ XVIII вѣка.

1) М. Лонгиновъ. Малоизвѣстные московскіе журналы 1760—1764 годовъ. Моск. Вѣд. 1857 № 36; А. Неустровъ, назв. соч., с. 82—83.

Указатель.

Анна Иоанновна 40. 59. 108.
 Аванасьевъ, А. П. 82.
 Байеръ, Г. З. 136.
 Барклай, I. 18. 37.
 Варсовъ, А. А. 143—145. 161.
 Бергъ, Э. П. 123.
 Билярскій, П. С. 48. 102. 104.
 Богдановичъ, И. Ѳ. 162.
 Вомарше 125.
 Врюма 35.
 Буало 9. 10. 11. 12. 34. 35. 37. 117.
 Будиловичъ, А. С. 66. 94. 96. 99.
 100. 103.
 Буличъ, Н. 66. 107. 114. 129.
 Бурсье 20.
 Буслаевъ, Ѳ. И. 96. 99.
 Вѣлокуровъ, С. А. 49.
 Вѣлорусовъ, И. 127.
 Варнеке, Б. В. 128.
 Введенскій, Ир. 16. 38.
 Венгеровъ, С. А. 40.
 Вилинскій, С. Г. 44.
 Виноградовъ, Д. 52.
 Виргилій 15. 77.
 Волчковъ 150.
 Волынский, А. 14—15.
 Вольтеръ 35. 78. 119. 121. 123. 126.
 127. 156.
 Вольфъ, Хр. 52. 53. 54. 55. 62. 63.
 64. 67. 96.
 Воронцовъ, М. Л., гр. 67.
 Воскресенскій, Г. А. 50. 65.
 Всеволодскій-Гернгроссъ, В. 40. 111.
 117.
 Генкель, I. Ф. 51. 52. 54. 55.

Геннади, Г. 107.
 Глаголева, Т. 104.
 Глинка, С. Н. 106. 129.
 Глюкъ 30—31.
 Гнѣдичъ, Н. И. 15.
 Головкинъ, И. Г., гр. 19.
 Гомеръ 15. 35. 77.
 Гораций 34. 35.
 Горка, Л. 10.
 Готшедъ, I. Хр. 61—63. 76. 96.
 Грандильевскій, А. 45.
 Гротъ, Я. К. 99.
 Губерти, Н. 116.
 Гундуличъ, И. 28.
 Гюнтеръ, I. Хр. 60—61. 62.
 Дамаскинъ-Рудневъ 60. 68.
 Данелевичъ, Д. 50.
 Державинъ, Г. Р. 44.
 Дидро 125. 126.
 Дмитревскій, И. А. 112.
 Домашневъ, С. Г. 139—140. 162.
 Дризенъ, Н. В., бар. 112.
 Евгений, митр. 17.
 Екатерина II. 72. 115. 152.
 Елагинъ, И. П. 117. 156.
 Елизавета Петровна 67. 70. 72. 79.
 111. 134. 135.
 Ефремовъ, П. 16. 76. 138. 139. 159.
Жюбе 20.
 Замотинъ, И. И. 44.
 Зауспинскій, К. 131.
 Ивашенко, К. 131.
 Иоаннъ Антоновичъ 69.

- Кадлубовскій, А. П. 100.
 Калайдовичъ, П. 74.
 Кантемиръ, А. Д., кн. 4. 65. 130. 134.
 Карабановъ, А. 108.
 Карамзинъ, Н. М. 44.
 Каринъ, Ѳ. Г. 116.
 Карскій, Е. Ѳ. 44.
 Кауссинъ 96.
 Квѣтницкій, Ѳ. 50.
 Кирилловъ, И. К. 49.
 Козицкій, Гр. 131.
 Козодавлевъ, О. 68.
 Коль, Я. П. 137—138.
 Конисскій, Гр. 10.
 Корнель 9. 12. 76. 124.
 Корфъ, бар. 51. 52. 59.
 Коршъ, В. 161.
 Котельниковъ, С. 131.
 Крайскій, П. 50.
 Круглый, А. 13.
 Крузіуеъ 14.
 Куникъ, А. 25. 26. 35. 54. 55. 57. 58.
 61. 74. 85. 150. 152.
 Куракинъ, А. Б., кн. 19. 22.

 Лавровскій, Н. А. 103.
 Лазурскій, В. 155.
 Ламанскій, В. И. 46. 103.
 Лепехинъ 51.
 Ломоносовъ, М. В. 3. 6. 7. 13. 14.
 17. 25. 29. 32. 41—104. 109. 114.
 116. 132. 133. 135—137. 140. 143.
 150. 155. 158.
 Лонгиновъ, М. 113. 114. 129. 162.

 Магницкій, Л. 18. 46.
 Майковъ, Л. 16. 146. 160. 161.
 Матвѣевъ, гр. 148.
 Меншуткинъ, Б. Н. 44.
 Миллеръ, Г. Ф. 95. 149—159.
 Милютинъ, В. А. 153. 155. 156.
 Мольеръ 9. 122. 123. 125. 127.
 Мотонисъ, Н. 131.
 Мочульскій, В. Н. 10—13.

 Нартовъ, А. 125. 155.
 Наталья Алексѣевна 110.
 Неустровъ, А. Н. 146. 150. 160. 162.
 Николай Михайловичъ, в. кн. 24—25.

 Николевъ, Н. П. 116.
 Новиковъ, Н. И. 16—17. 23. 46. 142.

 Олинъ, В. 86.

 Павель Петровичъ, в. кн. 97.
 Паусъ 30—31.
 Пекарскій, П. 14. 15. 21—24. 29. 32.
 35. 39. 47. 51. 81. 85. 86. 92. 97.
 102. 136—140. 148. 150. 153. 155.
 156. 157. 158. 159.
 Перевлѣскій, П. 40. 68.
 Перетцъ, В. Н. 29—31. 83. 117.
 Петровскій, М. 29.
 Петръ I. 4. 5. 6. 7. 8. 18. 41. 42. 47.
 73. 77—79. 145. 147.
 Петръ III. 72.
 Пиндаръ 34.
 Погодинъ, М. П. 86. 138.
 Погорѣловъ, В. 148.
 Полетика, Гр. 157.
 Поликарповъ, Ѳ. 18.
 Полоцкій, С. 13. 46. 69.
 Помей 96.
 Понтанъ 12.
 Поповскій, Н. Н. 140—142. 156. 161.
 Поповъ, Н. 131.
 Порошинъ, С. 160.
 Посошковъ, И. Т. 4. 92.
 Прокоповичъ, Ѳ. 12. 19. 65. 116. 117.
 134.
 Пушкинъ, А. С. 17. 44. 106.
 Пушкиновъ, Н. 128.
 Пѣтуховъ, Е. В. 81.

 Радищевъ, А. Н. 17.
 Разумовскій, А. Г., гр. 109.
 „ К. Г., гр. 72. 81. 128.
 Райзеръ, Г. У. 52.
 Рамсэ 35.
 Рапэнъ 35.
 Расинъ 9. 13. 76. 109. 117. 123. 127.
 Ролленъ 32. 34. 35.
 Руссо 124.
 Рѣзановъ, В. И. 76.

 Салтыковъ, П. С., гр. 128.
 Селлій, Ад. 139.
 Сентъ-Эвремонтъ 35.

- Сибирцевъ, І. М. 45.
 Сиповскій, В. В. 44. 104. 111.
 Скалигеръ 12.
 Смотрицкій, М. 46. 98.
 Соболевскій, А. И. 10. 12. 44.
 Солнцевъ, В. 122.
 Софокль 35.
 Стоюнинъ, В. Я. 107.
 Струйскій, Н. 106.
 Суворовъ, А. В. 156.
 Сумароковъ, А. П. 6. 17. 25. 29.
 35—37. 44. 69. 74. 75. 76. 83. 102.
 103. 104—133. 137. 154. 159. 160.
 Сухомлиновъ, М. И. 45. 48. 59. 60. 65.
 66. 68. 82. 93. 144. 145.
 Сухоплюевъ, И. К. 93.
 Тальманъ, П. 22. 37.
 Татищевъ, В. Н. 4. 65. 92. 97. 134.
 135.
 Таубертъ 158.
 Теренцій 35.
 Тихомировъ, И. А. 44.
 Тихонравовъ, Н. С. 86. 92. 115. 141.
 Тредьяковскій, В. К. 6. 7. 13. 14—40.
 42. 51. 56. 57. 58. 59. 63. 69. 74.
 83. 84. 94. 100. 102. 104. 109. 114.
 121. 122. 131. 132. 133. 136. 137. 143.
 150. 155.
 Трифилій 20.
 Трубецкой, Н. Ю., кн. 75.
 Урбинъ, П. В. 117.
 Фенелонъ 32. 37. 56—57. 60. 125.
 Флешье 156.
 Фонтенель 156.
 Хвостовъ, Д. И., гр. 29.
 Херасковъ, М. М. 155. 161. 162.
 Цильхъ, Е. Х., въ замужествѣ Ломоносова 55.
 Цицеронъ 35. 71.
 Чебышевъ, А. А. 125.
 Шевыревъ, С. П. 141.
 Шекспиръ 121. 124.
 Штелинь, Я. 23. 61. 68. 69. 70. 79.
 138. 159.
 Шуваловъ, И. И. 45. 48. 69. 77. 79.
 80. 85. 86. 92. 101. 103. 141. 150.
 Шумахеръ 102.
 Эйлеръ, Л. 72.
 Яворскій, С. 134.
 Языковъ, Д. 107.
 Ѳедоровъ, В. М. 86.

Содержаніе.

	Стр.
1. Новыя потребности литературы. — Схоластика и новоклассицизм	3
2. В. К. Тредьяковскій. — Двойственный характер его литературной репутации. — Его жизнь. — Литературная дѣятельность: по теоріи и исторіи стихосложенія и поэтическихъ родовъ, по литературной критикѣ. — Переводныя и оригинальныя произведенія Т. въ области поэзіи	14
3. М. В. Ломоносовъ. — Общія черты исторической фигуры Л. и его положеніе относительно потребностей современнаго ему русскаго общества. — Жизнь Л.: дѣтскіе и отроческіе годы; ученье въ Московскои школѣ; пребываніе за границей; первые литературные опыты; служба при Академіи Наукъ въ Петербургѣ. — Литературные и научные труды Л. — Оды; трагедіи; эпосъ. — Письмо о пользѣ стекла. — „Гимнъ бородѣ“ и произведенное имъ впечатлѣніе въ литературѣ. — Разсужденіе о сохраненіи и размноженіи російскаго народа. — Письмо о правилахъ російскаго стихотворства. — Риторика. — Россійская грамматика. — О пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ. — Общественная дѣятельность и личный характеръ Ломоносова	40
4. А. П. Сумароковъ. — Сужденія о немъ современниковъ и потомства. — Жизнь С.: ученье въ Сухопутномъ Корпусѣ; первые служебные и литературные шаги. — Театральное дѣло въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в.; любительскіе спектакли въ столицахъ и провинціи. — Трагедіи и комедіи С. — Теоретическіе взгляды на драму въ Россіи до С.; его собственныя теоретическія воззрѣнія. — Слезная комедія во Франціи и отношеніе къ ней С. — Сатиры и притчи С. — Изданіе „Трудолюбивой Пчелы“. — С. какъ литературный критикъ	104
5. 1. Научные труды при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. — Академики Ломоносовъ, Г. Фр. Миллеръ и Г. З. Байеръ. — Я. П. Коль; Я. Штелинь; Ад. Селмій. — Профессора Московскаго университета А. А. Барсовъ и Н. Н. Поповскій	133

Цѣна 1 рубль.

Имѣются въ продажѣ другіе труды того же автора :

1. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888. 2 р.
2. Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. 2 р. 50 к.
3. Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Юрьевъ 1900. 1 р.
4. Проповѣди Гавріила Бужинскаго. Историко-литературный матеріаль изъ эпохи преобразованій (1717—1727). Юрьевъ 1901. 5 р.
5. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія. Т. I (1802—1865). Юрьевъ 1902. 4 р.
6. Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ 1903. 60 к.
7. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865—1902). Спб. 1906. 1 р. 50 к.
8. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. 2. изд. Юрьевъ 1912. 4 р.
[Это сочиненіе удостоено Императорскою Академіею Наукъ большой преміи имени графа Д. А. Толстого.]
9. Письма Н. М. Языкова къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни (1822—1829). Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями Е. В. Пѣтухова. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорскою Академіею Наукъ. Спб. 1913.

Эти изданія, за исключеніемъ № 9, находятся на складѣ въ книжномъ магазинѣ Т-ва „Новое Время“ (С.-Петербургъ, Невскій пр. 40).

